

Цугцванг

А.Фрей

18+

А. Фрей Цугцванг

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70023613
SelfPub; 2024*

Аннотация

После начала охоты на ведьм магическая академия стала оплотом безопасности. Ее стены хранят множество мрачных тайн, которые предстоит разгадать, чтобы победить в кровопролитной борьбе. Эстер с юных лет ощущала себя чужой в магическом мире: ее дар казался бесполезным, а силы ничтожными. Однако появление двух магов, сбежавших от охотников, заставляет ее вступить в опасную игру, ставка в которой – жизнь.

Содержание

1. Симулякр	5
2. Призрачный след	23
3. Девочка с глазами бога	42
4. Уроборос	52
5. Аберрация	65
6. Жертва	76
7. Светлячки	88
8. Пульс	102
9. Нить Ариадны	114
10. Пробуждение	123
11. К истокам	132
12. Ладья	141
13. Шпион	150
14. Паллиатив	159
15. Золотая клетка	166
16. Предательство	175
17. Новый мир	187
18. Сверкающий город	196
19. Вниз по кроличьей норе	206
20. Адские гончие	216
21. Страх	225
22. Иллюзия	233
23. Под кожей	242

24. Поломанные жизни	251
25. Уловка	262
26. Через тернии	268
27. Под покровом ночи	279
28. Ключ к тайнам	294
29. Новый старый дом	304
30. Кости	323
31. В объятиях тьмы	335
32. Искры правды	352
33. Божественное пламя	364
34. Слезы разлуки	376

А. Фрей Цугцванг

1. Симулякр

Различать сон и явь для меня жизненно важно, иначе в этом безумии не выжить.

Ни глазам, ни слуху доверять нельзя. Единственный способ узнать наверняка – заглянуть в собственную память. Если в голове клубится туман и никак не удастся поймать хотя бы тень воспоминаний – надо выбираться. Во сне мы просто оказываемся в гуще стремительно закручивающихся событий, не задаваясь вопросом о предыстории. И так наш собственный разум захлопывает смертельную ловушку.

Мне пришлось узнать все это на горьком опыте. У меня за спиной никогда не было ни наставников, ни учителей, как это обычно случалось у родовитых ведьм и колдунов. Меня оставили на растерзание моему собственному дару. Раз за разом я просыпалась, парализованная от душящего ужаса. Часы я проводила в темноте, не в силах даже пошевелиться. Раз за разом я надеялась, что станет хоть немного легче, но тщетно.

Сейчас я не помнила, как оказалась во влажном подземелье старинного замка, служившего мне домом долгие годы,

зато я чувствовала все: грязную воду под босыми ногами, затхлый запах и пронизывающий до костей холод. Шаг за шагом, рассекая густую темноту, я двигалась к приоткрытой массивной двери, манившей меня к себе. Я медленно провела рукой по старому дереву и проскользнула внутрь.

И без того слабый свет, заливавший коридор, отступил под натиском тьмы. Я сделала шаг в неизвестность, приподнимая руку, чтобы нащупать стену, но нужда в этом отпала – неожиданно загорелись слегка потекшие свечи, окружавшие их.

Я неосознанно подалась вперед, наступив на еще свежую липкую кровь, растекшуюся по плитке. Каждое из трех посеребривших тел лежало на спине. Руки их чинно сложены на груди, прямо над тем местом, где когда-то было сердце. Остекленевшие белые глаза широко распахнуты, а сине-черные губы приоткрыты. Немой хор мертвецов.

На белоснежных одеяниях отчетливо были видны темные следы крови странной, слишком уж четкой формы. Сами тела больше напоминали старые сломанные фарфоровые куклы. Я попыталась коснуться рукава девушки, но мои пальцы прошли сквозь него. Все вокруг начало рассыпаться в пыль, заполнившую собой все пространство. Я хрипло втянула в себя воздух, стараясь не задохнуться, но вместо этого лишь закашлялась. Мое время тут окончено.

***

Когда я наконец вынырнула из сна, мое тело было будто

бы парализовано. На самой периферии сознания еще маячил тот самый первобытный ужас, что отключает рассудок. На краю широкой кровати, огороженной балдахином, сидела моя соседка – Элизабет. Влажное от пота одеяло сбилося куда-то к ногам, оставляя меня в промозглой комнате в одном ночном платье, липнущим к побледневшей коже.

– Эстер, – тихо произнесла девушка, ласково глядя меня по волосам. Ее прикосновения были легкими, успокаивающими, но я дернулась, не в силах прийти в себя. Ее светлый силуэт напоминал мне о них...

– Мне нужно к господину Мортиусу, – хрипло сказала я, но так и не смогла подняться – тело будто бы размякло, отказывалось подчиняться.

– Снова видение? – спросила Элиз.

– Да... – я стиснула зубы и крепко сжала ладонь в кулак.

– Что-то серьезное?

Не в силах ответить, я сдавленно кивнула, оглядываясь по сторонам. За запотевшим окном виднелась зелень бескрайних лесов. Раньше вид одинокого замка на краю скалистого обрыва и шумный океан деревьев приносил спокойствие, но не сейчас. Сейчас я чувствовала лишь безысходность и жгучую потребность сорваться и бежать, пока не откажут ноги, пока пламя не охватит легкие, пока в голове не останется ничего, кроме холодного ветра.

– Зажгу свечи, – понимающе прошептала моя соседка, выскользывая в комнату. Я тяжело вздохнула и поднялась, иг-

норируя пульсирующую головную боль, разрывающую виски. Перед глазами заплясали растекающиеся фиолетовые и черные пятна. – Что ты видела? – осторожно спросила Элиз.

– Тела... В подземелье, – рвано ответила я, резким движением откидывая балдахин. Зрение начало постепенно возвращаться.

– Но твои видения ведь не всегда сбываются.

– Они не сбудутся только если вовремя их изменить.

Это была самая сложная часть. Будущее – хрупкая вещь, но еще более хрупка связь с ним. Порой все мои попытки предотвратить ужасные события, становились их причиной. Мой дар – мое проклятие.

– Я тебя провожу, – мягко, но настойчиво произнесла Элиз.

Я слабо улыбнулась, благодаря судьбу за такую соседку. До этого года я наслаждалась гордым одиночеством, считая это некой привилегией или, скорее, компенсацией. Всю свою жизнь я провела в стенах академии и даже не знала родителей. Но война изменила привычный для всех мир – охотники на ведьм вероломно нарушили многовековое перемирие и устроили первую за последние триста лет чистку. Теперь в академии, ставшей оплотом безопасности, было слишком много студентов, чтобы так расточительно тратить целую комнату на одного человека. Замок окружал темный заколдованный лес, непроходимый ни для людей, ни что самое главное, для охотников.

– Хорошо, – тихо ответила я.

***

Воск медленно стекал по подсвечнику, расплываясь в лужу рядом с моими пальцами. Желтоватый свет дрожащего пламени залил длинный коридор. Нервюры, изящной паутиной оплетавшие потолок, отбрасывали длинные трепещущие тени. Я мельком взглянула в окно, за которым виднелось море деревьев, окутанных предрассветным синим туманом. Темно-зеленые верхушки могучих елей чуть качались, встречая легкие порывы ветра. Синие горы заволокло «бородой», пустившей свои молочно-белые щупальца по многочисленным ущельям. Изо всех сил я старалась занять свою голову бесполезными, механическими мыслями, чтобы не думать о телах. Их искаженные лица мерещились мне в темных углах, витражных окнах и равнодушных скульптурах.

Ноги сами несли меня по хорошо знакомому маршруту через все жилое крыло, вверх на несколько этажей. Директор выбрал себе весьма удаленную комнату в одной из самых высоких башен. В это место невозможно было забрести случайно.

Наконец я оказалась перед темной мраморной лестницей, ведущей к высокой деревянной двери. Вздохнув, я кивнула Элиз и сжала губы. Лестница казалась бесконечно долгой: несколько раз я хотела развернуться и уйти обратно, в постель. Я вовсе не боялась, но каждый раз после видений мое тело будто бы не слушалось меня: даже подъем казался неве-

роятно утомительным.

Будто во сне я постучала и замерла, вслушиваясь в приглушенные звуки за дверью. Спустя несколько минут передо мной стоял директор академии. Выглядел он как всегда безупречно, но, судя по всему, спать он и не ложился. Несмотря на поздний час и приватную обстановку, Мортиус придерживался делового стиля: на нем была его излюбленная рубашка с жабо, жилет и брюки от костюма-тройки. Пиджак, видимо, остался висеть на спинке деревянного стула. Темные длинные волосы, еще не тронутые сединой, как всегда аккуратно зачесаны назад.

– Эстер? – он не любил обращаться к ученикам по имени, но в моем случае выбора у него не было.

– Господин, – я попыталась собраться с мыслями. – У меня было видение. Важное.

– Подожди, – он властно поднял руку, заглядывая мне за спину. – Леди Шир, вы можете быть свободны, – четко сказал он, на что Элиз вежливо склонила голову и, бросив на меня взволнованный взгляд, нехотя направилась в комнату. – Проходите, – его цепкий взор был обращен ко мне.

Комнату директора едва ли бы можно было отличить от кабинета, если бы не кровать, которая, впрочем, была идеально заправлена. Широкий длинный дубовый стол, освещенный сразу семью свечами, был уставлен рукописными книгами и блокнотами.

– Присаживайтесь, – он кивком указал на второй стул. –

Рассказывайте.

– В видении я была в подземелье, на одном из нижних этажей, – начала я, поднимая взгляд.

– Вы когда-то были на нижних этажах? – осведомился директор, прищуриваясь. Всем было прекрасно известно, что спускаться в подземелью ниже, чем на один уровень, строго запрещено.

– Ни разу. Но на полу была вода, а стены казались очень влажными. Двери были точно такими же, как на верхнем уровне подземелья.

Мортиус чуть махнул пальцами, унизированными перстнями, будто поторапливая меня. Меж его бровей четко прорисовалась морщинка.

– За одной из дверей были тела. Три трупа, – выдохнула я.

Мужчина заметно напрягся и нахмурился. Он тут же открыл один из блокнотов, пролистал их до середины и сжал челюсти, нервно постукивая ногтем по поверхности стола.

– Вы не помните... Кто именно там был?

– Одна девушка и два парня. Кто это, сказать точно не смогу... – я качнула головой.

Комната погрузилась в томительную тишину. Мортиус не двигался, замер. Спустя несколько мгновений он поднялся, сделал несколько шагов к высокому витражному окну и скрестил руки на груди.

– Идите спать, Эстер, – твердо сказал он, не оборачиваясь. – Я поручу охране проверить нижние уровни. Прошу не

распространяться об этом. Вероятнее всего, ваше видение, как и предыдущие, не сбудется в точности, – слегка раздраженно сказал он.

Я поднялась, еще раз оглядывая комнату, хмурясь. С самых малых лет я знала Мортиуса, можно сказать, во многом он был моим наставником до того, как разочаровался в моих способностях. За долгие годы я успела изучить его манеры поведения, научилась хоть немного распознавать фальшивые эмоции. В школе ходило немало слухов о директоре, что неудивительно, учитывая его характер, но правда в том, что у Мортиуса скелетов в шкафу больше, чем можно себе представить. Никто из учеников не знал его полного имени, его истинных способностей и, тем более, истории.

Я была гораздо слабее других студентов академии. Многие из них могли похвастаться богатой родословной, а у меня не было ничего – даже фамилии. Мои успехи, несмотря на старание, с натяжкой можно было назвать удовлетворительными. Мортиус был прав – мои видения пока что не сбывались без искажений, но я была уверена, что время еще не настало. Возможно, так я лишь подсознательно боролась с ярлыком бесполезной и бессильной ведьмы, которую академия была вынуждена взять на попечение. На самом деле, я бы хотела сделать что-то стоящее, чтобы увидеть хотя бы тень одобрения в глазах директора.

– Что-то еще? – отстраненно спросил он.

– Нет, ничего, господин Мортиус, – глухо ответила я,

сдерживая недовольство.

– Тогда идите спать. Ваши видения – не причина пропускать утренние занятия.

Я кивнула, взяла подсвечник и спешно покинула комнату. Я брела по пустым коридорам, погрузившись в вялые размышления. Очевидно, он мне не верит. Впрочем, я не особо удивлена. Прорицание – весьма редкий наследственный дар, которым владеют только самые могущественные ведьмы. Порой я и сама чувствовала себя самозванкой. От этой мысли стало так противно на душе, пересохло горло. Мне было неуютно в собственном теле, казалось, что кожа давит на меня, мешая дышать. Воздух стал таким спертым. Я резко остановилась, старясь унять обезумевшее сердце. От моих рваных вдохов свеча задрожала и погасла. Душащее чувство бессилия сомкнулось на горле. Прикрыв потяжелевшие веки, я принялась считать. Удивительно, но это помогало. Помогало ровно настолько, что я успела дойти до ванной комнаты и очистить желудок. Сморгнув пелену слез, я облокотилась о раковину, переводя дыхание. Это случалось после каждого видения, будто плата за нарушение законов природы.

Я набрала прохладной воды в руку и омыла лицо. Стало будто бы легче, словно я могла смыть с кожи липкий ужас.

– Что ж, – произнесла я. – Зато я теперь уверена, что могу рассчитывать только на свои силы. Будто бы раньше этого не знала...

Я подняла голову, рассматривая свое отражение. Выглядела я действительно не очень: под глазами залегли синие тени, и без того светлая кожа казалась мертвенно бледной после этого кошмара. Темные волнистые волосы спутались и казались сальными. Я приблизилась вплотную к грязной поверхности зеркала и широко распахнула глаза, вглядываясь в радужку. Она еще не вернула родной зеленый цвет и оставалась светло-голубой. Зрачок же казался мутно-серым. Не самый привлекательный вид.

Я вздохнула, оттолкнулась от раковины и выпрямила спину. У меня оставалось не так много времени, чтобы подремать перед началом занятий, упускать эту возможность я не очень хотела. Заснуть на семинаре Мортиуса было бы самоубийством.

***

За завтраком мы с Элиз по обыкновению сидели за небольшим столом по правую стенку, у окон. Помещение заливал теплый свет свечей, а сам обеденный зал тонул в невнятном гуле. Толпы студентов обменивались книгами, конспектами, я с удивлением заметила, как какой-то парень поставил горячую кружку прямо на кожаную обложку старенького издания «Анатомии магических существ».

Я устало терла лицо, в который раз перемешивая овсяную кашу, а моя соседка самозабвенно гладила своего парня – Колина Херта – по волосам. Он слегка смущенно поправил белоснежную рубашку, так эффектно смотревшуюся на фо-

не темной кожи, и улыбнулся подошедшему другу.

– Дьявол! – воскликнул Николас, перевернувший стакан с сырым яйцом на стол. Торчавший из-под рыжих волос уши тут же покраснели от смущения или злости – с тем, как быстро менялись эмоции Ника разобрать было действительно затруднительно.

Я уже давно привыкла к его шумным разговорам, которые зачастую превращались в утомительные для окружающих монологи, а Колин, друживший с ним на протяжении долгих лет, порой и вовсе наслаждался этой пыткой.

– Давай помогу, – Херт мягко засмеялся.

– Нет-нет! Я сам! – Ник торопливо поднял треснутый стакан и начал искать салфетки, оглядываясь по сторонам. Сложно было не улыбнуться, наблюдая за его тщетными метаниями. Тем временем Колин, старательно скрывая улыбку, достал из-под своей тарелки хлопковую салфетку и накрыл ей липкий желток, а затем вытер оставшийся на столе белок. – Спасибо, – ослепительно улыбнулся парень, но затем его взгляд упал на собственный свитер. – Вот же... – Ник облизнул палец и постарался оттереть остатки завтрака от одежды.

– Не беспокойся, это пятно не такое уж и заметное... Дырка на плече перетягивает все внимание, – пожал плечами Херт, обнимая за плечи Элиз, дрожащую от еле сдерживаемого смеха.

Эта картина казалась такой обыденной и умиротворяю-

щей, что мне даже удалось ненадолго забыть о кошмарном сне.

– Эстер, что ты делаешь с кашей? – поинтересовался Колин. Взгляды всех сидевших за столом тут же переметнулись на меня. Я сжала губы и аккуратно положила ложку на салфетку. Воцарилась тишина – но не приятная и успокаивающая, а напряженная, колючая.

– Вы случайно не знаете, не пропадали ли недавно студенты? – слова слетели с губ прежде, чем в моей гудящей голове появились хоть намеки на мыслительный процесс. Недостаток сна и упадок сил лишали меня остатков здравого рассудка.

– Что? – нахмурился Херт. – Знаешь, сейчас происходит что-то невообразимое... Студенты приходят и уходят, поэтому сложно сказать. Кто-то перебирается в Новый Свет¹, кто-то в страну Оз²... А что?

Элиз внимательно посмотрела на меня из-за завесы светлых волос. Я знала, что она сохранит мой секрет даже от собственного парня, мне не нужно было даже просить об этом. Хоть порой моя соседка и вела себя довольно легкомысленно, тайны были с ней в безопасности.

– Мне лишь показалось, что людей стало меньше, – я пожала плечами. – Двор почти пуст, – небрежно махнула в сторону высокого окна, из которого открывался вид на действительно обезлюдевший внутренний дворик, где раньше было не протолкнуться. Единственный студент сидел с книгой в

руках у корней старого ветвистого дуба. Не могу сказать, что соскучилась по толпам шумных студентов, но это определенно выглядело непривычно.

– Заморозки, – улыбнулась Элиз, а я еле заметно кивнула ей. – Уже осень, как раз пора.

Разговор зашел в тупик. Это устраивало всех, кроме, пожалуй, Ника, который спустя несколько секунд не сдержался и принялся рассуждать о новых белковых десертах.

***

Утреннее занятие проходило в одной из самых больших аудиторий, собравшей всех студентов старших курсов. Я устало провела рукой по тонкой исписанной странице, даже не вдумываясь в смысл текста. Семинары по истории колдовства и заклинаний – истинная пытка.

– Кто это? – тихо спросила Элиз, мягко дотрагиваясь до моего предплечья.

– Где? – нахмурилась я, не сводя бездумный взгляд с книги.

Девушка тяжело вздохнула, двумя пальцами взяла меня за подбородок и развернула в нужную сторону. Посмотрев на пару парней, вошедших в аудиторию, я поняла, что именно привлекло ее внимание – змеиный скелет, обвивавший плечо одного из новоприбывших студентов.

– Он некромант, наверное, – бросила я, не отрывая взгляд от двигающегося скелета. Существо медленно вертело головой, будто осматривало аудиторию своими пустыми глазами.

цами. На секунду мне даже показалось, что оно посмотрело прямо на меня и обнажило клыки. Я мотнула головой, возвращаясь к записям. Когда я украдкой подняла голову, змея уже медленно заползала под темный плащ своего хозяина. Владелец необычного питомца равнодушно посмотрел на наручные часы друга и провел рукой по светлым, почти белым волосам.

Массивная дверь отворилась – в аудиторию зашел господин Мортиус. Он оглядел новых студентов, слегка сжал губы и кивнул на свободные места.

– Присаживайтесь, господа, – кинул он, направляясь к трибуне. – Хочу сразу сообщить, что в связи с последними событиями возникла необходимость в смене... Профиля нашего курса.

Я резко выпрямилась, ловя каждое слово. Директор тяжело оперся о стойку и нахмурился. Длинными ногтями он стучал по трибуне, будто не зная, что сказать.

– Сегодня ночью... – он поправил очки, скрывая тени, залегшие под посеревшими глазами, и осмотрел аудиторию. Невольно я задержала дыхание, предчувствуя сладостный момент, когда Мортиус признает, что мой дар – все не плод моего собственного воображения. – Сегодня ночью охотники погасили последние очаги сопротивления под Лондоном и Парижем. Выжившие теперь будут с нами, – он мазнул равнодушным взглядом по мне.

Я ошарашенно нахмурилась, смотря на свои руки, неволь-

но сжавшиеся в кулаки. Неужели я только что надеялась на смерть трех студентов?

– Посему нам все же придется изучать боевые заклинания на практике.

– Зачем? – раздался сдержанный голос из аудитории. Я тут же обернулась на звук. Говоривший парень выглядел абсолютно безразличным – его лицо не выражало ничего кроме, разве что, скуки. Сидевший рядом с ним некромант тяжело вздохнул, явно зная, о чем будет говорить его друг.

– Господин Ламарк, сформулируйте свой вопрос, – приподняв бровь, процедил Мортиус.

– Зачем тренироваться, если вы никогда не посылаете опытных магов на помощь? Туда, где они действительно нужны, – теперь в его словах сквозила скрытая злость. Темные глаза угрожающе сузились. – Это пустая трата времени.

– Я тренирую студентов не для того, чтобы они сражались на передовой, – высокомерно произнес директор, медленно выходя из-за стойки. – Если на академию нападут, они должны уметь защищать себя.

– Знаете... В ту минуту, когда сюда вломятся охотники, мы уже проиграли. Будет слишком поздно.

– Благодарю за ваше ценное мнение, но, уверяю, замок защищен так надежно, что это не более, чем мера предосторожности, – с явной иронией проговорил Мортиус. – Подойдите ко мне после семинара, мистер Ламарк.

Парень равнодушно отвел взгляд, поправляя лацканы пи-

джака.

– Для начала хочу отметить, что разные дары имеют разные преимущества и недостатки в бою. Некроманты, к примеру, могут заниматься оживлением магов, но в самой битве они принесут гораздо меньше пользы. Анимаги же, наоборот. Поэтому я хочу, чтобы сейчас вы все разделились по способностям, чтобы в дальнейшем мы могли продолжить курс более эффективно. Каждой группе будет выделена аудитория и куратор, который будет координировать дальнейший процесс обучения и отвечать на ваши вопросы.

Я прикрыла глаза. Обычные занятия могли делиться на группы, потому что анимагам, например, ни к чему изучение латыни, но некромантам и темным это жизненно необходимо. Так как прорицателей среди студентов не было, чаще всего я примыкала к группе, занимавшейся наиболее интересными, на мой взгляд, вещами. Так что делать сейчас?

– Прошу анимагов подняться и следовать в аудитории номер двести шесть и двести двенадцать, – четко произнес Мортиус.

Дар превращения в животное был весьма распространен. Треть студентов, включая Ника, поднялась. Парень отсалютовал нам двумя пальцами на прощание и, пружиня на носках, направился за всеми остальными к выходу.

– Хорошо... Теперь хранители. Аудитория восемьсот три, – Мортиус скрестил руки на груди, задумчиво оглядывая учащих.

Колин мягко поцеловал Элиз в висок и встал, разминая плечи. Он кивнул мне и зашагал по ступенькам вниз. После разразившейся войны среди академиков появилось немало хранителей, ведь именно они чаще всего жили среди людей, продвигали человеческую науку, занимали ключевые политические посты. Их дар влияния на разум значительно облегчал жизнь в смертном мире.

– Творцы. Четыреста пять, – скрестив руки на груди, директор мерно шагал вдоль столов.

Элиз вздохнула, устало улыбнулась и поднялась, расправляя подол юбки. Я грустно смотрела ей вслед, осознавая, что все друзья уже разошлись.

– Стихийные маги. Сто шесть.

Около шести ведьм поднялось со своих мест. Быстро оглядев аудиторию, я поняла, что осталось всего двенадцать колдунов.

– Итак... Здесь остались некроманты, темные маги и... – взгляд директора остановился на мне. – Эстер.

Я почувствовала, как похолодели мои пальцы. Каждое подобное распределение – лишнее напоминание о моей слабости. Несколько человек обернулось на меня, но я уже научилась игнорировать оценивающие и высокомерные взгляды.

– Эстер, вы можете быть свободны.

Я сжала край стола, поднимаясь. Мортиус даже не смотрел в мою сторону. Его взгляд был обращен к окну. Сжав ладони в кулаки, я посмотрела прямо перед собой.

– Нет, – громко сказала я.

Почему-то я почувствовала себя обнаженной. Директор медленно развернулся, склонил голову чуть набок.

– Считаете, что справитесь с заданиями? – в его голосе явно сквозила насмешка.

– Я считаю, что мне нужно уметь постоять за себя, – уклончиво ответила я. – Было бы крайне несправедливо...

– Я задал другой вопрос, – прервал меня директор.

– Да. Я считаю, что справлюсь.

– Самоуверенно и опрометчиво, – недовольно сказал он. – Если вы так полагаетесь на свои силы, оставайтесь здесь, – натянуто улыбнулся Мортиус.

– Но...

– Вы дадите мне закончить?

– Извините... – я повела плечом. Конечно, расчет был не на это. Я надеялась присоединиться к группе хранителей или творцов – они были явно мне ближе.

– Прекрасно. Но, боюсь, в случае неудачи вам придется покинуть эту аудиторию. Если вам ясно, садитесь и не отнимайте более нашего времени.

Я села, стараясь унять дрожь в коленях. Кожа горела от цепких взглядов, а в голове был только один вопрос: «Зачем?».

2. Призрачный след

Мортиус попросил оставшихся учеников пересесть на ближний ряд. Я села с краю, украдкой оглядывая однокурсников – никто даже не взглянул в мою сторону. Практически все студенты уже были хорошо знакомы, кто-то даже тихо переговаривался, пока директор пересматривал свои записи. Я же который раз разглядывала свои пальцы. На них не было ни колец, ни перстней – мне неоткуда было их достать. Порой я засматривалась на антикварную шкатулку, в которой Элиз хранила свои многочисленные украшения и представляла, какого это, не стесняться распределения, смело называть имя при знакомстве и точно знать, какие способности развивать.

Когда директор начал лекцию, я немного расслабилась, полностью погружаясь в новый материал. Мортиус явно пропускал «очевидные» вещи, которые остальные студенты знали с самых младших курсов, а мне оставалось лишь рисовать насмешливые горбатые вопросительные знаки рядом с торопливыми заметками. Темные чернила изящными линиями растекались по тетради, буквы падали в объятия друг другу, сливаясь в слова. Это даже немного успокаивало: если нечто можно облачить в слова, значит возможно и понять, правильно?

Магия неуловима. Она течет в наших жилах, клубится в

мыслях, искрится в зрачках. Магия не поддается логике, науке или здравому смыслу. Она хаотична и бесконечно прекрасна в своей неукротимости.

Смутно знакомая студентка, сидевшая справа от меня подняла руку и недовольно спросила, почему Мортиус не разделил некромантов и темных на разные группы. Меня слегка передернуло от сквозившего в ее голосе раздражения. В какой-то степени я завидовала им: не ищущим одобрения или признания.

– Некромантия и темная магия во многом похожи, некоторые колдуны ошибочно считают, что одно вытекает из другого, но это в корне не так, и даже имеют глупость вкладывать эту неразумную идею в юные головы, – преподаватель не пользовался ни конспектами, ни учебниками. Он ходил вдоль учеников, скользя внимательным взглядом по лицам. – Темная магия предполагает абсолютное нарушение законов природы, а некромантия лишь изменяет их направление. Если мы говорим о способностях, то, действительно, высшие темные маги способны возобновить остановившиеся физиологические процессы, а опытные некроманты вполне могут установить связь с низшими духами. Но, как вы понимаете, эта попытка будет скорее своеобразным симулякром. Я давно не был в мире смертных, но, помнится, они уже успели изучить феномен тела без души. Это бесполезная трата ресурсов. Поэтому я дам вам задание: на следующем семинаре, завтра, продемонстрировать естественное направ-

ление своих способностей и противоестественное. Хочу напомнить вам, что колдовство в отношении студентов строго запрещено.

Я на секунду прикрыла глаза, но затем подняла голову, всматриваясь в бесстрастное лицо Мортиуса. Почему он так стремится отстранить меня от практических занятий? Я не хотела бы допускать наивной мысли о том, что его желание исходит от личной неприязни, но это было первое, что всплыло в моей голове.

– Профессор, – подал голос парень, имевший дерзость поспорить с директором. – Разве не лучше будет разделиться на пары и представлять одни и те же заклинания?

– Здесь сейчас тринадцать студентов... – слегка задумчиво произнес Мортиус, но его взгляд скользнул по мне. – Идея действительно неплохая. Студентам стоит объединиться, чтобы в паре был один некромант и один темный. Оставшийся без пары студент будет выполнять задание в одиночку.

Я даже не собиралась предпринимать попытки найти пару. Обернувшись, я заметила, что некоторые студент пересаживались, чтобы оказаться вместе с напарником. Я отвернулась, упирая взгляд в свой конспект.

– Хорошо... Тогда вам стоит приступить к выполнению заданий в паре. Библиотека находится на седьмом этаже. Лекция окончена, – Мортиус начал собирать многочисленные записи, которые, очевидно, не были опорными конспек-

тами. Я тут же поднялась с места, направляясь к массивному деревянному столу преподавателя. – Мистер Ламарк, не забудьте о моей просьбе, – не оборачиваясь, бросил профессор.

– Господин Мортиус, – я замолчала, ожидая, пока он развернется, но этого так и не произошло. Тем временем к директору уже направились новые студенты – времени терять нельзя. – Господин Мортиус, вы проверили подвал?

В этот раз он устало развернулся, поправляя очки в темной оправе.

– Да.

– И...

– Эстер, вы читали какие-то книги, которые я вам рекомендовал?

– Конечно, я...

– Тогда советую сделать это еще раз, причем более внимательно. Пророчества не должны сбыться на следующий день. Вполне вероятно, они воплотятся в жизнь лишь спустя десятилетия или даже столетия. Также есть вероятность, что вы увидите прошлое, а у этого замка богатейшая история. Пророческие сны категорически запрещено читать буквально – крайне редко удается увидеть фрагмент будущего случайно. Не концентрируйтесь на этом слишком сильно, но если вы увидите что-то еще, сообщайте мне. Желательно, не посреди ночи, – укоризненно подметил он. – Вопросов нет?

– Нет.

– Тогда вы можете быть свободны. Господин Ламарк, – Мортиус кивнул подошедшему юноше. Тот коротко дернул головой и поднял подбородок, открывая четкий профиль. – Я хотел обсудить с вами несколько вопросов...

Я нарочито медленно собирала вещи, вслушиваясь в разговор. Я сомневалась, что директор стал бы тратить время на обсуждение дисциплинарных вопросов.

– Эстер, будьте добры закрыть дверь, когда выйдете, – громко сказал профессор.

– Хорошо, – сказала я, бросая последний взгляд на Мортиуса и ученика.

Хлопнув тяжелой деревянной дверью, я остановилась, оглядываясь по сторонам. В просторном коридоре не было студентов. Звонящую тишину нарушал лишь мерный треск мертвого огня из факелов, висевших на стене. Я осторожно прислонила ухо к дверной щели. Приглушенные голоса доносились рваными обрывками.

– ...сопротивление не... – голос студента стал неразборчивым. – ...охотники набрали много рекрутов для...

– ...не повод... – раздраженный голос директора я могла узнать из тысячи. – ...сдвинулся на юг...

– ...не смогут... обре...

Я нахмурилась, прикрывая глаза, будто это могло как-то помочь.

– Нет, – отчетливо сказал Мортиус. – Я не позволю... академия не... сделать из них...

– ...не прошу... необходимо...

Что-то коснулось моей ноги. Я вздрогнула и отшатнулась, оглядываясь по сторонам. Опустив взгляд я заметила извивающийся скелет змеи. Я сжала челюсти, чтобы сдержать испуганный вздох, застрявший где-то в горле. Владелец животного, впрочем, довольно быстро показался из-за угла. Он смерил меня оценивающим взглядом и приподнял брови. В полутьме коридора этот парень казался устрашающим. Его бледная кожа, через которую просвечивались синеватые вены, и вовсе казалась прозрачной.

– Подслушиваешь? – он скрестил руки на груди и змея, медленно отползла от меня, обвивая ногу своего хозяина.

Я пожалала плечами, не видя смысла отрицать довольно очевидные вещи. Я была поймана с поличным. Кровь прилила к щекам, пальцы задрожали.

Парень лишь покачал головой, смотря на закрытую дверь. Похоже, он не собирался что-либо говорить, да и не был настроен на продолжение разговора. Я на секунду задумалась, стоит ли мне как можно скорее ретироваться, но мои размышления прервала резко распахнувшаяся дверь, которая чуть было не ударила меня по спине.

Вышедший парень тяжело дышал, его темные волосы казались растрепанными. Он громко хлопнул дверью и прикрыл глаза. Я сделала шаг в сторону, но чьи-то длинные пальцы впились в мое плечо.

– Не так быстро, – ровно произнес некромант. Его друг

приоткрыл глаза, нехотя смотря на меня. – Она подслушивала под дверью.

Я почувствовала, как кровь отлила от лица. Я слышала лишь смутные обрывки недолгого разговора, этого было недостаточно, чтобы сформировать полную картину происходящего, но похоже новых студентов больше волновал сам факт того, что я пыталась разузнать что-то. Если они доложат об этом Мортиусу, мое положение точно не улучшится. Директор ревностно охранял многочисленные тайны, свято верил, что именно на них зиждется величие академии.

– Это точно стоит обсуждать не тут, Шон. Отпусти ее, – он даже не смотрел на меня, его внимание было полностью сосредоточено на старенькой книге, видневшейся из-под плаща.

Некромант не сразу разжал пальцы – несколько секунд он сверлил меня взглядом, словно раздумывая, стоит ли простить мне произошедшее. В целом Шон больше походил на статую, чем на человека: на его ровной коже не было и намек на морщины, серые глаза будто заволокла блеклая пелена смерти, а цепкая хватка тонких длинных пальцев вполне могла сравниться с каменной. Я одернула плечо, но взгляд не отвела.

– Не стоит так делать, – наконец сказал некромант. – Предупреждаю первый и последний раз.

Больше он ничего не сказал и даже не взглянул в мою сторону. Оба парня направились дальше по коридору. Я хотела

было сказать им, что библиотека в совершенно другом направлении, но что-то мне подсказывало, что они и без меня это прекрасно знали.

***

Я провела пальцем по библиотечной карточке. Мне нравилось читать чужие фамилии, рассматривать подписи и думать о том, что сотни лет назад кто-то оставил на полях книги сноски и рисунки. Иногда я произношу имена вслух, перекатываю звуки на языке, пробую на вкус. Закрываю глаза и представляю лица, историю. Иногда мне даже становится грустно, что я так никогда и не смогу поговорить с людьми, чьи сокровенные мысли я читала в забытых любовных записках, поспешных набросках и кратких пометках. Я могу прикоснуться к прошлому, но оно никогда не ответит мне. Впрочем, как и будущее.

Я могу идти по призрачному следу одиноких воспоминаний и прийти в своеобразный лимб – промежуточный этап. Это ведь хуже всего – застрять где-то посередине, в переходном пункте – тогда жизнь останавливается, остается лишь ее нелепая иллюзия. В книгах я читала, что на перронах всегда шумно, толпы людей прощаются, другие же строят планы на будущее, они стоят одной ногой в прошлом, другой же – в будущем.

В такие моменты я чувствую себя особенно одиноко. Может, потому что я безуспешно пытаюсь достучаться до мертвых людей, которых никогда не узнаю, а может потому, что

сама однажды стану лишь именем в библиотечной карточке. После меня не останется легенд, сказаний или даже короткой заметки в учебники истории, на который студенты будут ставить горячий кофе ранним утром перед ненавистным семинаром с требовательным магом.

Мое тело будет в земле, оно удобрит почву, накормит червей и сгниет.

Конец.

Я выныриваю из болота собственных мыслей и оглядываю старую библиотеку в аварийном крыле. Здесь всегда мало студентов: большую часть времени никого. Никаких полезных книг нет, зато немало старых личных дневников колдунов и ведьм, сборников конспектов лекций многовековой давности и личных писем, так и не нашедших своего адресата. Я встаю с подоконника и потягиваюсь. Суровые облака вытряхивают из своих карманов одинокие дождевые капли, а те обреченно ломают ноги о сухие листья деревьев. Я прислоняю руку к холодному стеклу и прикрываю глаза. Это помогает расслабиться.

Сейчас передо мной стояла важная задача: выжать из своих способностей все возможное. Прежде я никогда не практиковала ни некромантию, ни темную магию. Я достигла довольно неплохих успехов в анимагии, научилась изредка залезать в человеческие головы, но мысли о том, что мне придется воскресить уже умершее существо или наладить контакт с духом меня отталкивала.

Я поднялась с грязного подоконника, заботливо стряхнула с ближайших полок скопившуюся за пару дней пыль и направилась в общую библиотеку, где хранились пособия по темной магии.

***

Толпы студентов превратили библиотеку из оплота тишины в шумный ад. Я тщетно пыталась сконцентрироваться на пляшущих во все стороны рунах и осмыслить всю информацию. Анимаги рядом со мной чересчур эмоционально обсуждали прошедшее занятие и не собирались даже обращать внимание на открытые перед ними статьи. Втянув сквозь стиснутые зубы воздух, я забрала свои учебники и направилась к выходу, чтобы записать все книги на свое имя и уйти в более спокойное место.

Элиз не было в комнате, очевидно она также выполняла одно из заданий, данных ей профессором на семинаре. Воспользовавшись этим, я осторожно зашла на территорию своей соседки, прямо к цветам на подоконнике. Сорвав давно иссохший стебелек вереска, я упала на кровать. Нехотя скинув с ног туфли, я устроилась поудобнее и положила перед собой мертвое растение. Украдкой взглянув на пособие, я коснулась веточки и прикрыла глаза. С губ беззвучно срывались нужные слова, но все было тщетно. Я осторожно разлепила веки, будто ожидая, что увижу перед собой живой цветущий вереск, но вместо этого был лишь иссохший стебелек, осыпавшийся на накрахмаленное белоснежное одеяло.

Я жала губы, снова касаясь пальцем стебелька.

Раз за разом я пыталась. Сверялась с книгой, что-то меняла, произносила вспомогательные заклинания вслух, но все тщетно. Я устало откинулась на деревянную спинку кровати и задумчиво растерла между пальцев сухой лепесток.

За время моих занятий догорала уже вторая свеча – прошло немало времени. Ужин давно кончился, общая кухня еще, конечно, работала, но голода не было. Элиз все еще не появлялась в комнате, значит она либо тонула в учебниках в библиотеке, либо проводила время с Колином. Это было не в новинку, мне даже нравились часы одиночества, это давало мне возможность подумать, погрузившись в себя. Элиз обладала неприятной привычкой заполнять тишину. Она довольно быстро поняла, что я не любительница долгих бессмысленных разговоров, поэтому моя соседка решила петь. Ее тонкий голос был несомненно приятным, но для меня ничто не могло быть приятнее обволакивающей тишины.

– Хорошо, с некромантией не сложилось... – прошептала я для себя, пытаясь слегка взбодриться. – Тогда надо переходить к темной магии.

Я не забыла, что профессор убедительно просил не применять магию в отношении студентов, поэтому выбор был не так велик: необходимо призвать духа.

Нехотя я поднялась с кровати и оглядела комнату, которую уже заволок сумрак. День пасмурный, поэтому стемнело рано, чего я не заметила из-за неровного света свечи. В

клубившейся синеватой темноте я разглядела свои туфли и сунула в них ноги, чувствуя неприятный холод во всем теле, будто меня лихорадило. Я предусмотрительно закрыла старое деревянное окно, через которое, впрочем, все равно проникал морозный воздух. Ноги сами несли меня по темным узким коридорам и винтовым лестницам к верхнему уровню подвала, где располагались тренировочные комнаты для темных магов, некромантов и некоторых видов анимагов.

Оглядев деревянные двери, которые я видела накануне ночью в злосчастном сне, я замерла. Прикоснувшись к холодной металлической ручке, я раздумывала, стоит ли входить. Мысли роились в голове, шумело в ушах. Я выдохнула и толкнула дверь, проскальзывая внутрь. Я специально оттягивала поход в тренировочный сектор, чтобы не столкнуться с новоиспеченными одноклассниками. По большому счету мне было все равно, что они думают, но приступы рефлексии были ни к чему.

Услышав приглушенные голоса, эхом отражавшиеся от каменных стен, я сжала губы и прикрыла глаза. Говорившие не замолчали, что меня немного успокоило. Я окинула помещение взглядом. В тусклом синеватом свете мерцавших мертвых огней я еле различала разделенные перегородками помещения. Я впервые за последний учебный год была в тренировочном зале.

У дальней стены располагались огромные застекленные стеллажи с книгами. Рядом стояли широкие комоды, поверх

которых были витрины с образцами.

За моей спиной послышался отчаянный визг, звук удара. Я резко обернулась, мимо пробежала жирная коричневая крыса. С каждым шагом она будто замедлялась, начиная прихрамывать. Ее лапки странно дергались, будто все тельце сводило судорогой. Хвост беспорядочно метался, лишая животное возможности как-либо координировать свои рваные движения. Я сделала шаг вперед, ближе рассматривая уже повалившуюся набок крысу. Она тяжело дышала, рот с двумя пожелтевшими острыми зубами был приоткрыт, глаза-бусинки блестели.

– Плохо, – заключил голос поодаль. Я медленно подняла голову. С совершенно невозмутимым видом на меня смотрел тот самый некромант, поймавший меня у дверей аудитории.

– Она хотя бы ожила, – равнодушно пожал плечами подошедший темный маг. – Если мы столкнемся с тобой еще раз, я подумаю, что ты нас преследуешь.

Я понимала, что последняя фраза была обращена ко мне, да и банальные правила приличия требовали поддержать хоть какой-то диалог.

– Не знала, что это частная территория, – произнесла я.

– Не знал, что после полуночи здесь столь многолюдно, – ровным голосом ответил темный маг.

Некромант совершенно не был заинтересован в нашей пресной беседе, куда больше его занимал труп крысы. Шон

провел рукой по шерстке грызуна и прикрыл глаза, губы мага беззвучно двигались, а пальцы ритмично поглаживали мохнатый живот. Через пару мгновений крыса завертелась, будто внезапно оказалась на раскаленных углях. Она извивалась, стараясь перевернуться на живот или укусить пальцы колдуна. Она сжалась в комок и воинственно прыгнула на некроманта, шерсть на ее загривке и спинке стояла дыбом, хвост торчал стрелой.

– Убери ее, – нахмурился темный маг.

– Себастьян Ламарк боится обыкновенную крысу? – приподнял бровь Шон, но когда грызун снова ринулся в его сторону, отшатнулся, брезгливо одергивая руку. У меня мелькнула совершенно безумная мысль: к мертвым ему прикасаться приятнее, чем к живым.

Тем не менее, некромант прикрыл глаза, сосредотачиваясь на озлобившейся крысе. Та завизжала и вновь повалилась на спинку, изгибаясь в позвоночнике. Я зажмурилась, не в силах смотреть на агонию бедной мыши. Дыхание перехватывало от ужасных звуков, заполнивших помещение.

– Сколько раз она уже умирала? – зачем-то спросила я, совершенно не желая узнать ответ.

– Тебя заботит жизнь крысы? – спросил Себастьян.

– Она страдает... – я приоткрыла глаза, смотря на тело крысы, лапка которой еще подергивалась.

– Она ничего не помнит, – спокойно произнес Шон. – Каждый раз она оживает и начинает все с чистого листа.

– Ты не некромант, – уверенно сказал Ламарк, щурясь. – И не темная, иначе я бы почувствовал. Что ты делаешь на занятиях?

Я замерла, выдыхая.

– Ты прав, – слова давались тяжело, они будто резали горло. – Дело в том, что для меня нет подходящей группы.

Оба колдуна молчали, не сводя с меня пытливых взглядов. Я дернула правым плечом и выпрямилась, расправляя спину и поднимая подбородок – так легче защищаться от насмешливых и снисходительных улыбок и нелепых попыток утешить.

– Я прорицательница, – я попыталась сказать это гордо, как это и должно было быть.

– Из какого ты рода? – жестко спросил Шон, на что его друг приподнял руку, будто бы тормозя некроманта.

– Я не знаю, – спокойно ответила я и невольно сжала плечи. Несколько секунд оглушительной тишины, нарушаемой лишь звуком бешено бьющего сердца, были крайне мучительны.

– И как твои успехи? – Себастьян задал вопрос беззлобно, будто бы даже не стараясь меня задеть.

– Некромантия – не мое, – размыто произнесла я.

– И кого ты пыталась оживить? – Шон оглядел книги, которые я взяла с собой.

– Цветок... – с сомнением ответила.

– Пытаться оживить цветок – все равно, что колдовать над

отрубленной рукой. Бессмысленно и глупо.

– Шон, – предостерегающе сказал Себастьян. – Не будь так груб... – он повернулся ко мне, оглядывая книги, которые я сжимала до побеления кончиков пальцев. – Попробуй на крысе, – он галантно отошел на шаг, освобождая мне путь к трупу грызуна.

Я выпрямила спину и вдохнула спертый воздух. Тошнота подкатывала к горлу, но я присела на корточки рядом с мохнатым тельцем. Приподняв брови, я зачем-то задержала дыхание и протянула руку. Я не могла решить, коснуться ли мне слипшегося от непонятной жидкости меха или проплешины, обнажившей пятнистую серо-красную кожу. Вблизи кривоватые желтые зубы казались еще острее. Зажмурившись, я все же дотронулась до крысы и произнесла заветные слова. Все мое естество сжалось в ожидании. Когда спустя несколько секунд я приоткрыла глаза, ничего не изменилось.

– Ты должна была направить свою энергию и желание на оживление, – устало произнес Себастьян, скрестив руки на груди. Я обернулась, осматривая его фигуру снизу вверх. Его темные волосы слились с темнотой, клубящейся в просторном помещении, отчего бледное лицо будто бы парило в пустоте. Я поежилась.

– Нет... – тут же возразил Шон. – Правильнее найти нужный поток энергии и перенаправить его в другое русло, так ты не нарушишь природный баланс и не будешь пытаться подчинить высшие силы своей воле. Для этого есть темная

магия, – в его словах точно был налет высокомерия и будто бы укол в сторону Себастьяна.

– Именно поэтому темная магия сильнее некромантии, – приподнял брови тот.

– Зато... – начал было парень, но приподнял руку, будто останавливая самого себя. Он сжал губы, чуть наклонил головы и поправил лацканы пиджака, тяжело вздыхая.

Я еле слышно фыркнула. На обоих парнях отчетливо виднелся след войны, потеря, но несмотря на все, они были достаточно юны. Я снова коснулась еще теплого тела и закрыла глаза. Я искренне пыталась понять, о каких потоках энергии шла речь, но не чувствовала этого. Зато я могла попробовать заставить свои силы работать так, как мне нужно. С губ механически срывались заученные слова. Протяжный писк резанул мне уши, я одернула руку.

– Поздравляю, – услышался голос надо мной. Я замороженно смотрела, как крыса извивается, беспорядочно перебирая лапками, сведенными судорогой.

– Ей больно, – произнесла я.

– Ей больно, потому что ты заставила ее сердце работать, а легкие качать воздух, – недовольно произнес Шон. – Ты не заставила ее ожить. У нее нет инстинктов, нет сознания. Она – набор механических рефлексов. Отключи их.

– Мне нужно убить ее? – с паникой в голосе спросила я.

– Ты не убиваешь ее, потому что она не жива, – с легким раздражением бросил некромант. – То, что она может кри-

чать, не значит, что она может думать. Ты только мучаешь ее.

Еще протяжный писк – крыса умолкла и прекратила двигаться.

– Что... – я поднялась. – Это не я.

– Она перестала функционировать из-за боли, – пояснил Шон.

– Это ведь именно то, о чем говорил профессор, – сказал Себастьян. – Наша магия имеет разную природу, результат тоже будет отличаться... Мы не можем пользоваться твоими методами.

– Логично, – пожал плечами некромант. – Ну что... Теперь мы вызываем духов?

Слова застряли в горле, но я тряхнула головой, будто освобождаясь от навязчивых мыслей. Если я спрошу, ничего страшного не случится, так? К тому же, эти парни сейчас, при тусклом свете мертвых огней в темном подвале древнего замка, не кажутся такими жуткими, как днем. Возможно, это потому, что они чувствуют себя легче и расслабленнее, чем в толпе студентов.

– Могу я пойти с вами? – сорвалось с языка прежде, чем я успела придумать еще тысячу причин не связываться с новыми учениками.

Оба парня остановились, будто раздумывая. Шон посмотрел на Себастьяна, тот сощурил светло-голубые глаза и медленно кивнул.

– С одним условием, – произнес он. – Тебе придется от-

ветить честно на пару вопросов.

3. Девочка с глазами бога

Я замерла, а время будто остановилось. Физически.

Я чувствовала, как кислород все медленнее насыщает кровь, как движения становятся плавнее.

Условие, поставленное Себастьяном, было весьма странным. Я всегда считала себя открытой книгой, редко врала, но довольно часто уходила от неприятных мне вопросов. К тому же, я сильно сомневалась, что новоприбывшим студентам так интересно знать подробности именно моей жизни. Скорее, их вопросы будут касаться местных порядков, директора или...

Время вновь текло как обычно. Я чувствовала это. Кожа покрылась мурашками, я поежилась.

– Хорошо, – плечо непроизвольно дернулось.

Себастьян будто бы наперед знал ответ, поэтому даже не кивнул, лишь резко развернулся и широкими шагами направился к одному из небольших блоков. Видимо, он уже успел здесь освоиться. Неудивительно. Каждому студенту нужен свой укромный уголок в кампусе, где он может почувствовать себя собой.

Я слегка замешкалась, но довольно быстро поняла, что отдельного приглашения ждать не стоит. Гулким эхом звук шагов разлетелся по длинному коридору. Мертвые огни почти погасли – профессор, ответственный за подвальные помеще-

ния, явно не желал тратить много сил на поддержание состояния тренировочных комнат. Раньше я не понимала, зачем использовать магию для освещения, ведь колдовство так или иначе ослабляет мага, но позже, прочитав человеческую средневековую историю поняла, что лучше так, чем потерять сотни молодых ведьм и колуднов в пожаре.

Мертвый огонь холодный. Он не греет, не дает тот уютный желтоватый свет, как свечи. Его синеватые блики неизменно яркие, но я все же предпочитаю у себя в комнате держать несколько старых добрых восковых свечей.

Себастьян отворил одну из тяжелых дверей. Я на секунду задержала взгляд на его суровом бледном лице, которое в тусклом голубоватом свете больше походило на череп с пустыми глазницами. Но в сравнении с его приятелем – Шоном – он казался очень даже живым.

– Дамы вперед, – низкий голос Ламарка разрезал тишину.

Я с сомнением заглянула в темноту, окутавшую комнату. Горло непроизвольно сжалось, но я все же сделала шаг вперед. Стоило мне пересечь порог, зажглись свечи. Я отшатнулась, стараясь побороть душащий страх: это было точь-в-точь как в видении. Непонятная тревога змеей обвила грудь, мешая дышать. Я сжала книгу и отошла в сторону, пропуская в комнату Шона и Себастьяна.

– Я начну, – произнес Себастьян. Он снял пиджак, положил его на высокую подставку для книг, начал расстегивать манжеты. Я нахмурилась, наблюдая за ним. Ламарк закатал

рукава и размял плечи. Он обошел начерченные на полу руны, будто проверяя, все ли в порядке. Он методично поглаживал пальцы, унизанные перстнями.

– Не трать особо силы, – бросил Шон.

– Это мне говорит маг, который держит при себе оживший скелет змеи? – приподнял бровь Ламарк.

– Аквилла служила моему роду одиннадцать лет. К тому же... Это было завещание матери, – нехотя добавил Шон, косясь на меня. Я чинно сделала вид, что совершенно не вникаю в разговор, но после случившегося у дверей аудитории, очень сомневаюсь, что он поверит. – А это глупое школьное задание, – скелет змеи, доселе покоившийся где-то в складках плаща, загремел позвонками, выползая наружу.

– Глупое? – переспросила я, резко обернувшись.

Методику Мортиуса можно назвать неординарной, но никак не глупой. Он – поистине величайший маг современности, бессменный директор единственной уцелевшей магической академии.

– Думаешь, то, чем мы занимаемся – полезно? – тон Себастьяна был донельзя высокомерным.

– Естественно. Это помогает развивать способности.

Шон заинтересованно, но отстраненно, наблюдал за нашей дискуссией. Он облокотился о книжную стойку, с которой свисал пиджак его друга, и усмехнулся.

– И в чем здесь польза? Когда они придут в вашу академию, мы будем легкой добычей. Охотники уничтожили

хранителей, напали на родовые поместья сильнейших магов. Они уже нарушили мирное соглашение и не остановятся, пока не уничтожат всех до единого. А те, кому не повезет остаться в живых, до конца своих жалких дней будут в бегах, оглядываясь на тени в переулках, вздрагивать от каждого шороха и молиться, чтобы это скорее кончилось, – Себастьян оживился. Он больше не выглядел как статуя, а маска спокойствия постепенно спадала, обнажая холодную ярость.

– И что ты предлагаешь? – нахмурилась я. – Если «сильнейшие маги» не смогли с ними справиться, что можем мы? Предлагаешь отправить совсем юных студентов к охотникам?

– Ты никогда не выиграешь войну, если не готов пожертвовать всем. Это даже смертные знают. Генералы сдают города, столицы, чтобы совершить стратегический маневр. Можно пожертвовать сотней, если это спасет тысячу.

– Ты так и не ответил, что хочешь сделать, – сощурилась я. – Об этом ведь вы с Мортиусом разговаривали в кабинете... – я запнулась, понимая, что это было лишнее.

Мне стоило оставаться невидимкой: слушать разговоры, анализировать крупницы информации и делать выводы. Это ведь у меня прекрасно получалось на протяжении последних десяти лет.

– Себастьян, – строго бросил некромант, выпрямляясь. Он не смотрел на меня, взгляд его блестящих в свете свечей

глаз был прикован к Себастьяну. Тот сморщился, будто его воротило. – Не время. И не место.

Ламарк преобразился на глазах. Его лицо было вновь невозмутимым, даже, казалось бы, спокойным. Именно так я бы его описала, если бы не слышала слов, пропитанных злостью и негодованием. Похоже, он немало об этом думал.

Я на протяжении всей жизни жила в академии, для меня мир заканчивался скалистым обрывом и бесконечным лесом. Не могу сказать, что меня это волновало. Как я могу мечтать о большом новом мире, когда за столько лет не сумела разгадать тайны старого?

– Ты прав, – голос Ламарка был ровным, властным. Он будто снова обрел контроль.

Я скрестила руки на груди и молча наблюдала за тем, как Себастьян заканчивает проверку рун.

Тихие слова слетали с его губ, глаза закрыты, пальцы дрожат. Зябко. Я отошла на шаг, коснулась лопатками холодной каменной стены. Свечи задрожали, а потом и вовсе погасли.

– Себастьян? – я искренне пыталась скрыть нарастающую панику в голосе, но тщетно.

– Тихо, – шикнул Шон. Я не видела его в кромешной темноте, но голос доносился откуда-то сверху. Он рядом. Не могу сказать, что его присутствие меня хоть как-то успокаивало, но приятно было знать, что я не одна.

Температура все падала, холодный воздух лизал обнаженную кожу, покрывшуюся мурашками. Тошнило. Живот

скрутило от предчувствия чего-то... иного.

Вспышка света. Слишком яркая, чтобы что-то разглядеть, ослепляющая. Я зажмурилась, еще сильнее вжимаясь в стену, вновь услышала голос.

– Открой глаза, – послышался вкрадчивый шепот. Он доносился отовсюду и ниоткуда одновременно. Я подняла веки.

Вокруг была абсолютная темнота, ни Себастьяна, ни Хайдса рядом не было. Внезапно загорелся маленький огонек. За ним еще, а потом еще. Тысячи маленьких голубовато-розовых огоньков трепетали, хаотично мечась в разные стороны. Я неосознанно шагнула вперед, вытягивая руку. Сложно было побороть желание коснуться света, чистой энергии.

Огоньки отпрянули от меня.

– Нет, – прошептала я.

– Ты заблудшая душа, – послушался тот же шепот. – Тебе здесь не место.

Я помотала головой. В груди разлилось приятное тепло, кожу покалывало. Я приоткрыла рот, из глаз рекой хлынули слезы. Я захлебывалась, не в силах это остановить. Эмоции душили, мешали думать. Что происходит? Колени подкосились.

– Пожалуйста, – я еще раз протянула руку к огонькам. – Заберите меня.

Мне так хотелось, чтобы они обволокли меня, коснулись

моей руки, лица, волос. Мне хотелось единения, хотелось освободиться. Моя кожа душила меня.

Я заметила, что между огоньками протянуты едва заметные светящиеся нити. Они связывали все вместе, запутывали. Я попыталась нащупать под коленями пол, но была лишь пустота. Я будто парила в абсолютной невесомости, в месте, где не было ничего, кроме светящихся огней.

– Ты не готова, – злой голос. Требовательный. Будто бы мой собственный.

– Готова! – хотелось кричать мне, но звук тонул, спотыкался на губах. Я захлебывалась в словах.

– Тогда... Чего ты ждешь? – шепот больше не заполнял пустоту вокруг, он был у меня в голове.

Я протянула руку, почти касаясь единственного огонька, стремившегося ко мне. Нити между ним и другими натянулись, а я не могла подойти ближе. За крохотной сферой света потянулись другие. Пальцы дрожали от напряжения. Я задыхалась.

– Недостаточно, – голос гудел в костях.

Недостаточно.

Всегда недостаточно.

Меня всегда, черт возьми, недостаточно.

Я сморгнула накатившие слезы и рванула вперед, превозмогая боль в костях, крошившихся от напряжения. Шарiki света словно испугались, попятившись от моего напористого наступления, но мне удалось коснуться одного. Пальцы оку-

нулись в голубоватое свечение, нити опасно натянулись и...

И все померкло.

***

Я открыла глаза, но перед ними была лишь темнота. Под пальцами я ощущала чью-то кожу. Света больше не было... Вообще. Я чувствовала слезы на своих щеках. Чья-то рука трясла мое плечо, чужие незнакомые пальцы касались шеи в поисках пульсирующей вены.

Постепенно тьма рассеивалась.

Объятия Ламарка служили мне плотным коконом. Моя рука крепко сжимала запястье Себастьяна, а прямо надо мной застыло его искаженное от ужаса лицо. Шон медленно одернул свою руку, смотря на меня с тем же чистым, первобытным страхом.

– Что... – я закашлялась и попыталась встать, но дрожащие руки совершенно не держали.

– Что ты видела? – полушепотом спросил Себастьян, не отрывавший от меня взгляд. Я нахмурилась и мотнула головой.

Я все еще лежала в его объятиях. От Ламарка пахло дымом и чем-то цитрусовым. Кожа была на удивление теплой, мягкой.

– Я была в темноте... И были... шары света, соединенные нитями.

– Жизни и судьбы, – выдохнул Шон. Он стоял над нами, не сводя глаз наблюдая за моим лицом.

– Что... Произошло? – слова давались с трудом. Казалось, что каждое из них ослабляет меня.

– Я вызвал парку, – сухо ответил Себастьян. – Не ожидал, что так получится...

– Кого?

– Парка, мойра, шай... Люди давали ей разные имена. Это судьба.

– Ты вызвал высшее существо! – я отпрянула.

– Да... – он будто бы виновато посмотрел в сторону. – Я ни разу не связывался с судьбой, но сегодня ты сказала про свой дар и...

Я скинула с себя его руки и села на холодный пол, подтягивая колени к груди. Себастьян стоял рядом со мной на коленях, будто бы и не думая вставать.

– Она разозлилась. Сказала, что «негоже двум пророкам быть в одном месте»...

Я не смогла сдержать совершенно неуместную улыбку. На протяжении долгих лет меня преследовала мысль о том, что все мои сны – плод бурного воображения. Вдруг я слишком слаба, и именно поэтому родители решили отказаться от меня?

– Ты потеряла сознание, упала на пол. Не дышала. Мойра была в ярости...

– Она говорила на каком-то мертвом языке, но... – Шон помотал головой. – Я не смог понять.

– Когда ты открыла глаза, они были полностью белые, ты

подошла ко мне и сказала... – он нахмурился, вспоминая. – Шон?

– «Жнец возрадуется урожаю. Преклоните колени перед венцом страха».

Я молча прокручивала в голове слова, что недавно сказала сама. Я решительно не понимала, что это значит, а разум отказывался осознавать последние события. Воздух дрожал от напряжения.

Жнец возрадуется урожаю. Преклоните колени перед венцом страха.

Одно я понимала точно – ничего хорошего в этой фразе нет.

4. Уроборос

Я лежала в комнате, наблюдая за балдахинном, слегка развевающимся от сквозняка. Вздохнув, я натянула повыше плед и одеяло и перевернулась на живот, уткнувшись лицом в теплую подушку. Морозный воздух пах свежестью. Когда я вернулась, Элиз уже спала, что меня с одной стороны расстроило, с другой порадовало. Я не была уверена, что хотела отвечать на расспросы, но неплохо было бы излить кому-то душу.

Себастьян настоял на том, чтобы проводить меня до комнаты, хоть я и пыталась отказаться. По пути мы особо не разговаривали, но когда я уже дошла до двери и хотела было попрощаться, он положил руку мне на плечо, останавливая.

– Что такое? – обеспокоенно спросила я.

– Я хотел извиниться, – он говорил это ровно, почти без эмоций. Несмотря на то, что я стояла достаточно близко, я с трудом могла разглядеть его голубые глаза, видела лишь очертания бледного лица.

– Ты ведь не специально, – нехотя ответила. Я злилась. Понимала, что нельзя винить Ламарка, но злилась. Ничего не могла с собой поделать.

– Я живу на восьмом этаже, в четвертой комнате.

– Зачем ты...

– Если будет что-то нужно или что-то случится – приходи.

Я тебе должен.

– Это необяз...

– Я так сказал, – довольно жестко прервал меня он. – Спокойной ночи, закрывай окно на ночь.

– Зачем?

Ответа на вопрос не было, Ламарк растворился в синеватой темноте. Я несколько секунд стояла, взявшись за ледяную дверную ручку, пока не устала вглядываться в пустоту.

***

С утра Элиз выглядела счастливой: на ее щеках светился легкий румянец, глаза горели.

– Что такое? – с улыбкой спросила я, поправляя ее слегка волнистые светлые локоны.

– А?

– Ты светишься вся.

– Я решила записаться на вокал, – широко улыбнулась девушка. – После разделения на группы появилось много свободного времени, задания совсем не сложные.

– Да? – с досадой спросила я, стараясь отогнать воспоминания прошедшего вечера. Почему-то при свете дня все не кажется таким страшным. Проснувшись, я даже не сразу поняла, что все произошедшее со мной вовсе не сон. – Это хорошо... – я замолчала: не была готова отвечать на какие-либо вопросы про семинары или задания.

За завтраком мы сидели за нашим обычным столом. Элиз встревоженно вглядывалась в лица входивших людей.

– Где Колин и Ник? – нахмурилась я, смотря на два пустых стула напротив.

– Не знаю... Должны прийти, – девушка даже не скрывала волнение. Не то чтобы был повод, но она привыкла проводить с Колином все свободные минуты, порой я даже слышала, как она ускользает к нему под покровом ночи.

Спустя несколько минут послышался громкий крик и сдержанный смех.

– Ник? – мы произнесла это в унисон. Этот парень и дня не мог прожить без какого-то происшествия, которое непременно кончилось бы плачевно, если бы не его харизма. Рыжая катастрофа.

Мы не ошиблись. Вскоре в проходе показалась высокая фигура Херта. Элиз не смогла сдержать улыбку при виде своего парня. На руках у него сидел извивающийся лис, старавшийся выпрыгнуть изо всех сил. Колин недовольно поправил животное и что-то пробурчал себе под нос, качая головой. Наконец он дошел до столика и усадил Ника на стул, будто все так и должно быть. Лис недовольно зашипел.

– Что с ним? – поинтересовалась Элиз.

– Понятия не имею, он такой с прошлого семинара. Надо накормить его сырыми яйцами, а то он погрыз подушку, – устало ответил Колин, потирая глаза. Мы с Элиз переглянулись, еле сдерживая улыбку.

Ник фыркнул и отряхнулся, будто только что вышел из воды. Его заостренная мордочка выглядела донельзя игри-

вой.

– Знаешь, я бы даже разницу не заметила, – склонила голову набок моя соседка, протягивая руку, чтобы почесать шею лису.

– Согласна, – бросила я.

Элиз поменялась в лице, смотря куда-то мне за спину.

– Что? – я тут же обернулась.

Себастьян и Шон направлялись четко к нам. У них не было подносов с едой, лишь кружка. По пути Ламарк захватил один из стульев, стоявших за другим столом, и поставил его прямо рядом со мной. Я инстинктивно отодвинулась. Ламарк с совершенно безразличным видом поставил на стол кофе и сел, откидываясь на спинку стула. Ник зашипел, шерсть на загривке встала дыбом.

– Это что? – вместо приветствия задал вопрос Себастьян, обращаясь ко мне.

– Ник, – пожалла плечами я. – А это Элиз, моя соседка, – зачем-то продолжила.

– Себастьян Ламарк, – парень галантно пожал руку девушке. Спустя секунду темный маг довольно красноречиво посмотрел на своего друга. Тот совершенно не замечал происходящего вокруг: его больше увлекало содержимое книги в потрепанной кожаной обложке. – Шон Хайдс, – со вздохом представил он некроманта.

– Очень приятно, – слегка рассеянно произнесла Элиз.

Я старалась не обращать внимание на сидящих рядом ма-

гов и заниматься своим завтраком, но тщетно. Ник был настроен решительно против гостей. Он не прекращал скалить крохотные белые зубки, даже когда пришел Колин с добрым десятком яиц на подносе.

– А... – он нахмурился, смотря на новоприбывших гостей, потом на свою девушки и, наконец, на меня. Я пожала плечами.

Пока Колин представлялся Себастьяну и Шону, Ник запрыгнул на стол и ткнул носом яйца, аккуратно сложенные пирамидкой на тарелке.

– Нет! – крикнул Херт, отодвигая лиса.

В хаосе я почти упустила момент, когда рука Себастьяна скользнула к моей. Я вздрогнула от прикосновения теплых пальцев и хотела было отодвинуться, но он меня остановил. Себастьян аккуратно разжал мою ладонь, стараясь не сильно давить. Я почувствовала еще кое-что. Бумагу. Украдкой посмотрев вниз, я заметила сложенную в несколько раз записку. Кивнув, я сжала ее в кулаке.

Пока я немного отвлеклась, Ник успел уронить на пол четыре сырых яйца и поцарапать Колина. Тот решительно обездвигил лиса и, не поев, направился в сторону аудиторий, где должен был быть профессор-анимаг.

Ламарк оглядел происходящее абсолютно равнодушным взглядом, залпом допил оставшийся кофе и поднялся на ноги. Шон быстро понял, что самое время ретироваться. Он потряхнул головой, светлые пряди волос упали на лицо.

– До встречи, – бросил он через плечо и направился к выходу вместе с некромантом.

– И что это было? – нахмурилась Элиз, обращаясь явно ко мне. Я пожала плечами.

– Видимо, пытаются найти друзей. Им тяжело, думаю... – доводы звучали крайне неубедительно. Сложно было поверить, что кто-то вроде Себастьяна или Шона решит заводить знакомства таким образом.

– Не знаю... – сморщилась Шир. – Ты так и не рассказала, как прошел твой семинар, – она резко повернулась ко мне. Я застыла, не отрывая взгляд от рисовой каши с миндалем.

Девушка накрыла мои похолодевшие кисти своими теплыми мягкими ладонями и чуть сжала их.

– Мне иногда кажется, что Мортиус специально делает все, что усложнить тебе жизнь. Как можно было оставить тебя с некромантами и темными? – он приподняла брови.

– Я думаю, что ему все равно. Он вспомнил про меня лишь когда осталась последняя группа, – вздохнула я, с грустью осознавая, что в этот раз я права.

– И какое задание вам дали?

– Я с ним не справилась в любом случае, – непреодолимое желание встать и уйти. Нет. Убежать. Убежать как можно дальше, пока не откажут ноги, пока легкие не наполнятся огнем. Это единственное спасение.

Элиз нежно поправила мои волосы, выбившиеся из неряшливого пучка волос.

– Почему ты не попросила заплести тебя? – нахмурилась она.

С одной стороны, я была рада тому, что она перевела тему, с другой же, мне все больше казалось, что все ее слова, действия пропитаны жалостью.

– Давай вечером поговорим, хорошо? – я поднялась, забирая со стола книгу по темной магии, которую так и не смогла даже начать прошлым вечером.

– Ладно... – Элиз грустно опустила свои светлые зеленые глаза, поджала губы.

– Не грусти, – бросила напоследок я.

На ходу я развернула записку. Она была выведена на вырванной странице какой-то книги, судя по обрывкам текста на обратной стороне.

«Перед семинаром в Восточной башне.»

Я на секунду остановилась, думая, стоит ли мне идти. Обе мои встречи с магами закончились не то чтобы хорошо. Такое ощущение, что они притягивали проблемы.

Вздыхнув, я все же развернулась и направилась к башне.

Поднимаясь по длинной винтовой лестнице, я не раз думала о том, что сейчас самое время остановиться и вернуться к оживленным учебным аудитории. Я поежилась от холода, плотнее запахивая вязаный кардиган. Восточная башня встречала все ветра, поэтому деревянные ставни зачастую ломались под натиском сил природы. Дойдя до одного из голых окон, я выглянула наружу. Помимо головокружительно-

го обрыва под замком и леса, я видела небольшие постройки и теплицу. Хотелось бы мне иметь крылья, чтобы свободно кружить на такой высоте и любоваться видами. Хотелось бы быть свободной физически.

Я вовсе не считала академию своей тюрьмой, она была мне домом, ничего другого я в жизни не знала, но все же хотелось ненадолго забыть обо всех условностях и сложностях и побыть чем-то иным. Чем-то неистово свободным, яркой вспышкой, мимолетной, бесконечной и в то же время вечно умирающей.

Я отвлеклась, услышав приглушенные голоса через пару пролетов от площадки. Я вздохнула и полубегом направилась вверх – не хотелось бы опоздать на семинар к Мортиусу.

Вспомнив его имя, я замерла. После того, что он мне сказал позапрошлой ночью, у меня ведь даже не возникло мысли рассказать ему о произошедшем накануне. Это ведь совершенно точно нечто важное... Я закусилла обветренную губу, но, тряхнув головой, решила обдумать это чуть позже.

– Эстер, – поприветствовал меня Себастьян, Шон медленно развернулся.

Я оглядела комнату, разительно отличавшуюся от того, какой я ее помнила.

– Это вы сделали? – нахмурилась я.

– В библиотеке и читальных залах слишком многолюдно, – пожал плечами Ламарк.

В небольшом помещении стояли высокие книжные шкафы, мерно трещал старый камин, вокруг которого были расположены диван с двумя креслами, обитыми коричневой кожей. Посередине расположился низкий журнальный столик.

– Откуда вы все это взяли? – нахмурилась я.

– На некоторые вопросы лучше не знать ответа, – с каменным лицом произнес Шон, мягко садясь на одно из кресел. Аквилла затрещала позвонками, обвивая ногу хозяина.

– И зачем вы меня позвали?

– Вчера ты была не особо в состоянии обсуждать произошедшее. Хотел поговорить сейчас, до семинара, – выразительно отметил последнюю часть Себастьян. Он закатал рукава рубашки и скрестил руки на груди. Наполовину расстегнутая рубашка натянулась, обнажая кулон, висевший на его шее.

– И что ты хотел сказать? – сощурилась я.

– Хотел попросить позволить мне расшифровать послание. И не сообщать Мортиусу о ритуале, – чуть тише добавил Ламарк.

Я фыркнула, покачав головой.

– Понятно. Я пока не собиралась, но на это есть свои причины... – я вспомнила пренебрежительный тон директора. – А насчет послания... Не беспокойтесь, мои видения имеют свойство не сбываться.

– Мне кажется, в этот раз дело обстоит иначе, – произнес Хайдс, поглаживая череп змеи. Он не смотрел на меня, но я

чувствовала в его обычно безжизненном голосе нечто странное, новое. Что-то похожее на проблеск эмоций. Я пока не была уверена, каких именно, но это не могло не настораживать.

– Я провел ночь в библиотеке, искал книги про предсказателей, пророков и... Все, связанное с будущим.

– Я прочитала все книги, там нет ничего, чего бы я не знала...

– Ты уверена, что читала все книги? – улыбнулся Себастьян, смотря мне прямо в глаза.

– Да, – я нахмурилась. – Все, что было в отделе пророчеств.

– Я посмотрел родословные пророков, потом отправился в отдел с личными дневниками... – Себастьян мерил комнату шагами.

– Оттуда надо брать книги по особому запросу, – нахмурилась я. – Мне всегда отказывали.

– Тебе не откажут, если не подавать запрос, – улыбнулся Себастьян, протягивая мне книгу, что он держал под мышкой. – Думаю, тебе будет интересно.

Я с трепетом приняла довольно потрепанный дневник в черной кожаной обложке. Сверху было выгравировано: «Л. Антвуд».

– Ты... отдаешь ее мне? – полушепотом уточнила я.

– Не просто так, – улыбнулся Себастьян, видя мою реакцию.

– У меня... – я нахмурилась. – Нет ничего взамен.

– Я прощу лишь позволить нам помочь с этим, – серьезно ответил Ламарк, останавливаясь напротив меня.

– Зачем вам это?

– За стенами академии убивают ведьм. Сотнями, тысячами. Глупо думать, что такие события не оставят отпечаток на ясновидящих.

– Ты жила все время в вакууме, – Шон поднялся, смотря прямо на меня. Его лицо казалось слишком светлым, неестественным. Его бледные туманные глаза пугали. – Ты не знаешь, что такое смерть. И кто такие охотники.

– Я...

– Ты слышала про это. Для тебя смерть закупорена в книжках, ты не видела ее. Не чувствовала. Не вдыхала... – Шон говорил все тише, смотря куда-то в пустоту. Его мысли словно были совсем далеко. – Ты не можешь искренне ненавидеть, – он поднял на меня глаза. Я отшатнулась. Это был океан боли. – Это не твоя вина. Ты просто не понимаешь, – он скривился, поправил манжеты рубашки.

– Вы думаете, я смогу вам помочь? – с сомнением спросила я, с губ сорвался нервный смешок. Я ведь даже себе помочь не могу.

– Нет. Я в этом уверен, – лицо Себастьяна снова стало непроницаемым, на нем отпечаталось жуткое сожаление.

– Мне кажется преступлением ограничивать такой дар, – тихо сказал Себастьян. – Равно как и держать столько кол-

дунов без дела, пока наш род истребляют.

Я смотрела на дневник в своих дрожащих пальцах. От чего-то мне казалось, что сейчас важный, судьбоносный момент. Конечно, такие вещи сложно осознать своевременно. Обычно понимание приходит лишь спустя время, когда оглядываешься назад в мучительной попытке понять, когда же твоя жизнь так круто изменилась.

– Хорошо, – сказала я, не смотря ни на одного из магов. Но даже без этого я почувствовала легкое облегчение.

– Мы будем встречаться здесь каждый вечер, обсуждать что-то важное в другом месте... Не то чтобы безопасно, – медленно произнес Себастьян.

– Ты не доверяешь Мортиусу, – сощурилась я.

– Доверяю. Сложно не доверять, когда точно знаешь, кто твой враг, правда? – Себастьян горько усмехнулся и покачал головой. – Я просто думаю, что он не в полной мере осознает ситуацию.

– А почему вы доверяете мне? – вскинула подбородок я.

– Потому что у нас нет иного выбора, – прямо сказал Себастьян. – Без риска выиграть войну невозможно.

Я несколько раз покивала, поджимая губы.

– Ладно... Тогда до вечера, – я развернулась и направилась к лестнице.

Мыслей не было. Так обычно бывает, когда происходит слишком много, а мозг попросту не в состоянии обработать всю информацию. Я погладила потрепанную кожаную об-

ложку. Во всяком случае, они дают мне ответы, хотя вопросов новых, конечно, больше.

5. Аберрация

Я чувствовала себя предательницей. Липкое, неприятное чувство.

Мортиус обращался со мной как плохой хозяин с глуповатой собакой. На протяжении девятнадцати лет я тянулась к нему, старалась угодить, но каждый раз получала лишь болезненный пинок под ребра. Директор отвергал меня, а я всеми силами стремилась угодить ему. Сейчас мой поступок казался даже закономерным. Хотя, вероятно, таким образом я лишь пыталась успокоить протестующую совесть. Я оперлась о влажную стену и прикрыла глаза, собираясь с духом.

Шон с Себастьяном остались в комнате. С удивлением я заметила, что в импровизированной гостиной было достаточно тепло, зато стоило мне выйти на лестничную клетку, жгучий холод пробрал до костей.

– Не думал, что она согласится, – раздался приглушенный голос из-за двери.

– Почему? Я думаю, она еще не догадывается, – спокойно ответил Шон. Его безразличный, почти механический голос, узнать было нетрудно.

– Думаешь, она правда ни разу не пыталась прочитать книги из закрытых отделов?

– Думаю, пыталась. Безуспешно.

– Стоит рассказать ей?

– Есть причина, по которой Мортиус держит это в секрете. Несмотря на все, не думаю, что он дурак. Не наше дело, считаю. Наше дело иное. Со мной связались с юга...

Зашуршала бумага, повисло молчание. Я тихо отошла на шаг, чтобы опять не быть пойманной за таким постыдным делом.

В груди заклокотала тревога. Как они за три дня в замке сумели узнать какую-то тайну? Как они сумели проникнуть в закрытый отдел? На его границе стоит мощное запрети-тельное заклятье, доступ к книгам есть только у Мортиуса и некоторых приближенных педагогов. Я сильно сомневалась, что директор позволил им зайти туда, так что оставалось понять, как именно им удалось обойти защиту.

Я быстро спускалась вниз по винтовой лестнице, совершенно погруженная в собственные размышления. Я толкнула тяжелую деревянную дверь и вышла в пустынный коридор. У меня давно выработалась совершенно странная привычка тщательно запоминать все свои маршруты. Я держала в голове количество сделанных шагов, температуру воздуха, освещение, фактуру дерева и небольшие узоры на оконных рамах. Я знала замок наизусть, но все равно оставались уголки, в которые я не могла пробраться. Поэтому меня злило, что кому-то это удалось так быстро. С другой стороны, хорошо, что это получилось у людей, которые относятся ко мне благосклонно и готовы делиться со мной добытыми крупными знаниями. Я поморщилась. А уверена ли я, что Шон с Се-

бастьяном имеют благие намерения?

Они появились из ниоткуда, припорошенные пеплом войны, пропитанные дымом погребальных костров. Мрачные, загадочные, нелюдимые, неловкие и совершенно не вписывающиеся в атмосферу академии. Оба парня мало заботились об учебной программе, рассматривали происходящее как некую паузу, за которую они могут набрать сил. Но что они собираются делать после? Как будут противостоять охотникам?

Я понимала планы Мортиуса: впустить в замок как можно больше колдунов и ждать. Прятаться. Ускользать от кровопролитных сражений, от объятий смерти. Ведьмы ведь живут в разы дольше простых людей. Поколения сменятся и мы вновь сможем вернуться в обычный мир.

Я понимала, что думаю так лишь потому, что ни разу не видела этот самый «обычный мир». Для меня он был старыми словами в библиотечных книгах, рисунками в альбомах и тлеющими воспоминаниями в давно забытых дневниках мертвецов.

Для Себастьяна с Шоном обычный мир был домом, которого их лишили. Варварски отняли все: семью, жизнь, право выбора, юношество. Боролась бы я за свой дом? Боролась ли бы я за себя? Не знаю. Не представляю. Хочется верить, что ответ был бы да. Есть в этой вере, в этой слепой, уничтожающей вере, что-то романтическое, героическое и завораживающее. Трагедия привлекательна.

Я мотнула головой, выныривая в реальный мир. Близилась зима, световой день безжалостно сокращался. Робкое солнце отбрасывало бледные лучи, ломавшие позвоночники о затейливые витражи на окнах. Красиво. Трагически красиво.

Мне предстоял целый семинар с Мортиусом, но, по правде говоря, я уже изрядно потеряла мотивацию. Сложно постоянно бороться за внимание и признание, сложно доказывать самой себе собственную ценность. Это выматывает.

Я часто задумывалась, почему я не могла родиться некроманткой? Или хотя бы анимагом? Пусть порой я бы застревала в своей звериной форме, но это было бы всяко лучшего той неопределенности, в которой я увязла на долгие годы.

Ноги вели меня сами по знакомым маршрутам. Я часто гуляла по восточному крылу, он было самым пустым. Здесь не было ни действующих аудиторий, ни жилых комнат. Лишь несколько библиотек, гостиных и веками запертых комнат. Я резко затормозила. Веками запертых комнат? Нервный смешок споткнулся о губы.

Я с сомнением нахмурилась. За последние несколько дней я и так нарушила достаточно правил, не хватало мне еще нарваться на гнев Мортиуса. Я сумела смирилась с его вечным равнодушием и ледяным голосом, но гнев его выдержать едва ли получится.

***

Я сидела одна на третьем ряду. Все студенты расположи-

лись перед лекционной стойкой, а я пряталась за их спинами в надежде на то, что до меня не дойдет очередь. Мортиус двигался как четко слаженный механизм. В книжках о людях я часто видела причудливые шестеренки, что бесконечно вальсируют в одном темпе, также и директор. Выражение его лица практически не менялось, прическа, походка, жесты и, казалось, даже костюмы – все одно и то же. Зачесанные назад длинные темные волосы, жабо, элегантный костюм, длинноватые ногти, широкий грациозный шаг и надменно сжатые губы. Его четкие слова заточенными лезвиями разрезали гулкую тишину. Я сжалась, нависая над книгой. Себастьян и Шон, зайдя в аудиторию, даже не посмотрели в мою сторону. Их отстраненные взгляды были направлены в пустоту, а я стала для них незнакомкой, будто не было только что разговора в тайной гостиной, а накануне ночью они не держали в руках мое бесчувственное тело. Я хмыкнула, отгоняя от себя бессмысленную детскую обиду. Рука сама будто потянулась к дневнику в кожаной обложке. Я не открывала его, даже не посмотрела на титульную страницу. «Л. Антвуд». Я нежно гладила эту надпись, искренне стараясь вникать в слова Мортиуса. Они проходили будто сквозь меня. Я могла различить буквы, слоги, слова, но все они складывались в какую-то бессмыслицу.

– Ваша магия – ваше естество. Она наполняет вас, равно как и кровь. Когда вы выплескиваете волшебство наружу, вы становитесь слабее, поэтому обязательно нужно время для

восстановления. Некоторые волшебники способны использовать сильные заклятья часто, почти каждый день, другие же погибают, стараясь выполнить непосильные для них заклинания. Важно ощущать собственные силы...

Его голос больше не мог пробиваться к моим мыслям. Разве это про меня? Разве я могу сама вызвать видение или задать вопрос будущему, прошлому? Я тону в омуте информации, с которой ничего не смогу сделать. Меня будто заперли в звукоизолированной комнате и наделили даром петь божественные песни. Мои бессмысленные сны убивают меня, парализуют, пугают до оцепенения. Я мотнула головой, будто стараясь вытряхнуть липкие грязные мысли, отравляющие разум.

Я отвернулась, потерла ладонями лицо. Хочется скулить. Внезапно нахлынувший приступ опустошения окончательно выбил меня из колеи. Так случалось порой, стоило остаться вариться в собственных мыслях надолго. Все казалось таким чужим. Я будто заснула синим зимним вечером после тяжелого дня и проснулась посреди ночи. После такого всегда кажется, что мир кардинально поменялся, но все эти различия незримы, невидимы.

– Приступим к практике, – громко сказал Мортиус, медленно отходя в сторону. Первая пара, посоветовавшись, вышла к стойке. Совсем юная рыжеволосая девушка с россыпью золотых веснушек на длинном лице поставила на высокий столик клетку с каким-то грызуном. Я встрепенулась.

– Начну я, – ее властный громкий голос никак не вязался с миловидной внешностью. Смертельный обман. Ее напарница, угрюмая шатенка, отступила на шаг, наблюдая за зверьком. Он явно чувствовал себя некомфортно: метался из стороны в сторону, беспокойно вилял крохотным пушистым хвостиком. Это бурундук?

Грызун бешено скакал по клетке, хватаясь лапками за прутья, пока рыжая, положив длинные тонкие пальцы на небольшую дверцу, зашептала себе что-то под нос. Стало будто бы холоднее, граница между мирами истончалась. Слова ведьмы были наждачной бумагой, настойчиво противравшей лазейку для духа.

Синеватая дымка поползла по дну клетки, протягивая щупальца к зверьку, забившемуся в самый угол. Я отвернулась, но все равно слышала дикие визги. Зажмурившись, я сжала губы. Бессмысленные страдания. Крики прекратились. Но легче от этого не стало. Я приоткрыла глаза. Грызун стоял на задних лапках, даже отсюда я видела, что его тельце будто бы потемнело.

Через несколько секунд бурундук ловко вскрыл дверцу и выпрыгнул наружу, прямо в ловко подставленную ладонь рыжей ведьмы. Она прошептала что-то прямо в наострен-ные ушки зверька, и тот спрыгнул прямо на пол, побежал под ногами студентов, прокатилась шумная волна недовольства. Бурундук запрыгнул на стол, я смогла рассмотреть его ближе. Шерсть стояла дыбом, конечность подрагивали. Я ин-

стинктивно отодвинулась. Грызун забрал с парты орех, спрятанный под книгой, и поскакал обратно.

Ведьма продемонстрировала целый орех аудитории.

– Теперь умри, – хладнокровно произнесла она.

Бурундука обвили темные щупальца, в этот раз стояла мертвая тишина. Тельце зверька лежало на лекционной стойке. Я сжала губы, стараясь скрыть наворачившиеся на глаза слезы.

Ведьма оживила его, но оживила также, как Себастьян оживлял крысу ночью в подвале. Грызун извивался, истошно пищал. Его конечности судорожно тряслись, спина выгибалась.

– Достаточно, – произнес Мортиус, подняв руку. Вновь стало тихо. – Следующая.

Девушка прочистила горло и сделала шаг вперед. Ее пальцы ловко заплясали над трупом бурундука. Тот медленно приподнял мордочку, нос будто бы задрожал. Шатенка продолжала тихо шептать заклинания, не сводя глаз с тела. Тем временем директор беседовал о чем-то с напарницей некромантки. Та кивала, иногда чуть хмурилась. А зверек почти полностью пришел в себя. Он неуклюже перебирал лапками, стараясь оказаться подальше от ведьм, но это сделать ему было не суждено. Девушка уже говорила новое заклинание, очевидно более трудное для нее. Бледное фарфоровое лицо покрыли трещины-морщинки. Брови нахмурены, глаза зажмурены, пальцы дрожат от напряжения.

– Остановитесь, – резко прервал ее Мортиус. Девушка пошатнулась, схватилась за край стола. – Что вы пытались сделать?

– Я... – она широко раскрыла рот.

Однажды я ходила с одной из помощниц поваров к озеру. Это было прохладное, мокрое и слегка туманное летнее утро. Тишина хрупкой паутиной накрыла еще не проснувшийся лес, а мы вероломно пробивались по изрядно заросшей тропинке к воде. Я читала книгу на берегу, пока Линда, бездарная ведьма, рыбачила. От нее отказалась семья, когда оказалось, что она не наделена магией, а после всю жизнь пришлось работать в академии. Тухло.

Линда устало бросила в ведро небольшую рыбешку, а я отчего-то решила взглянуть. Жабры раздувались, качая смертоносный воздух. Выпученные глаза метались, но, клянусь, я была уверена, не видели ничего. Рыбина хлопала губами, будто изо всех сил пыталась что-то сказать. Еще влажное тело трепыхалось, билось о железные стенки ведра. Я резко отвернулась

Также было и с девушкой сейчас.

Она осела на пол, студенты беспокойно зашептались, Мортиус присел рядом с ней, обеспокоенно рассматривая кожу.

– Какое заклинание она применяла? Кого она вызывала? – с пугающим спокойствием спросил директор у оторопевшей студентки.

– Она... – девушка сжала ладони в кулаки и будто бы вытянулась. – Она пыталась наложить контролирующие узы...

По лицу Мортиуса было сложно сказать, он просто зол или в бешенстве.

– Такие ритуалы нельзя проводить без жертвоприношения, – бросил директор, трогая шею ученицы. – Ее сил не хватает... Вы, с первого ряда, – он махнул в сторону учеников, остолбеневших, словно олени в свете мертвых огней. – Отойдите.

Студенты быстро собрали книги, листы конспектов зашуршали белоснежными крыльями, падая на деревянный пол. Я наблюдала за водоворотом людей не в силах пошевелиться. Дыхание смерти заставляло остолбенеть всех вокруг. Оно будто останавливало время, притупляло чувства.

Мортиус положил стремительно бледнеющее тело девушки на парту, а я впервые взглянула на ее лицо так близко. Пальцы непроизвольно сжали корешок библиотечной книги.

Порой бывает сложно вспомнить сны, но мои преследуют меня и наяву. Эти черты лица оставались где-то на подкорке, будто выжидая нужный момент, чтобы появиться. Вот только... Я не в подвале. А ведьма одета в обычную одежду, нигде нет крови.

Пальцами Мортиус приоткрыл рот девушке, параллельно послав какую-то студентку в больничное крыло.

Я неотрывно смотрела на девушку с постепенно сереющими глазами.

Я уже видела, как она умирает.

И я точно знала, что ее не спасти.

6. Жертва

Нас всех отправили по комнатам. Элизабет обеспокоенно ходила кругами по комнате. Она нервно перебирала свои светлые локоны, мерцавшие в сумеречной полутьме.

– Ты уверена? – спросила она, присаживаясь на самый край кровати. – Надо сказать Мортиусу.

– Наверное... – произнесла я, сжимая губы. – Что-то не так.

– Что? – она была не тут. Глаза стеклянные, привычный розоватый румянец исчез, уступив место мертвенной бледности.

– Зачем она произносила сильное заклятье? Она ведь должна была тренироваться и знать, что у нее недостаточно сил.

– Если она была в твоём видении, значит уже все не просто, Эстер, – голос Элиз задрожал, она сжала подол легкого синего платья. – Ты как? – она потянулась ко мне, накрывая своей теплой ладонью мои ледяные пальцы.

– Не знаю, потом подумаю, – мотнула головой я, сжимая руки подруги. – Тебе страшно?

Она жалобно закивала, не сводя с меня взгляд широко распахнутых зеленых глаз.

– Иди сюда, – еле слышно сказала я.

Шир будто бы только этого и ждала. Легким движением

она скинула с ног туфли на небольшом каблуке, а за ними и повседневное платье, оставаясь в тонкой длинной майке. Соседка подняла одеяло и быстро пробралась ко мне, обвивая меня тонкими руками. Я сжала губы и машинально погладила ее по спине. В такие моменты Элиз казалась мне совсем маленьким беззащитным ребенком. Она часто забиралась ко мне в кровать, когда просыпалась от ночных кошмаров или бушующей грозы. Будто бы я могла как-то помочь ей.

Но я не могла помочь даже себе.

Мы молча лежали в полутьме, прижавшись друг к другу. Так было спокойнее. Я вдыхала тонкий цветочный запах ее парфюма и постепенно проваливалась в полусон. Тело будто приросло к прохладной постели. Постелили свежие простыни, запах чистоты был таким чужим, мешающим. Элиз тихо сопела куда-то мне в шею, ее длинные светлые ресницы беспокойно подрагивали.

Порой Элизабет казалась мне такой легкой, беззаботной, лишь потом я вспоминала, как первое время просыпалась от ее ночных стенаний после смерти бабушки. На утро, когда я хотела с ней заговорить, она как обычно весело щебетала перебирая украшения в шкатулке. Тогда я оторопела: как можно выть от боли до утра, а потом встать с самой сияющей улыбкой?

Сейчас я понимаю, что такой ее вырастили: скованной своими же ожиданиями.

Дышать было сложно, Элиз положила голову прямо на

грудь. Я поморщилась и чуть подвинулась, стараясь не потревожить сон соседки. Она пробормотала что-то невнятное и прижалась крепче, сжимая пальцами мою руку. Я застыла, даже задержала дыхание, ожидая пока она снова уляжется. Так бывало, когда я пускала на колени обращенного анимага: в зверином обличе они крайне привередливы. Даже Ник будучи лисом протестуяще впивается когтями в колени, когда начинаешь менять положение.

Я опустила потяжелевшие веки, утыкаясь носом в макушку соседки, чтобы не вдыхать морозный воздух, режущий легкие. Я не спала, но была в каком-то странном промежуточном состоянии, когда не можешь пошевелиться и думать, но осознаешь все происходящее вокруг.

***

Холод. В обезлюдевшем внутреннем дворике, длинных пустых коридорах, под кожей и в голове.

Сумрак клубился в библиотечных полках, окутывал старые книги. Пыль, разбуженная моими робкими шагами, завальсировала в тонком желтоватом луче лунного света. Тишина тяжким грузом навалилась на плечи, заставляя сгорбиться, пробуждая какой-то глубинный инстинкт жертвы, заставлявший прятаться, замирать. Будто неподвижность могла спасти меня.

Я огляделась по сторонам, пытаюсь понять, где я оказалась. В голове клубился туман, а кости ломало будто от жара. Я сморщилась, прикладывая ладонь к пылающим щекам.

Глаза слезились.

– Надо возвращаться в комнату, – прошептала я самой себе, но стоило сделать шаг, комната опасно накренилась.

Я сделала несколько шагов, вцепилась в книжный стеллаж, жалобно застонавший под таким напором. Посреди библиотеки было нечто. Я прищурилась, стараясь разглядеть что-то, но все расплывалось, будто дразня меня. Колени подкосились. Воздуха не хватало. Темнота сгущалась, все отдаляя меня от ответа. Горло будто сдавили. Я широко открыла рот, стараясь глотнуть воздуха, но ничего не получалось.

Страх смерти. Он вшит в наши гены, курсирует вместе с кровью по всему телу. Он подгоняет, заставляет действовать даже тогда, когда кажется, что не получается ничего. Единственное, что я могу – это думать, вспоминать. Вспоминать, что я не приходила в эту библиотеку.

Смешки, вырывавшиеся из моего рта, больше походили на предсмертный кашель. По сути я умирала. Умирала, как и десятки раз до этого. Но смерть – долгий сон. Я закрыла глаза, все глубже проваливаясь в небытие.

***

– Эстер?

Я не видела ничего. Лишь ощущала на взмокшей коже дуновение прохладного ветра, запах недавно потушенной свечи и чей-то парфюм прямо под носом.

Зрение постепенно возвращалось. Я больше не паниковала, как в прошлый раз. Это неизбежно и временно, а значит,

не стоит и капли моей тревоги.

Лицо прямо передо мной, размытое, непонятное. Еще одно. Их два. Или три? Я прищурилась, но они все отказывались соединяться в одно.

– Она в порядке? – этот голос был мужской, но чей?

– Должна быть... – Элиз. Ее певчую манеру речи я узнаю из тысячи. – Я позову Мортиуса...

– Нет, – это я сказала? Я была более, чем уверена, что я двинула языком, сомкнула и разомкнула губы, использовала свой артикуляционный аппарат, но все равно что-то было не то. Почему я это сказала?

– Что? – снова мужской голос. Я прищурилась, пока не разглядела Колина.

– Попить, – я приподнялась на локтях. На моей кровати вполне себе беспардонно расположился еще и Ник. – Это что?

– У меня чистые лапы, – слегка оскорбленно произнес он, за что мгновенно получил шлепок по плечу от Колина. – Ай... Ну правда же.

Херт отвернулся, качая головой, а Ник продолжил смотреть на него. Я нахмурилась, будто стала свидетелем чего-то крайне интимного, чего не должна была видеть. Забавно, что после стольких видений это чувство у меня еще не атрофировалось.

– Что вы здесь делаете? – проговорила я, натягивая одеяло повыше.

– Элиз позвала нас, сказала, что понадобится помощь, – спокойно ответил Колин, вставая с кровати, чтобы не доставлять мне дискомфорт.

– Я здесь останусь, – приподнял бровь Ник.

Я не смогла сдержать улыбку. Он еще так юн, что это ощущалось во всем: в его энергии, громком смехе, неловкости и эмоциональности. Ему было всего семнадцать, он был моложе всех из нашей небольшой группы.

– Раз лапы чистые, пожалуйста, – пожала плечами я.

– Держи, – Элиз поднесла стакан с водой к моим губам. Я улыбнулась и постаралась перехватить его, но Элиз легонько шлепнула пальцем по моей ладони. Я убрала руки и отпила глоток прохладной воды. Стало значительно легче. – Ты как?

– Лучше, – коротко ответила я, садясь на кровати.

– Что ты видела? – спросил Ник. Видно было, что ему не терпелось узнать, но он искренне старался выждать нужный момент.

– Ничего, что я бы поняла, – грустно протянула я. – Опять...

Мое единственное хоть сколько-то толковое видение Мортиус не воспринял всерьез, так что идти к нему с такой ерундой, в которой я сама не разобралась, смысла точно не было. Мне отчего-то хотелось рассказать о случившемся Себастьяну, но я старательно отгоняла от себя эту странную мысль. Я не знала точно, что я могу ему доверить, хотя за неделю он сделал для меня больше, чем директор академии

за девятнадцать лет.

– Ну-у-у... – протянул Ник, не отрывая от меня своих огромных зеленых глаз. Я еле как улыбнулась и потрепала его волосы. – Эй! Я их только уложил.

– Да ну, – скептически произнес Колин. – Я думал, ты так проснулся.

– Я не виноват, что они такие непослушные, – фыркнул Ник, старательно приглаживая торчащие пряди.

– Я была в библиотеке. В нижней, самой большой. Я не успела увидеть ничего конкретного, кроме... Большого предмета в самом центре читального зала. Я не поняла, что это было, меня будто выдернуло из видения.

– Зачем видения, в которых ты ничего не видишь? – непонимающе нахмурился Колин, поглаживая по спине севшую рядом с ним Элиз. Я заметила колкий взгляд Ника.

– Я не уверена, что эти видения специальные. Это скорее... как временной разрыв, в который мне удастся пробиться.

– Но если ты видишь определенные символы, это не так...

– Обзор не всегда бывает четким, – уклончиво ответила я.

– Но ты ни разу не видела видений вне стен академии, – продолжил Колин. – Значит, ты связана с этим местом.

Я на секунду замерла. Даже во снах я не могла покинуть это место. Нет, я никогда не горела желанием исследовать окружающий мир, вырваться из академии, но все же было обидно, что за всю жизнь я не видела ничего, кроме камен-

ных стен этого замка, скал, леса и озера с опушкой. В книгах так интересно описывался окружающий мир, а еще интереснее на их страницах были запечатлены люди. Такие подобные нам, но в то же время совершенно иные. Они будто стремились компенсировать отсутствие магии и постоянно рвались что-то доказать другим в науке, политике, исследованиях мира. Это умиляло.

Когда-то мне довелось читать о том, что лучшие человеческие ученые трудились над созданием некоего «философского камня» просто чтобы превращать один металл в другой.

– Я думаю, что твои видения связаны с твоим будущим или будущим академии. Ты же видела три тела, а после...

– Колин, – осекла его Элиза.

Я вздохнула, перебирая в пальцах край одеяла.

– Я пыталась донести что-то до Мортиуса, но он...

Я сжала губы, смотря в окно. Солнце давно село, за приоткрытыми ставнями мерно шумели верхушки могучих елей, кричали ночные птицы.

– Тогда мы можем заняться этим самостоятельно. Ясно же, что происходит что-то не то. Мортиус впервые ввел настолько практические занятия... Хотя система образования в академии давно нуждалась в реформировании. Люди придумали отличную систему, – увлеченно начал рассказывать Херст. Люди были его страстью. – Студентам не обязательно изучать абсолютно все предметы, они могут выбрать на-

правление, в котором хотят развиваться и углубленно изучать только его.

– Глупости, – рассмеялась Элиз. – Они такие наивные. А что если понадобятся знания в других сферах.

– Для этого они обращаются к другим специалистам, – пожал плечами Колин.

– Надо полагаться только на себя, на свои способности, – нахмурилась я.

– А если нет способностей? – он посмотрел прямо на меня, а я отпрянула, качая головой. Несколько секунд мы сидели в тишине. – Извини, я не...

– Все нормально, – холодно ответила я. Подобное меня давно не ранило. – Я считаю, что человек не может знать, в чем он талантлив.

– У них образование многоступенчатое. Сначала обязательное для всех, одинаковое, потом уже исходя из интересов люди выбирают.

– Ты постоянно говоришь о людях, – вздохнул Ник, падая на кровать рядом со мной. – Я бы кинул в тебя подушку, но Эстер меня задушит.

– Официально даю разрешение, – улыбку сдержать сложно. Я порой поражаюсь бесконечной энергии Ника. Он подобно солнечному лучику, пробивающемуся сквозь грозовые тучи.

Ник с радостью подхватил одну из моих подушек и швырнул в Колина, тот поймал ее на лету и тут же вернул прямо в

лицо Ренару. Тот, уже не спрашивая разрешение, подскочил на ноги. Я наблюдала за его пружинистыми движениями, даже не возражая. Ник подхватил еще одну подушку. Мне так не хватало наших обычных посиделок и таких веселых вечеров, что сейчас это стало настоящим лекарством от происходящего вокруг кошмара.

– Это война, господин Херст, – игриво сказал он.

– Да? – приподнял брови Колин. Нечасто я видела его таким... несерьезным. От этого произвольная улыбка стала еще шире.

– Ой... – Эли отползла в сторону, забирая свои подушки к себе. Я откинула одеяло и прижала к себе последнюю оставшуюся подушку, которую Ник, приличия ради, не стал вытаскивать прямо из-за моей спины.

Полетела первая подушка, Колин уклонился, отчего она ударила Элизу прямо в лицо. Та с притворным возмущением вскочила, встала прямо за спиной своего парня и начала закидывать нас с Ником всем, что попадалось под руки. Помимо подушек в нас полетела ночнушка, книга и плюшевый медведь, привезенным Колиным из его путешествия в человеческий мир. Ник работал за нас двоих, я все еще чувствовала тягучую слабость в мышцах, отчего движения были будто бы заторможенные.

– Все! – закричал Ник и, прежде чем кто-либо успел понять, что это значит, прыгнул прямо на Колина, поваливая того на кровать. Элиз с визгом и звонким смехом скатилась

на пол, утянув за собой одеяло. Я пыталась перевести дыхание, наблюдая за тем, как мальчики барахтаются в шуточном бое.

Как ни странно, Ник довольно долго удерживал широкоплечего и достаточно крепкого Колина прижатым к кровати. Ренар прижимал коленями руки Херста к матрасу, а сам нещадно щекотал обездвиженного противника. За их оглушающим смехом вперемешку с угрозами расправы я не услышала настойчивый стук в дверь. Внезапно все в комнате затихли. Ник так и замер сверху Колина, оглядываясь на дверь.

– Можно? – послышался приглушенный голос.

Ответа, правда, ждать не особо собирались. Себастьян стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку. Он медленно оглядел все происходящее слегка растерянным взглядом, но остановился на мне.

– Можно, – слегка раздраженно ответил Колин, красноречиво смотря на Ника. Тот без лишних пререканий освободил своего соседа по комнате. Элиз тем временем поднялась, отряхивая платье от невидимых пылинок. Девушка присела на край кровати, разглядывая неожиданного гостя.

– Приношу свои извинения за то, что прервал... Вас, – по его лицу было видно, с каким трудом он сдерживал усмешку. – Эстер, можно украсть тебя ненадолго?

Элиз приподняла брови, смотря на меня. Я знала, что знал этот взгляд: очень долгий разговор по возвращению.

– Разве что ненадолго, – ответила я, выпутываясь из одежды. – Я скоро вернусь, – бросила я ребятам.

Подойдя к двери, я заметила, что вопреки моим ожиданиям, Шон не пришел. Видимо, он решил дожидаться нас в гостиной. Я ступила в темный коридор, не освещенный даже мертвыми огнями.

– Ты же не боишься темноты? – раздался голос сверху.

– Нет, конечно, – дернула плечом я.

Его ладонь успокаивающе легла мне между лопаток, подталкивая чуть вперед.

– Это хорошо, – его голос выдавал улыбку. – Мы не в гостиную. Я тебя проведу.

– А куда?

– Тебе понравится.

– Надеюсь, что так.

В груди зашевелилось сомнение.

7. Светлячки

Мы шли молча, но спина будто бы горела от легкого прикосновения его пальцев. Казалось, что я чувствовала их, даже когда он убрал руку. Я повела плечами, будто бы пытаюсь стряхнуть это непривычное ощущение.

– А где Шон? – спросила я.

– Он отдыхает, сегодня нашел в библиотеку книгу, которую давно искал, так что весь вечер он молчал усерднее обычного.

– А эта книга тоже была из закрытой секции, – я понизила голос, будто стены могли нас подслушивать. Коридор был абсолютно пустой, да и из жилого корпуса мы вышли, перейдя в переход между башнями.

– Открытые секции не особо интересны опытным волшебникам, – пожал плечами Себастьян. – Ты уже начала читать?

– Еще нет, не успела... – я нахмурилась, вспоминая, что так и не решилась открыть книгу.

– Да, я заметил, что ты была... несколько занята, – он прочистил горло, смотря куда-то в сторону, будто бы внимательно изучая вид за окном.

– А куда мы идем? – поинтересовалась я.

Себастьян остановился, будто что-то вспомнив. Он оглядел меня придирчивым взглядом, я поправила и без того нормально сидящий кардиган.

– Он теплый? – он осторожно протянул руку к вязаной ткани, но остановился, взглянув мне в глаза. – Можно?

– Да... – я протянула руку, чтобы он мог потрогать ткань.

Ламарк осторожно, не касаясь моей кожи, провел кончиками пальцев по крупной вязке моего старого кардигана, подаренного давно уволившейся поварихой.

– Идем, – заключил он, снова взглянув мне в лицо. Я не понимала его выражение лица, не могла прочесть, какие чувства скрываются за его маской спокойствия.

Я не стала повторять свой вопрос, потому что отчего-то мне казалось, что ответ на него я не услышу. Во всяком случае, все мои друзья знают, с кем я уходила, поэтому, сложно представить, что Себастьян замышляет что-то недоброе. Если бы у него были дурные намерения, он бы скорее осуществил их, когда я сама пришла в гостиную в старой башне. Эти мысли успокаивали смутную тревогу, окутавшую мысли.

Как получилось так, что я доверяю этому парню? Я знакома с ним всего неделю, а все наши встречи выбивали мою жизнь из привычной колеи. Все слова Себастьяна и Шона были покрыты легким – хотя это мягко сказано – флером таинственности. Они будто бы знали больше остальных, но старались этого не показывать и просто отдалиться от общества и не посвящать никого в свои планы. У них плохо получалось быть незаметными, невидимыми: чем сильнее они пытались отгородиться от студентов, тем сильнее те тянулись

к ним. Не раз я слышала перешептываний у них за спиной, странные слухи, диковатые истории. Это немудрено и случилось со многими.

– Погоди... – я остановилась, оглядываясь по сторонам. Погрузившись в свои мысли, я совершенно перестала следить за дорогой. – Мы что, идем на улицу?

– Да, – просто ответил Себастьян. – Что-то не так?

– Ты сказал, что мы ненадолго, – с легким сомнением произнесла я.

– Да. Хочу показать тебе кое-что, – в его глазах читалось другое. Он смотрел настороженно, будто пытаясь донести до меня что-то безмолвно.

– Там холодно.

– Не особо холоднее, чем в замке, – резонно заметил Ламарк. – Если хочешь, можешь вернуться в комнату, – он и не пытался скрыть легкое разочарование, сквозившее в голосе.

Себастьян развернулся, поправил свое черное пальто, и зашагал в сторону выхода. Я смотрела за его медленно удаляющейся фигурой, сжала губы, вздохнула и быстрым шагом направилась за ним.

– Ты не пожалеешь, – усмехнулся Ламарк, когда я нагнала его.

– Надеюсь, – выдохнула я, чувствуя жгучий мороз, кусающий пальцы.

***

Взять на заметку: всегда уточнять, что значит «ненадол-

го».

Я не стала задавать вопросы, даже когда мы выскользнули за ворота. Я нахмурилась, смотря на обычно закрытый замок. Себастьян придержал калитку, оглядывая замок, укутанный еле различимым ночным туманом. Я поежилась, слыша, как хрустят листья под небольшими каблуками туфель.

– Не потеряйся, – кинул Себастьян, проходя вперед. Я кивнула, будто бы он мог это увидеть.

Когда идешь по лесу в темноте, все инстинкты обостряются. А еще обостряется воображение. Мне постоянно казалось, что я слышу странный вой или вижу стремительно мелькающие тени. От страха сжималось горло.

Что я вообще творю? Иду ночью по лесу с малознакомым магом, прибывшим в академию всего полторы недели назад. Сумасшествие. Я сдержала нервный смешок и сжала зубы, переступая через очередной выступавший корень. Себастьян учтиво придерживал низкие ветки, чтобы я могла беспрепятственно пройти.

Я давно не выбиралась в лес ночью и уже позабыла, какво это: умирять нарастающий страх, инстинкт жертвы; отгонять от себя липнущие тревожные мысли и храбриться перед самой собой. «Это просто лес». «Сама себя пугаешь». «Видишь, ничего страшного тут нет».

В последний раз мы выбирались за пределы академии с Элиз, Колином и Ником. Моя соседка хотела собрать ка-

кие-то особые ночные травы, взяла Колина для охраны, ну а как обычно непоседливый Ник увязался за ними, прихватив меня. Порой я поражалась его неиссякаемой энергии и бесконечному оптимизму. Я видела его подавленным лишь однажды, но и тогда он, поймав мой обеспокоенный взгляд, встрепенулся, расправил плечи и улыбнулся так, что я ни за что бы не смогла сказать, что всего несколько секунд назад он был на грани слез. Ник так и не рассказал мне о причине своей тоски.

– Осторожно здесь, – неожиданно сказал Себастьян, указывая на небольшую яму.

– Спасибо... – я ухватилась за шершавую кору дерева и перепрыгнула. – Мы что, идем к озеру? – почему-то спросила я.

– Да, – ответил Себастьян, уже двинувшийся вперед. Я чуть ускорила шаг, чтобы не отставать. Меньше всего хотелось оставаться одной посреди леса.

– Зачем?

– Покажу кое-что, – просто бросил Ламарк.

– Надеюсь, что это важно, – проговорила я, морщась от холода. Кончики пальцев чуть покраснели и тряслись. Из рта вырвался клуб белесого пара.

– Не сомневайся.

Я чуть остановилась, вглядываясь в его фигуру.

– Стало холоднее, да? – сказала я.

– Похоже на то.

Я стиснула зубы, оглядываясь по сторонам. Его сухие ответы пугали меня больше синеватой темноты, надежно укрывшей заметно поредевший лес. Мы почти пришли. Воздух стал свежее, менее отчетливо ощущался запах хвои.

Я была права: уже через минуты мы вышли на берег озера, я широко распахнула глаза, оглядываясь по сторонам.

Над зеркальной озерной гладью, местами подернувшейся робкой коркой льда, парили огоньки. Некоторые были желтоватые, похожие на звезды, другие – светло-голубые, цвета глаз Себастьяна. Я сделала шаг вперед, протягивая руку, будто мне было дозволено касаться их.

– Это же...

– Светлячки, – довольно сообщил Ламарк, стоявший за моей спиной.

– Как их много... – я огляделась, замечая все больше огоньков. Некоторые располагались у самой земли, надежно укрытые пожелтой травой или камнями.

– Невероятно, – выдохнула я, подходя к самой кромке воды. Светлячки испуганно отлетели в сторону, суетливо отскакивая друг от друга.

– Ты не была тут? – его голос раздался почти над самым ухом, но я даже не думала о том, насколько он близко.

Меня заморозили крохотные огоньки. Озеро сливалось с небом, горизонт стирался, а светлячки стали продолжением созвездий, робко проглядывавшихся сквозь громоздкие тучи. От такого вида становилось физически трудно дышать,

я невольно положила ладонь на грудь, где неистово билось сердце.

– Нет... – я сказала это еле слышно, да и не была уверена, говорила ли вообще.

Страшно было спугнуть эту красоту, страшно было моргнуть, будто я могла упустить что-то важное. Изо всех сил я старалась запомнить открывшийся передо мной вид в мельчайших подробностях, чтобы эта картина отпечаталась у меня на подкорке. Я хотела видеть ее во снах, под закрытыми веками. Я хотела возвращаться в этот момент в мечтах.

– Ты хотел показать мне... Светлячков? – немного отойдя от воды, спросила я.

– Не совсем... – честно признался Себастьян. – Идем.

Я задержалась на несколько мгновений, не в силах отвести взгляд от сотен маленьких огоньков.

– Не споткнись, пожалуйста, – послышался слегка насмешливый голос колдуна. Я нехотя отвернулась, всматриваясь в камни под ногами.

Мы дошли до небольшой проплешины в траве. Я пыталась рассмотреть в черное пятно, но получалось слабо. Я поежилась, обнимая себя руками.

– Что это?

– Выжженная трава, – произнес Себастьян.

– Так... – я слабо понимала, что он от меня хочет и почему это было настолько важно, что он решил пойти в лес посреди ночи в такой холод.

– Это не все, – терпеливо ответил он, идем. Его рука снова, будто бы произвольно, легла на мое плечо. Вопреки моим ожиданиям, его прикосновение не было холодным. Я тут же отошла на шаг. – Идешь? – он непонимающе посмотрел на меня, но, поняв причину моей реакции, одернул руку, потирая пальцы. – Случайно, – бросил он наотмашь.

– Ничего, – тихо ответила я, следуя за ним.

– Вот, – носком ботинка он указал на «домик», сооруженный из камней.

– Что это? – снова непонимающе спросила я.

Вместо ответа Себастьян присел на корточки и аккуратно отложил несколько камней в сторону, показывая спрятанную внутри шкатулку. Я опустилась на колени, чувствуя промерзшую землю сквозь ткань платья, и провела рукой по поверхности, но тут же одернула ее, чувствуя пульсирующую боль.

– Ай! – я прижала руку к себе, будто это могло как-то помочь.

– Защитное заклинание, – тихо сказал Себастьян. – Сейчас пройдет.

– Но что там? – боль действительно постепенно унималась, будто бы я просто случайно коснулась горячего чайника.

– Хотелось бы мне знать. Я не могу ее забрать, не могу открыть, не могу снять заклятье. Оно слишком сильное.

– Ты пытался? – спросила я. – Когда ты вообще успел тут

побывать?

– Мы с Шоном сразу изучили карту местности, расспросили некоторых студентов. Сходили сюда через пару дней после прибытия. Тут людей меньше.

– Однозначно, – хмыкнула я. – Зачем ты меня сюда привел? – я подняла на него взгляд.

– До меня дошли... слухи, что та студентка умерла не просто так.

– Что?

– Лекарь сказал, что у нее в гортани был след от ведьминой травы, а по телу проступили странные синяки.

– Ты думаешь, что...

– Это странно. С чего обычной студентке пробовать совершить на занятии заклинание, на которое у нее не хватит сил? Почему Мортиус не остановил ее, когда услышал, что она говорит? Почему не спросил, что она будет показывать?

– Это все... – я покачала головой, стараясь подобрать нужные слова.

– Я пытался сказать Мортиусу, что война доберется и до него, но...

– Но ведь это дело рук не охотников, – прервала я Себастьяна. – Ведьмина трава, синяки... Это больше похоже на ритуал...

– Именно.

– Но зачем? – нахмурилась я.

– Мортиус думает, что нам известен ответ на этот во-

прос, – он скривился, смотря куда-то в сторону.

– Он думает, что это вы сделали? – осторожно уточнила я. Себастьян посмотрел мне прямо в глаза. Он не сказал ни слова, но они и не были нужны. – Он не может просто...

– Нет, он не собирается нас выгонять... Но, согласишься, все действительно выглядит странно. Особенно, учитывая, что я пытался уговорить его начать подготовку к...

Слово «война» споткнулось о его губы и зависло в воздухе. Мы оба понимали, о чем он.

– Он обязательно разберется... – я сжала губы, будто старалась убедить сама себя.

– Я боюсь, что разбираться с этим придется мне, – он отвел взгляд.

– Кто-то из студентов... Убил ее? – я нахмурилась, стараюсь обработать всю информацию. – У меня было видение... Несколько дней назад. В нем была та девушка и еще двое, но... Они были в подвале в белых одеяниях, а на их телах кто-то будто бы вырезал надписи...

– Что? – переспросил Себастьян, делая шаг ко мне.

– Я рассказала об этом Мортиусу, но он... Как будто не придавал этому значение.

– Почему? – в его голосе звучало искреннее удивление, не было и тени насмешки, у меня с плеч будто бы груз свалился. Я выпрямилась.

– Я не знаю своего рода. Пророчество – крайне редкий дар и...

– И он сомневается, что он у тебя есть, – закончил за меня Ламарк.

– Можно... И так сказать.

– У тебя нос красный, – с каменным лицом заметил Себастьян. Я встрепелась, впервые замечая его внимательный, почти изучающий взгляд.

– Да... Тут достаточно прохладно, – я натянула рукава вязаного кардигана на пальцы.

– Почему раньше не сказала, что замерзла? – прежде, чем я успела что-то ответить, Себастьян снял с себя пальто и сделал было шаг навстречу, но остановился. Он будто сомневался, стоит ли отдавать его мне. – Можно?

– Что? – я нахмурилась, внимательно наблюдая за его действиями. Все тело напряглось, будто бы готовясь бежать, сердце забилося. Но было не страшно. Странно.

– Развернись, – его голос не предполагал отказа. Я машинально подчинилась. Он тяжело вздохнул. – Вытяни руки.

Я вытянула руки в стороны, но слышала тихий смешок. Он не был надменным или насмешливым. Аккуратным легким движением он отвел мои руки чуть назад, одевая на них рукава пальто.

– А ты? – спросила я.

– Нормально.

– Спасибо... – проговорила я, когда он поправил на моих плечах свое пальто. Я развернулась обратно и еле сдержалась, чтобы не сделать шаг назад: Себастьян был слишком

близко. Мы молча смотрели друг на друга, хотя я, признаться честно, мало что видела в полутьме. Я уговаривала сердце не биться так громко.

– Я хотел... Попросить тебя о помощи, – наконец произнес он.

– Какой? – я не представляла, чем я могу пригодиться.

– Твои видения участились, – неожиданно сказал он. Я отступила на шаг, запахивая пальто. Меня тут же окутал его запах: одновременно свежий и уютный. Запах свежих апельсинов и тлеющей свечи одновременно.

– Откуда ты знаешь?

– Чем ближе судьбоносное событие, чем сильнее с ним связан провидец, тем чаще и больше ему удастся заглянуть в будущее.

– Я знаю, но... Почему ты думаешь, что грядет что-то подобное?

– Охотники начали брать в плен колдунов. Как-то они захватили и меня, – Себастьян опустил голову. В блеклом лунном свете я отчетливо видела, как желваки заходили на его скулах. – Они пытались узнать, как можно преодолеть лес, ведущий к академии. Я думаю, что дело времени, пока им это удастся. Я пытался сказать это Мортиусу, но он не слушает. Считает, что лес – незыблемая защита.

– Думаешь, что это не так?

– Я в этом уверен. Наш семейный особняк был защищен мощным куполом, скрывавшим его от людей. Не помогло, –

отрывисто сказал Ламарк.

– А как ты... Вырвался из плена? Тебя спасли?

Себастьян усмехнулся и покачал головой. Его взгляд стал каким-то пустым, отсутствующим, словно он перенесся обратно в то время.

– За мной никто не пришел. Некому было.

Я не стала задавать вопросы дальше, тактично отвернулась, давая Ламарку возможность справиться с накотившимися эмоциями.

– Твои видения могут помочь, – тихо сказал он.

Я не могла оторвать от него взгляд. Впервые за время нашего знакомства он выглядел таким открытым, даже несмотря на то, что по прежнему скрывал, наверное, миллион вещей. Себастьян был определенно красив, может не для всех, потому что красота его была неживой, словно у статуи. Это было немного жутко, но притягательно. Мне не могло не льстить, что впервые за долгое время к моему дару относятся с полной серьезностью, я делала вид, что думала над его предложением, но на самом деле я уже знала ответ в тот момент, когда он задал вопрос.

– Я помогу. Надеюсь на это, – ответила я.

– Спасибо, – тихо произнес он.

Я кивнула и направилась обратно к озеру. Теперь, когда меня не мучил дикий холод, я могла насладиться открывшимся видом в полной мере.

– И, Эстер... – произнес он откуда-то из-за моей спины.

– Да?

– Постарайся в замке не говорить об этом нигде, кроме нашей гостиной, хорошо? – попросил он.

– Да... Конечно, – ответила я, разворачиваясь к Ламарку. – Почему?

– Потому что я думаю, что эта шкатулка принадлежит Мортиусу, – ледяным голосом ответил Себастьян.

8. Пульс

***

Словно замороженная я шла обратно, крепко стиснув рукава пальто. На удивление, я не нашла, что можно возразить на предположение Себастьяна. Я искренне не понимала, почему во мне все еще есть абсолютно иррациональное желание защищать Мортиуса перед другими. Мне хотелось верить, что он к этому не причастен, но за годы, проведенные под его крылом, я научилась кое-чему: надо жертвовать. Без жертв не будет магии, не будет сил.

Я вполне могла представить, как он хладнокровно сопоставлял все обстоятельства и принимал решение. Возможно, это было посреди ночи, в его комнате, когда мертвую тишину нарушал лишь треск свечи. А, может быть, он решил тогда, стоя у лекторской стойки перед огромной аудиторией.

Я тряхнула головой, отгоняя от себя подобные мысли.

– Не хочу думать, что это он, – честно призналась я вслух.

– Понимаю, – глухо ответил Ламарк, оборачиваясь ко мне. – Ты никогда прежде не видела у него такой шкатулки?

– Мы... Не были близки, – произнесла я. – Он вырастил меня, но... – я покачала головой, не желая обнажать все еще кровоточащую рану перед малознакомым человеком.

Себастьян ничего не ответил. И я была ему благодарна за это. Меньше всего мне хотелось объяснять свои чувства

кому-либо. Я и сама их не понимала.

Я втянула в себя морозный воздух, резанувший горло. Странно, но сейчас я чувствовала себя гораздо спокойнее, чем по пути к озеру. Возможно, меня томила неизвестность или терзал холод, но сейчас эта прогулка по лесу казалась даже приятной. Я украдкой посмотрела на Себастьяна. Его широкие плечи, обтянутые белой рубашкой, были своеобразным маяком, указывавшим мне путь. Без него я бы, бесспорно, заблудилась в этом лесу.

По пути до замка я рассказала Себастьяну о своем странном, будто бы прерванном видении. Нет, я не могу сказать, что все мои предыдущие были исчерпывающими, но они давали хоть какие-то зацепки. А то больше походило на сон, но я точно знала, что это не так. Ни в одном сне ты не можешь переживать смерть настолько ярко и четко.

– У тебя есть минутка зайти в гостиную? – задумчиво спросил он. – У меня есть пара мыслей и, возможно, идея.

– Да, – ответила я.

***

В гостиной я все еще сидела в пальто Себастьяна, украдкой забывая легкие его запахом. Это казалось таким странным, но в то же время нормальным. Ламарк зажег настоящий огонь в камине, а сам ходил вдоль полупустых полок.

Языки пламени отражались на окнах, стенах и, казалось, даже коже. Приятное тепло растекалось по телу, и я на миг подумала, что было бы просто прекрасно, если бы вместо

мертвых огней были настоящие.

– Нашел, – выдохнул он себе под нос, резко разворачиваясь ко мне.

Я поправила его пальто, глядя приятную ткань.

– Кашемир, – с усмешкой бросил он, опираясь о стол. Себастьян раскрыл книгу, жадно впиваясь взглядом в страницы. – Вот... Ты знаешь, на какой фазе сна тебе приходят видения?

– Не знаю... Но это точно не утром, – нахмурилась я. – Чаще всего я просыпаюсь где-то в час ночи, может в два... – в голове клубились воспоминания о ночных криках, парализующем ужасе и неконтролируемых слезах.

– Во сколько ты ложишься спать? – Себастьян зажал пальцем нужную страницу и захлопнул книгу.

– По-разному... Могу в шесть вечера уснуть, могу под утро.

– Тебе надо вспомнить, когда ты отходила ко сну в ночи, когда у тебя были видения. Это очень важно.

Я мотнула головой, прекрасно понимая, что это невозможно.

– Не получится. А что такое?

– Мне кажется, у тебя было прерванное видение.

– В этом я уверена, – я повела плечом, откидываясь на спинку кресла.

– Почему?

– Меня разбудила Элиз, Колин и Ник.

– Тогда ты можешь вернуться в видение, – с совершенно непроницаемым лицом сказал Себастьян.

– Что?

***

Для меня видения всегда были чем-то сродни рыбалки. Рыбалки, где у тебя завязаны глаза, руки, а еще ты сам то-нешь. Страшно, бесполезно.

Сейчас я сидела в комнате Себастьяна, разбуженный, слегка раздраженный Шон сидел на кровати, даже не думая о том, чтобы накинуть на себя рубашку. В синеватом свете молодой луны он выглядел бы как статуя, если бы не шрамы на его животе и спине. Я отвернулась, будто увидела что-то сокровенное.

– Было бы прекрасно, если бы ты соизволил объяснить-ся, – голос некроманта был хриплым после сна.

Я оглядела комнату. На правой стороне, где жил Шон, была почти стерильная чистота. В приоткрытом шкафу виднелось несколько рубашек, черных пиджаков. Если бы не шкаф и одинокая книга на прикроватной тумбочке, можно было бы подумать, что там и не живет никто вовсе. На стороне Ламарка дела обстояли иначе. Очевидно было, что он не приверженец идеального порядка: на старом деревянном столе лежали разные книги, на полу виднелись капли воска. На стуле висел коричневый пиджак, сверху которого были накинуты штаны с ремнем. В ворохе записей виднелась кружка с недопитой темноватой жидкостью.

– Да, – отстраненно бросил Себастьян, раз за разом перечитывая что-то в книге, которую он так и не дал мне посмотреть. С одной стороны, я его понимала, ведь я так и не приступила к прочтению дневников таинственной Л. Антвуд. С другой же, то, что там было написано, касалось меня напрямую. – Я хочу попробовать вернуть ее в прерванное видение, – ответил Себастьян.

Шон потер лицо руками, провел пальцами по взъерошенным волосам. Я заметила, что после сна он не выглядит таким уж зловещим. Наоборот, он казался совершенно живым: на правой его щеке остался след от складок подушки, светлые волосы вопреки стараниям Хайдса, так и остались в полнейшем беспорядке.

– Мэй была права, – пробормотал он, приподняв брови.

– Что ты сказал? – резко спросил Себастьян, захлопнув книгу. Буквально за секунду его маска абсолютного спокойствия треснула, открывая буйство эмоций. Мне даже показалось, что я видела, как на его шее вздулась вена. Ламарк с силой сжал корешок книги, сверля взглядом соседа по комнате.

– Сказал, что Мэй была права, – четко повторил Шон, не отводя глаза.

– Мы это обсудим, – бросил Ламарк, отворачиваясь. – Потом.

Я сжалась, обнимая себя за плечи. Я понятия не имела, кто такая Мэй, в чем она была права и почему Себастьян

завелся от одного ее упоминания. Несмотря на то, что казалось, что парни вот-вот сцепятся в драке, я почему-то была уверена, что этого не произойдет. Я просто смотрела на замершего Ламарка и расслабленного Шона. Это казалось таким странным. Мне казалось неправильным вмешиваться. Я не знала всей ситуации, да и не было у меня никакого права говорить хотя бы что-то.

Вместо этого я сделала то, что, в принципе, делала всегда: абстрагировалась. Уперев взгляд в одну точку, я погрузилась в свои мысли, попыталась обработать всю информацию. Себастьян дал мне книгу из закрытого отдела. У Мортиуса есть какой-то секрет, который знают эти двое, но не знаю я. Этот секрет потенциально касается меня. На берегу озера защищенная колдовская шкатулка. Себастьян попросил помочь ему. Это простые факты, но между ними определенно должна быть какая-то связь. А еще совершенно точно я что-то упускаю.

Я тяжело вздохнула, мотнув головой. Не совсем понятно, стоит ли доверяться Себастьяну, но я не видела ничего плохого, что могло бы произойти. К тому же, он хотя бы пытается мне помочь, относится ко мне по-человечески. Даже если это в его интересах. Я могу позволить использовать себя ровно до тех пор, пока это не наносит мне вред. Я осознавала, что в какой-то степени это неправильно, но иного я не видела.

Я вспомнила, как десять лет назад сидела на деревянном

стуле в кабинете Мортиуса. Он уже не ругал меня за то, что я сидела на коленях, и так покрытых синяками. Директор закатал рукава белоснежной рубашки, выпил содержимое граненого стакана и сел за стол, на котором уже давно стояла шахматная доска, на которой я раз за разом расставляла фигуры. Я терпеливо ждала, пока он доделает все свои дела, старалась не смотреть в его сторону.

Мортиус всегда ругал меня за поспешные ходы, требовал больше думать, рассчитывать все на несколько шагов вперед. Говорил, что иначе партию не выиграть. И он был прав. Я не выигрывала. Он был жестким учителем: не поддавался, не подсказывал во время игры, но разбирал ошибки после очередного моего поражения.

– Это называется цугцванг, – однажды нарушил он молчание, наблюдая за моим сосредоточенным лицом. – Любой ход приведет тебя к ухудшению ситуации. Твои пешки разменяны, ты не можешь походить ни конем, ни ладьей. Любой твой ход сейчас – поражение.

– Разве я совсем ничего не могу сделать? – прошептала тогда я. Бессилие.

Мортиус покачал головой, смотря куда-то вдаль.

Из мыслей меня выдернул голос Себастьяна. Я не слышала, что он сказал, лишь встрепенулась, оглядываясь по сторонам. Картины прошлого были слишком яркими, они утягивали на самую глубину. Самое опасное в воспоминаниях – они всегда хорошие. Что бы ни происходило, наш разум

разглаживает картину, исправляет шероховатости.

– Что? – переспросила я.

– Нашел, – Себастьян посмотрел прямо на меня.

– Там не нужна темная магия? – я прищурилась, хотя отлично понимала, что практически в любом случае соглашусь.

– Нужна, – коротко ответил Ламарк.

– Это не опасно?

– Опасно.

Я поджала губы и тяжело вздохнула.

– Хорошо. И что делать надо?

Себастьян не смог сдержать легкую улыбку. Он наклонил голову и посмотрел на меня.

– А зачем ты спрашивала?

– Если бы ты ответил, что все легко и безопасно, я бы ни за что не поверила, – прямо ответила я, вжимаясь в спинку стула. – И не доверилась.

Себастьян прищурился. По его взгляду совершенно не было понятно, как он воспринял мои слова, зато с Шоном все было ясно. Он засмеялся. От шока я даже развернулась, неотрывно смотря на то, как он тер лицо, даже не пытаюсь успокоиться. За время нашего общения я едва ли могла представить на его лице искреннюю улыбку, не то что такой громкой смех.

– Она невозможная, – выдавил из себя Шон, закончив заливаться смехом.

Какой он странный. Впервые я задумалась над тем, что, возможно, его ледяное спокойствие и безразличность – маска. Я все время воспринимала его как тень: вот его ледяные пальцы сжимают мое плечо, вот он гладит змею, вот молча, отстраненно, наблюдает за всеми.

– Это ты невозможный, – покачал головой Ламарк. – Спать собираешься? – сощурился он.

– Уже нет. Придется проследить за тем, чтобы ты не убил девочку раньше времени, – Шон потянулся, отчего шрамы на его животе стали еще виднее. Я должна отвернуться, но не могу отвести взгляд.

– Хорошо... – Себастьян оглядел комнату, будто ища что-то. – Поможешь мне, – это был вовсе не вопрос, просто утверждение, безоговорочный факт, а Хайдс и не возражал.

Сейчас они оба выглядели такими... нормальными. Зачем им напускать на себя столько ненужного лоска? Ведь сейчас, когда они отбрасывали всю эту напускную таинственность, общаться с ними было в разы приятнее.

– Ложись на кровать пока, – бросил Ламарк, перебирая что-то в тумбочке под письменным столом.

– А куда... – я коснулась его пальто, все еще висевшего у меня на плечах. По правде говоря, мне не хотелось с ним расставаться. Оно дарило какое-то небывалое ощущение уюта.

– Давай, – Себастьян легким движением забрал свое пальто, плечи сразу лизнул холод. – Ложись ко мне.

– Мне нужно просто... уснуть?

– Нет, это делается не так... «просто». Об остальном тебе просто не стоит беспокоиться, – он не смотрел на меня, от чего в груди зашевелилась тревога. Ламарк будто почувствовал мой взгляд и повернулся. Его губы тут же растянулись в полуулыбке. – Вызывать никого не надо, не бойся. Просто ложись спать, хорошо?

Я неуверенно села на край кровати. Шон успел надеть свитер, который смотрелся довольно специфично с явно домашними штанами. Себастьян зажег несколько свечей, поставил их на прикроватную тумбочку. Между пальцами он зажал несколько исписанных чернилами листков.

– Тебе придется заснуть, собираешься справиться с этим сидя? – приподнял бровь Шон. Его глаза не были просто серыми. Они были бесцветными и в то же время вбирали в себя все цвета. Они были одновременно всем и ничем. Пустым холстом, чистой страницей.

– Ты создаешь такую комфортную атмосферу, – покачал головой Себастьян. – Не пугай леди.

Я скинула с ног туфли и забралась на большую застеленную кровать. Неловко легла ближе к краю, подминая под себя подушку, пропахшую Себастьяном. Почему я опять замечаю?

– Можете дать еще подушек? – произнесла я.

– Да, – матрас чуть прогнулся, когда Шон начал вставать. Я слышала, как ступают его босые ноги по каменному полу и не могла себе представить, как он может ходить без обуви. –

Лови.

Я не успела опомниться или прикрыть лицо руками, как Хайдс бросил первую подушку. Ее словил Себастьян, молниеносно метнув на соседа осуждающий взгляд. Тот, не обращая на это никакого внимания, кинул вторую. Себастьян положил подушки рядом со мной.

– Спасибо, – я подтянула их ближе.

Ламарк ничего не ответил, вытащил одеяло, покачав головой, и укрыл меня.

– Тебе нужно расслабиться и уснуть как можно быстрее. Прими удобную позу, закрой глаза и не думай ни о чем, хорошо? – Себастьян понизил голос, его еле слышные слова доносились до меня будто сквозь толщу воды. По коже побежали мурашки.

– Хорошо, – также шепотом ответила я, не открывая глаз.

– Мне нужно чтобы ты дала мне руку, я должен мерить пульс.

Я перевернулась на живот, утащила одну и подушек под одеяло, закинула на нее ногу и обняла другую, вытягивая руку в сторону Себастьяна. Его пальцы были почти невесомыми. Аккуратные касания почти не ощущались.

– Я помогу тебе уснуть.

Я кивнула, не желая больше что-то говорить. Его пальцы поглаживали запястье, вырисовывая какие-то непонятные узоры или... руны? Мыслей постепенно становилось все меньше, я чувствовала, что мое тело пригвоздило к кроватке.

ти, а сверху навалился груз весом в тонну, не меньше. Я чувствовала, как комната медленно вращается, а я становлюсь невесомой, бесконечной.

9. Нить Ариадны

Впервые я с самых первых секунд осознавала, что нахожусь во сне.

Я стояла перед теми же полками, покрытыми той же пылью, но... Я приблизилась, разглядывая смазанные отпечатки руки. Призрачный след моих прикосновений. Это видение не началось заново, не продолжилось, оно наложилось на мое прошлое. Я жадно разглядывала корешки книг. Сейчас мой взгляд стал будто бы ясным, чистым. На полках стояли старые рукописные тома восемнадцатого века, по крайней мере такая дата была на одной из обложек. Я аккуратно раскрыла книгу, трепетно переворачивая страницы. С одной стороны я понимала, что я нахожусь лишь в копии нашего мира, но меня с ранних лет приучили уважать книги. В голове мелькнула мысль...

Я замерла, сжимая пальцы. Еще раз посмотрев на обложку, я вырвала сотую страницу. Я осторожно поставила книгу обратно, а страницу сложила несколько раз и, встав на носочки, спрятала в щель в полке. Опустив взгляд, я с удивлением заметила, что туфель на мне не было.

Вспоминая сюжет прошлого сна, я направилась к коридору между стеллажами. Как бы я ни пыталась подавить растущий страх, ничего не получалось. Сердце бешено билось о ребра, а пульсирующая в висках кровь заглушала даже звук

моих собственных шагов. Я выглянула, но не увидела ничего в крошечной тьме. Казалось, что коридор тонет в черноте, становится холоднее. Я отчетливо видела полки, уставленные книгами, бесконечно тянущиеся в пустоту.

Я выскользнула в коридор и двинулась к центру зала, прямо в темноту. Будто шаг в пропасть без страховки или парашюта.

– Это лишь сон, – пробормотала я, стараясь себя успокоить. Это не особо помогало, но хотя бы разрушало давящую, невыносимую тишину.

Я двигалась от стеллажа к стеллажу, будто шероховатая дубовая поверхность книжного шкафа меня могла спасти или успокоить. Оглянувшись назад, я с удивлением поняла, что дальний угол библиотеки освещен лучше, я же дышала прямо в лицо пустоте, темноте. В голове даже мелькнула мысль, что стоило бы развернуться и идти на свет, но любопытство победило страх.

И я шагнула в темноту.

Я не видела их, но слышала и чувствовала. От страха я зажмурилась, сжалась, будто если я стану меньше, они меня не тронут. Сотни крыс побежали по полу. Их крепкие хвосты били по лодыжкам. Я не смогла сдержать крик, дерущий горло. Их настолько много, что не было видно пола. Они наступали друг на друга, царапали и без того нездоровую кожу. Некоторые были раненые, облезшие, больные. Другие, наоборот, выглядели чрезмерно откормленными. Их писк тер-

зал уши, не прекращался.

Я чувствовала, как маленькие коготки царапали мою кожу. От омерзения и страха у меня сводило пальцы. Я заставила себя открыть глаза и взглянуть на то, что собрало столько грызунов.

– Сон, сон, сон, – беззвучно повторяла себе я. Это стало спасительной мантрой, раз за разом слетающей с языка, бьющейся в черепной коробке.

Десятки мертвых или полумертвых крыс, сплетенных хвостами, лежали прямо посреди ковра. Некоторые из них были обглоданы сородичами.

Тошнота подкатывала к горлу.

– Сон... Всего лишь сон...

Крысиный король Крысиный король – редкий феномен, когда несколько крыс или мышей, живущих в одной норе, запутываются, срастаются или слипаются хвостами и не могут разделить. был будто окружен небольшими холщовыми мешочками с кожаными шнурками. Преодолев отвращение, я потянулась к одному из них.

Резкая боль в ноге. И еще. Будто две маленькие иглы неумело загнали прямо под кожу.

Я ногой пнула наглого крысеныша и отшатнулась, подходя все ближе к слипшимся между собой тельцам крыс. Крысы, раньше бежавшие от меня как от огня, сейчас постепенно возвращались и, похоже, они были не особо рады тому, что я прервала их трапезу. Я отбросила ногой подползшего

слишком близко грызуна и метнулась к мешочку. Важно было узнать как можно больше, пока мое время здесь не истекло. Хотя, признаться, я бы была вовсе не против проснуться прямо сейчас.

С диким писком на меня побежало целое полчище крыс. Дрожащими пальцами я раскрыла мешочек, высыпая на ладонь содержимое.

Несколько зубов, вероятно, кошачьих, засушенный чертополох и камень... Я перевернула его пальцем, но все выпало из рук, когда одновременно три крысы остервенело бросились на мою голень.

– Черт!

Не удержав равновесие, я упала на колени. Несколько других жирных созданий тут же начали карабкаться по моим рукам, бедрам. Я попыталась подняться, но болезненные укусы неровных зубов доставляли слишком много боли.

Она была притупленной, потому что, все же, это был сон. Я хрипло втянула в себя воздух и сжала ладони в кулаки. Ногами и локтями я отбрасывала грызунов, отползая подальше, пока рукой не наткнулась на разодранный мышинный труп. Я подавила рвотный позыв, продолжая молиться, чтобы проснуться.

– Помогите! – прокричала я, будто кто-то мог меня услышать. Я надеялась, что Себастьян вытащит меня. Надеялась, что он поможет.

Крысы настойно пытались пробиться к моему лицу, а у

меня уже не получалось встать. Я спрятала мокрое от слез лицо в дрожащих руках, стараясь закрыться от всего этого ужаса. Когда я начала плакать? Укус в ухо. Мерзко. Я сжала зубы и зажмурилась, считая секунды. Крысы жадно срывали кожу с моих костяшек, воинственно пищали. Я чувствовала, как крохотные коготки царапали спину: эти твари взобрались на меня, будто на поверженную добычу.

– Помогите! – заревела я, не помня себя от отчаяния. Воздуха катастрофически не хватало.

Я отбросила локтем ближайших грызунов и попыталась встать, но ослабевшая рука не могла поднять меня и еще десяток крыс, уместившихся на моем теле. Я захныкала, изо всех сил стараясь не съезжать на пол. А что, если я так умру? Что, если меня и вправду загрызут чертовы крысы?

Как бы странно это ни было, но эти мысли дали мне силы бороться дальше. Я подняла извивающуюся крысу и бросила ее в подступающих грызунов. На ее место пришли другие, но я не опускала руки. В один момент у меня даже получилось привстать, но почти сразу я упала обратно в мышиное месиво.

Глаза щипало от слез, а кожу от укусов. Дышать становилось все сложнее, но это не было то обычное чувство перед пробуждением. Я не могла дышать, потому что меня придавливали к земле, потому что от боли выбивало весь дух. Ломало. Я истошно закричала, судорожно дергая ногами, усыпанными зловеще мерцающими ранами.

– Себастьян! – завопила я, а первая крыса, намного крупнее остальных, укусила меня прямо за губу.

Меня стошнило. Похоже, запах рвоты, привлек еще больше этих мерзких падальщиков. Трясущимися руками я слабо отбивалась от все наступающих грызунов. Тщетно.

Я не чувствовала ничего, но знала, что они грызли мое лицо с особым остервенением. Я будто смотрела на это сверху, со стороны. Видела свое бледное тело, усыпанное ранами-язвами. Видела бесконечное море крыс.

Отчаяние.

Я закричала снова.

Этот крик опустошал, очищал, освобождал. Разрывал грудную клетку, горло. Этот крик был беззвучным, он был предсмертной агонией.

***

Крик. Почувствовав легкое прикосновение чего-то к коже, я тут же начала пинаться. Душащая истерика, темнота. Я опять ничего не видела. Дрожащими руками я ощупывала свое тело, липкое, холодное.

Липкое?

Обжигающие слезы струились по щекам, я задыхалась, отползая дальше. Куда? Неважно. Мыслей не было. Только безумное желание убежать. Меня будто лихорадило: кожа горела, а кости казались такими ледяными, тяжелыми, но в то же время невероятно хрупкими.

До меня доносились голоса, я помотала головой и обняла

себя за трясущиеся плечи. Пальцы судорожно сжимали кожу. Поджав колени к груди, я словно закрылась в импровизированном коконе, закрыла себя от враждебного мира. Дыхание постепенно выравнивалось, но слезы все еще лились. Они медленно, словно бы нехотя, катились по щекам, затекая в ноздри и рот.

Чья-то рука еле ощутимо коснулась моего плеча. Я замерла. Меня обняли, крепко прижали к груди. Чужие пальцы перебирали мои волосы, гладили по голове. Я пыталась понять, кто это может быть.

– Тише... – донесся до меня будто бы даже ласковый голос. Давно я не слышала подобный тон от кого-то помимо Элизабет.

Я расслабилась. Это казалось таким странным и естественным одновременно. Я уткнулась лицом в плечо и вдыхала запах собственных слез. Ничего больше я чувствовать не могла. Слова застревали в горле, сжимающемся от рыданий.

– Эстер, – ласково произнес мужской голос. Я уверена, если бы у меня был отец, он разговаривал бы со мной именно так.

– Я... – выговорить ничего так и не смогла. Тело снова дрожало.

– Все хорошо, ты не спишь, – произнес он. – Я с тобой.

– Себастьян, я...

– Это не Себастьян, – голос стал жестким. Я почувствова-

ла, как похолодела кровь в моих жилах. Она будто застыла, парализуя все тело.

– Ш-Шон?

– Открывай глаза, спящая красавица.

Я в ужасе отодвинулась, распахивая глаза. Передо мной был темноволосый мужчина, весь в крови. Лицо его было изуродовано шрамом, чудом не задевшим суровые карие глаза. На нем была кожаная куртка, покрытая чем-то липким. Я сползла на пол и завертела головой. Вокруг меня было пепелище, казалось, что уцелела лишь кровать с балдахином. Белоснежные простыни были будто бы насмешкой, плевком в лицо.

– Нравится? – издевательски произнес мужчина, спускаясь на землю.

– Убей меня! – закричала я, глотая слезы. – Сейчас!

Мужчина молча встал, обошел кровать и осмотрел меня недовольно, но снисходительно, будто нашкодившего ребенка.

– Обязательно, но пока рано, красавица, – он улыбнулся.

Он потянул меня за волосы и направился к уцелевшему остатку стены. От дикой боли разрывалась голова. Я попыталась встать на ноги, но ничего не получалось. Пальцами хваталась за его руку, пыталась разжать мертвую хватку. В ответ на это мужчин лишь сильнее тряхнул меня, а потом пнул ботинком прямо в бок. Я охнула, пытаюсь вдохнуть. В глазах темнело.

– Смотреть! – грубо приказал он, бросая меня на пол. Я закашлялась, когда поднявшийся пепел поднялся, забивая горло. – Я что тебе сказал? – он схватил меня за волосы и поднял голову.

Передо мной была тлеющая гора тел, иронично, так похожая на того самого крысиного короля: сплетение тел, ставших практически единым целым. У меня не осталось сил кричать. Не осталось сил плакать, смотреть или думать. Кашель разрывал легкие.

Я отключилась.

10. Пробуждение

Я очнулась, скованная лихорадочным ужасом, животным страхом. Стоило мне почувствовать осторожные прикосновения, я закричала. Хотелось выскаблить до блеска кости, выстирать кожу, выйти из этого тела, убежать куда угодно, лишь бы не чувствовать ничего, не оставаться наедине с собой в этой тьме. Я считала секунды, ждала пока вернется зрение. Мучительно долго.

– Эстер, – услышала я голос Себастьяна. Это точно был он: немного хриплый, вкрадчивый. Сейчас я узнавала его, но был ли он настоящим? Не может ли это быть очередной ловушкой?

– Не трогай ее, – жесткий, холодный. Шон. Точно, это он. – Я сказал же... – дальше он говорил тише, слышались странные звуки, будто кто-то кого-то оттаскивает. – Она ничего не видит, – бросил он. – Посмотри на ее глаза.

Я отползла назад, пока не уперлась лопатками в деревянную спинку кровати. Нащупав руками подушку, я прижала ее к груди, будто это могло меня как-то защитить. Под веками вспыхивали яркими цветами пятна. Они то увеличивались, то затухали. Постепенно темнота отступала, я снова видела.

Себастьян сидел на самом краю кровати, обыкновенно невозмутимый Шон стоял рядом, держа напряженную руку

на плече у товарища. Окно было открыто нараспашку, я чувствовала запах приближающейся грозы. Не тот легкий летний аромат дождя, мокрой зелени, а ледяное предчувствие настоящей бури.

– Я все видел, – тут же произнес Ламарк. В его взгляде было что-то безумное, сверкающее. Растрепанные волосы придавали ему поистине сумасшедший вид. – Я был там с тобой, – тише добавил он, не сводя с меня глаз.

Я молчала. Не верила. Не воспринимала.

Он видел, как меня заживо загрызло полчище крыс? Он видел, как меня за волосы тащили по пепелищу, чтобы посмотреть на тлеющую гору трупов?

– Как? – сорвалось с моих губ.

– Я использовал свою кровь для ритуала, она, видимо, связала нас вместе, – Себастьян встал, игнорируя молчаливый протест Шона, и направился к письменному столу. – Я не спал, просто видел.

Для меня это – вмешательство в личное пространство. Я чувствовала себя обнаженной, в какой-то степени даже униженной, будто кто-то подсматривал за мной в душе.

– Не делай так больше, – произнесла я.

– Я не хотел, – мотнул головой он. Ламарк мерил комнату широкими беспокойными шагами. – Это больше не сон. Я могу?.. – он аккуратно протянул руку ко мне, будто к одичавшей собаке, что вот-вот может убежать или укусить. Я со вздохом пятерней зачесала волосы назад и прикрыла глаза.

– Можно воды? – говорить будто бы сложно, но горло не болело, а в легких было достаточно воздуха. Просто слова давались с трудом, каждое будто вытягивало из меня жизненные силы.

– Принесу, – Шон холодно осмотрел комнату, напоследок сжал плечо Ламарка и направился к выходу.

Хайдс за время моего сна будто бы вернул себе все самообладание. Надел свою защитную броню, чтобы никто не смог пробиться.

Какими они оба были раньше? Почему-то об этом думать хотелось больше, чем о недавнем видении. Может, Себастьян раньше носился из своего родового поместья вниз по холму, догоняя собаку. Какую собаку? Может, у него была большая пушистая или, наоборот, высокая, худая, гладкошерстная? Может, и не собака вовсе? Я мотнула головой. Глупые мысли.

– Ты как? – Себастьян был не из тех, кто не может выносить тишину, равно как и задавать вопрос ради вопроса. Он наконец сел обратно на кровать. Серебристый свет луны скользнул по его волосам, погладил бледную шею.

– Почему спрашиваешь? – сощурилась я. Я ожидала, что он спросит, что я думаю про видения, какой тайный смысл несет в себе крысиный король, кто тот мужчина. По правде говоря, ничего из этого я не знала, но ответить было бы проще.

– Невежливо отвечать вопросом на вопрос, – в его глазах

мелькнуло что-то незнакомое. Его нахмуренные брови говорили вовсе не о раздражении или злости.

– Не знаю, – честно ответила я. – Первое время, когда просыпаешься, тебе страшно. Кажется, что ты все еще умираешь, задыхаешься. Потом становится все легче, особенно когда зрение возвращается.

– Твои глаза были такими мутными, – он сжал губы.

– После того случая в подвале я стала... слепнуть на время после видений, они участились, – произнесла я. – Раньше это было... Максимум пару раз в год.

– Если хочешь, я могу тебя обнять, – с каменным лицом произнес Себастьян.

Я на миг замерла, а потом не смогла сдержать истеричный смех. Стерев проступившие слезы, я отдышалась, запрокинув голову.

– Ты всегда был таким бесчувственным? – поинтересовалась я.

Ламарк неотрывно смотрел на меня, будто пытаясь проникнуть в мои мысли. Я героически выдержала его пронзительный взгляд. Сейчас этот вопрос казался мне бестактным, но, признаться, это меня мало заботило. Пару дней назад я ни за что в жизни не дерзнула бы спрашивать такое у Себастьяна. Они с Шоном производили довольно смешанное впечатление: их угрожающий вид, отстраненность, давали почву для бурной фантазии и, естественно, слухов.

– Почему ты спрашиваешь?

– Невежливо отвечать вопросом на вопрос, – уголок моих губ непроизвольно дернулся вверх. Неужели я хотела улыбнуться?

Себастьян усмехнулся, отводя взгляд. Ламарк был не тут. Его глаза были пустыми, но в то же время переполненными, но чем? Он вспоминал что-то. Думал. Отключился от этого мира. Он выпрямил спину, разомкнул сплетенные в замок пальцы и поднял подбородок. В этот момент дверь открылась, Шон нес граненный кувшин, наполненный водой, в которой плавали непонятные мне травы.

– Что там? – насторожилась я.

– Валериана и ромашка, – бросил Шон. – Не беспокойся, если бы я хотел тебя отравить, непременно сделал бы это по-другому.

– Например? – сощурилась я.

– Через ведьмин мешок, – ответил Хайдс, ставя кувшин на тумбочку.

Мы с Себастьяном переглянулись. Шон тем временем демонстративно налил воду в стакан и выпил.

– В моем сне был ведьмин мешок, – я подняла глаза на Шона. – Там был чертополох, какие-то камни и зубы.

– Чертополох? – переспросил некромант.

– Да, – я все же взяла в руки стакан, искоса поглядывая на Хайдса.

– Это очень... Сильное растение. Оно может одновременно как навредить, так и исцелить. Чертополох используют

охотники для защиты от ведьм. Он как яд и лекарство одновременно. Может вы расскажете, что вообще было в вашем сне? – приподнял он бровь, садясь на стул.

Я вкратце пересказала видение, отгоняя от себя красочные образы. Оба парня неотрывно смотрели на меня, от чего я изредка запинаясь, спотыкаясь о слова. Я неловко сжала край подушки, заканчивая рассказ.

– Ведьмины мешочки были вокруг крысиного короля, – задумчиво произнес Шон. – Они не защищали его, раз к нему так беспрепятственно прошли другие крысы.

– А что, если это была защита не от крыс? Что, если тот, кто заложил круг, не думал, что защищаться надо от них? – произнес Себастьян, смотря на Хайдса.

– Плохо, – проговорил Шон, смотря на руки.

– Или эти мешочки сделали из крыс крысиного короля, – продолжил размышлять Ламарк.

– Надо будет поискать что-то в библиотеке, – Шон зевнул.

Я всегда находила несколько вариантов толкования своего видения, но в итоге все могло осуществиться самым невероятным образом. Неделю назад я видела трех мертвых ведьм в подвале, их тела были будто исписаны кровью... Либо на их телах были вырезаны буквы. Но что, если эти буквы – символ ритуала? Что, если девушка с семинара по темной магии стала жертвой темного обряда?

– Эстер, – позвал меня Себастьян.

Я встрепенулась и подняла голову.

– Давай я провожу тебя до комнаты, уже поздно, твоя соседка, должно быть очень обеспокоена, – предложил Ламарк, поднимаясь. – Уже поздно.

– Да... – рассеянно ответила я, поднимаясь на ноги.

Кости ломило, стоять было непривычно сложно, но я держалась вполне неплохо. Нужно было умыться.

Ламарк открыл передо мной дверь комнаты, пропуская меня в темный коридор. Я поежилась, останавливаясь на пороге. Иррациональный страх захватил разум, мешая двигаться вперед. Меж лопаток легла ладонь, слегка подталкивающая вперед.

– Все хорошо, – еле слышно произнес Себастьян. Возможно, мне это даже показалось.

Я сделала шаг вперед, изо всех сил стараясь не обращать внимания на сходящее с ума сердце. Все естество будто предупреждало меня об опасности, но мозг твердил, что все в порядке. Беспочвенная тревога.

Тонкий луч теплого света, исходивший из комнаты, исчез – Себастьян захлопнул дверь.

– Твои видения всегда такие болезненные? – спросил Ламарк, переместив ладонь мне на плечо. Я сжала губы, искренне стараясь это игнорировать.

– Почти всегда, – отрешенно ответила. – Чтобы проснуться, нужно умереть.

– Не думаю, что к такому можно привыкнуть, – его голос был совершенно спокойным, успокаивающим.

– Нельзя.

Я была благодарна за то, что он не говорил о второй части видения. Не упоминал гору трупов, пепелище и единственную уцелевшую кровать.

– Могу задать вопрос? – я сжалась от того, насколько жалко звучала эта просьба.

– Не уверен, но ты можешь попытаться.

Я обернулась, чтобы рассмотреть его лицо, но в темноте мало что удалось разглядеть. Могла ли я прямо спросить, что с ними произошло? Имела ли я хоть какое-то право лезть в душу малознакомому человеку?

– Пожалуй, дождусь момента, когда ответом будет безоговорочное «да», – я натянута улыбнулась.

– Мудрое решение, – тихо засмеялся Себастьян. – Теперь мне очень хочется сказать тебе «да».

– Поверь, пока не стоит, – пробормотала я.

Его тихий смех успокаивал. Он казался таким настоящим. Сейчас Ламарк был другим, совершенно не таким как днем при других людях. Мы шагали по коридору, а его рука все еще была на моем плече. Может, он просто забыл ее убрать?

Я не заметила, как мы дошли до моей двери.

– Спасибо, что проводил, – я переминалась с ноги на ногу.

– Я должен благодарить тебя за то, что ты согласилась пойти со мной.

– Тогда... Спокойной ночи? – почему я волнуюсь?

– Эстер...

– Да?

– Не забудь закрыть окно перед сном.

– Почему ты это просишь?

– Так безопаснее. И горло по утрам болеть не будет, уже холодает.

Я не могла сдержать глупую улыбку.

– Спокойной ночи, – он слегка погладил меня по плечу, не решаясь обнять. Я вспомнила, как засмеялась в ответ на его просьбу и стало отчего-то стыдно. Захотелось вернуться в тот момент и разрешить ему.

– Спокойной ночи... – я хотела уже открыть дверь. Зачем только я это повторила?

– И... Эстер, – он уже отошел на шаг, но обернулся. – Ты задавала вопрос... И, нет, я не всегда был таким бесчувственным.

Он развернулся и зашагал в темноту. Вот так просто. Растворился в ночи, даже не дожидаясь моего ответа. Я прислонилась спиной к двери и прикрыла глаза. Несмотря на произошедшее мне отчего-то было так радостно и легко. Что же со мной происходит?

11. К истокам

Элиз улыбалась словно кот, стащивший свежую рыбу с кухонного стола. Она неотрывно смотрела на меня, когда я наконец вернулась в комнату. Моя соседка стояла у косметического столика, бессмысленно переставляя различные склянки.

– Что такое? – спросила я, зачем-то пряча улыбку.

– Я слышала ваш разговор, – не сдерживаясь, она развернулась ко мне, осматривая с ног до головы.

– Он просил помочь... – я скинула с ног туфли и без сил упала на кровать. Несмотря на то, что я недавно спала, усталость делала кости тяжелыми.

– Вы уже целовались? – лукаво спросила она, присаживаясь рядом.

– Что? – я резко села на кровати, смотря на подругу.

– Да ладно, можешь сказать, – она придвинулась ближе, я почувствовала ее дыхание на своей щеке.

– Мы... – я запуталась в словах и мыслях. – Я помогаю ему с... – я нахмурилась, пытаюсь понять, с чем же конкретно я ему помогаю. – У меня в последнее время участились видения, и Себастьян думает, что это связано с тем, что скоро произойдет что-то... значительное. И мы пытаемся понять, что именно и как.

– А провожать тебя до дверей тоже помогает узнать об

этом? – приподняла брови Элиз.

– Это вежливость, этикет, – я прикрыла глаза.

– Да-да... – протянула она, падая на кровать рядом со мной. – Очень вежливый молодой человек. Знаешь, что о нем говорили в группе Колина?

– Какие-то сплетни? – с сомнением спросила я. – У хранителей и анимагов языки без костей.

– Ладно... Я лично ни разу не видела, чтобы он пропускал дам вперед или открывал им дверь. Всегда держался отстраненно и холодно. Он даже Мортиусу смел перечить! – с легким возмущением заявила Элиз. – Поверь, милая, я знаю, как ведут себя заинтересованные парни, – она положила руку на мое плечо. – А насчет вашего этого дела... Интересненько. Я бы может даже поучаствовала, – задумчиво произнесла она. – Спроси у своего... Себастьяна, можно ли нам с Колином и Ником присоединиться к вашему тайному обществу, – она вытянулась и зевнула. – Я посплю сегодня с тобой? Похоже гроза будет, – она щебетала, не останавливаясь. Специально не дала мне ответить, чтобы не оставить выбора. Я тихо засмеялась.

– Конечно. Ты ничего, кстати, не знаешь про завтрашние занятия?

– Нет... На завтраке объявят, я думаю. Но я слышала, что у той девушки, Синтии, нашли ведьмин мешочек...

– Что? – я резко села, серьезно смотря на подругу.

– Я не уверена, – тут же ответила она. – Так говорили у

хранителей... Сама знаешь, там все на два делить надо...

– А что говорят?

– Фрея помогала в медицинском крыле и слышала, как лекарь разговаривал с Мортиусом и сказал, что у той ведьмы горло воспалено от какой-то травы... Еще Колин рассказал, что соседка той студентки узнала, что где-то в постельном белье нашли ведьмин мешочек...

– Значит...

– Хватит! – прервала меня она. – Не хочу об этом больше! Расскажи мне про своего Себастьяна лучше... Пожалуйста.

Я вздохнула. Элиз страшно. Я это понимала, потому что сама боялась до ужаса. Боялась того, как быстро разрушилась привычная жизнь. Я всегда хотела, чтобы мои видения сбывались. Всегда хотела, чтобы меня воспринимали всерьез. Что же, нет ничего хуже, чем получить то, что желаешь.

Я не сказала вслух, что, скорее всего, убийца ходит с нами по одному корпусу, есть за теми же столами в столовой, читает книги в тех же библиотеках и отдыхает в том же дворике.

Я со вздохом взяла с прикроватной тумбочки дневник и устроилась поудобнее. Мне нравились такие ночи: робкий дождь стучит в закрытое окно, на письменном столе горит свеча, а рядом посапывает, притворяясь спящей, моя соседка. Я усмехнулась, глядя на ее подрагивающие веки.

Я раскрыла книгу, проводя рукой по слегка пожелтевшей странице. На внутренней стороне обложки было выведено:

Люция Антвуд.

***

Дневник при жизни – громоотвод, мечтающий статьobeliskом.

С моей стороны будет самонадеянным и чрезмерно смелым надеяться, что слова, написанные моей рукой, через время найдут отклик в сердцах. Я пишу эти мемуары, чтобы облегчить душу.

Родовое проклятие, которым меня наделила матушка, вновь терзало меня всю ночь. Бабушка говорит, что этим делом стоит гордиться, но я никогда не понимала, как можно полюбить недуг.

После каждого видения меня одолевает слепота, будто плата за возможность заглянуть за кулисы времени. Я безмерно боюсь потерять зрение навсегда. Матушка говорила, что такое случается нечасто.

Я всматривалась в витиеватый почерк, не веря своим собственным глазам. Почему Мортиус никогда не отдавал мне этот дневник? И, самое главное, почему его мне дали Себастьян с Шоном?

Я читала взхлеб страницу за страницей, на которых описывались какие-то обыденные происшествя. Со временем таинственная Л. Антвуд делала записи все реже, все отрывистее. Калейдоскоп событий из жизни: оценилась собака; женитьба с кавалером, которого не особо одобряла ее матушка; умер садовник.

Умерла бабуля. Я не удивлена, не расстроена, не опечалена. Я знала, что это произойдет. Рано или поздно все, кого я люблю, умрут. Я запечатлею этот момент воочию или во сне. Еще восемь лет назад я видела, как вянет лилия. Я проснулась в слезах, не зная, отчего же плачу. Слезы ли это горя, потому что я осознала, что моей горячо любимой бабуле предстоит отойти на тот свет? Едва ли. Я была счастлива от того, что она доживет до почтенных лет и умрет, как это называют люди, своей смертью, ведь в последнее время меня терзают кошмары. Судьба кажется такой туманной, что смерть теперь и вовсе кажется благословением, особенно такая тихая и смиренная.

Я все чаще вижу юную девушку, которую никогда не встречала прежде. Ее лицо будто скрыто от меня, никак не удастся вспомнить, как она выглядит.

Важна не она, а то, что происходит вокруг. Смерть. Жуткая, бесславная. Впервые мои видения были настолько четкими, прямолинейными, будто судьба кричала, вопила о том, что будет. Не было уже привычных для меня уловок и знаков. Грядет нечто ужасающее.

Меня страшит беспомощность. Все, о чем я могу молиться – чтобы Бог уберег малыша, что растет под моим сердцем, от этого кошмара.

Я с замиранием сердца вглядывалась в буквы, расплывающиеся перед глазами. Она тоже это видела. Она тоже знает о грядущей войне. Я еще раз оглядела обложку и титульный

лист, но нигде не нашла даты. Слог повествования казался слегка старомодным, я встречала такое в дневниках и письмах пятидесяти-столетней давности. Видим ли мы в таком случае одно и то же?

Может, Люция писала о большой человеческой войне?

Теперь я хотя бы понимала, почему этот дневник все-таки попал ко мне в руки.

Я не могу более выносить этих кошмарных снов, никогда не было мне так тяжело. Ясновидение отнимает последние силы, я просыпаюсь с криком и бужу свою малышку. Она так прекрасна, но я так измождена, что неизменно чувствую раздражение, слыша ее плач. За это жутко стыдно. Мать ведь не должна испытывать такое.

Я замерла, одолеваемая противными мыслями. Что, если мои родители решили избавиться от меня, потому что я была несносным младенцем? Тряхнув головой, я продолжила читать.

Чувствую себя прескверно. Уже несколько дней с последнего видения меня лихорадит, матушка послала за врачом. Пахнет смертью. От меня ли?

Я нахмурилась и осторожно заглянула дальше, пролистывая страницы. Они махали белоснежными крыльями, дразня меня. Внутри что-то оборвалось. Я мало что узнала о Люции, но успела ощутить некую связь, надежду на то, что я не одинока в своем безумии. Невероятно сложно выносить это все в одиночку, понимая, что никогда не найдется человека, в

полной мере способного понять меня. Себастьян, видевший мои сегодняшние видения, был вне себя первые минуты после пробуждения, но он не ощущал этого всего на себе. Он не отбивался от крыс, его не тащили за волосы по пепелищу. Последнее время я ощущала себя тонущей. Я захлебывалась в боли, неоткуда ждать помощи.

Люция будто бы дотянулась до меня сквозь время, ее слова ощущались как заботливые поглаживания по голове: так меня успокаивала Элиз после страшных видений. Сморгнув неожиданные слезы, я сжала губы и перевернула страницу, смотря на последнюю запись.

Не выношу.

Дальше – пустота. Я снова принялась листать страницы, но тщетно. Ничего.

Я захлопнула дневник. Сказки мертвеца на ночь, как прелестно.

Я тоже больше не выносила. Отчего-то стало дико одиноко, будто я потеряла друга, которого даже не обрела. Я не хотела признаваться даже себе, но смела мечтать о том, что найду Люцию, обязательно поговорю с ней, расскажу о своих видениях, попрошу совета. В ответ она обязательно крепко-крепко обнимет меня, погладит по волосам и скажет, что знает, как мне помочь. И поможет.

Я облизнула соленые губы. Совсем детские и наивные мечты. Как так можно было? Накормила себя ложными надеждами и подавилась. Молодец.

Отодвинувшись от уже и вправду заснувшей соседки, я уткнулась в подушку, заглушив всхлип. Зажмурилась, пытаюсь успокоиться. Плакать на ночь нельзя: с утра голова раскалывается будет. Но порой надо отпустить себя, позволить себе чувствовать и думать больше, чем обычно. Нельзя копить в себе грусть, обиду и злость: эти эмоции разъедают изнутри, оставляя вместо человека пустую и невероятно хрупкую оболочку, полную ядовитых мыслей.

У слез на ночь есть всего один плюс: потом можно заснуть совершенно без сил и мыслей.

Я терпеть не могла жалеть себя, но ничего не могла поделать от вязкой обиды. Холодными пальцами я потерла лицо, убрала налипшие на кожу волосы. Отдышавшись, я натянула одеяло по самую макушку и свернулась в клубок, плотно прижимая колени к груди. Так проще. Слезы все еще лились, но мне удалось вытеснить из головы все. Я наслаждалась абсолютной, всепоглощающей пустотой. До меня доносился приглушенный звук дождя и грозы. Эти звуки умиротворяли. Расслабляли. Помогали забыться.

***

– Эстер! – кто-то нетерпеливо тряс меня за предплечье.

Я сморщилась и застонала, натягивая одеяло повыше.

– Эстер, вставай! – настойчиво повторил голос. – Мож-но...

– Нет! – послышался голос Элиз в ответ. – Не смей, я тебе лапы...

Я резко раскрыла глаза.

– Что происходит? – хриплый с утра голос был совсем не похож на мой. Я выглянула из-под одеяло, рассматривая нависшее надо мной конопатое лицо Ника. Его рыжие волосы светились в свете догорающей свечи. – Ты что тут делаешь?

– Как невежливо! – фыркнул он.

– Я пыталась его остановить! – выкрикнула Элиз. Она стояла у приоткрытой двери, за которой явно кто-то находился.

– Там Колин? – устало спросила я. – Если да, пусть заходит.

Я привыкла, что эти двое находились в нашей комнате чаще, чем где-либо еще. Поначалу они были невероятно вежливы, но спустя пару лет все границы приличия стерлись напроць. Ник уже уселся на мою кровать, прямо рядом с моими ногами.

– Что происходит? – повторила вопрос я, когда наконец зашел Херт.

– У нас... Небольшая проблема, – проговорил Колин, смотря на меня.

– Небольшая? – приподнял брови Ник.

12. Ладья

Не могу сказать, что я лелеяла надежды о спокойствии. Наоборот, после урагана недавних событий я должна была понимать, что к обычной жизни вернуться так сразу не получится. Появление Шона и Себастьяна, призыв парки, скрытая гостиная, дневник Антвуд, смерть Синтии, форсированные видения. Я чувствовала себя выжатой. Нужна была передышка, глоток свежего воздуха.

Сейчас я сидела на кровати, спрятав дрожащие пальцы под одеяло. Элиз внимательно заплетала мои волосы, напевая что-то себе под нос. Ник валялся у изголовья моей кровати, рассматривая склянки с успокаивающими травами. Колин повесил свой пиджак на стул и смотрел куда-то в пол. Обстановка была не самая радостная. Даже обычно беззаботный Ник подозрительно умолк. От его молчания стало еще более паршиво.

– Может, вы уже скажете, в чем дело?

– Понимаешь... – начал было Колин, но умолк, снова смотря куда-то вниз. Его обыкновенное холодное спокойствие испарилось.

– Лучше говори прямо, – холодно сказала я.

– С утра пораньше нас разбудил какой-то гоблин, чуть дверь не вынес, клянусь, – затараторил Ник, оставляя в покое склянки.

– Гоблин? – переспросила я.

– Ну... – он закатил глаза. – Студент размером с шкаф в библиотеке... Так... Он, значит, вваливается к нам в комнату, весь злой как озерный дух...

– Озерные духи ведь вовсе не злые, – с сомнением проговорила Элиз.

– Ник у них персона нон грата, – проговорил Колин.

– Ты обещал не рассказывать! – воскликнул Ренар, хватая мою подушку. Заметив мой взгляд, он, впрочем, быстро отказался от идеи бросить ее в своего соседа. Поправив взъерошенные рыжие волосы, он уселся обратно, подминая под себя часть одеяла. – В общем, он как начал кричать, спрашивал, где живет Эстер. Он тебя, правда, Астер сначала назвал, но не суть.

– Зачем? – нахмурилась я.

– Ему кто-то наплел, что ты видела смерть этой... – Ник замялся, хмурясь.

– Синтии, – устало дополнил его Херт.

– Да, точно... Мы ему наврали с три короба и понеслись сразу к тебе.

– Кто-то сказал ему, что у меня было видение про смерть Синтии, а я ее не предупредила? – уточнила я, пытаюсь разобраться в сумбурном рассказе Ника.

– Да, – подтвердил Колин, прежде чем Ник успел открыть.

– Вообще-то... Это частично правда, я видела, как она умирает, но не знала, что это была она... Да и обстоятель-

ства были другие... – задумчиво произнесла я, чувствуя, что Элиз уже заканчивает доплетать вторую косу. Я откровенно не чувствовала вины. И понимала, что сделала все возможное: предупредил Мортиуса. Его же выбором было не при- дать этому абсолютно никакого значения. – Но кто об этом мог сказать?

– Об этом же знали только мы? – спросила моя соседка, погладив меня по голове.

– Да... – я запнулась, вспомнив про Себастьяна и Шона. Но они-то точно бы рассказывать не стали. Наверное.

– Никто из нас сказать не мог, – спокойно рассуждал Херт. – У Ника язык длинный, но...

– Да не говорил я никому ничего, – бросил Ник, вспыхи- вая.

– Верю, – кивнул Колин.

– Вы думаете, что мне стоит бояться, – заключила я.

Повисло молчание.

– Я думаю, что он сейчас вне себя от горя, – произнес Ко- лин.

Его дипломатичность порой невероятно раздражала. Сей- час его попытки говорить общими фразами лишь больше пу- гали. А я терпеть не могла чувство страха: с ним нельзя ни- как бороться. Херт поцеловал Элиз в макушку, Ник отвел взгляд. Я нахмурилась, наблюдая за его лицом. Ник никогда не было профессионалом в сокрытии своих чувств, сейчас он явно был чем-то недоволен или расстроен.

Я решила задвинуть эти размышления подальше, сейчас точно не время. Я кожей ощущала как накалялась обстановка, будто природа шумела перед грозой. Изю всех сил хотелось сохранить крупницы прежней жизни: завтраки за нашим столом, вечерние песни Элиз, дни в библиотеке. Но все рушилось карточным домиком, казалось каким-то натянутым, фальшивым. Слова друзей были пропитаны тревогой, над всем замком будто нависло стремительно разрастающееся грозное облако, готовое вот-вот обрушиться на нас тяжелой ливень и поразить грозой.

– Он ведь мне ничего не сделает... – полувопрос, сорвавшийся с моих губ, звучал слишком равнодушно.

– Не позволим, – твердо ответил Колин. В его как всегда спокойном тоне ясно слышалась решимость. От этого стало как будто даже безопасно.

Я закивала и поднялась с кровати.

– С вашего позволения, господа, я бы оделась, – я улыбнулась, обращаясь нарочито вежливо.

– Как скажет леди, – Херт в шутку поклонился, погладил Элиз по плечу и направился к коридору. – Ник?

Элиз проводила его полным обожания взглядом. Я задумалась: каково это, вот так смотреть на кого-то? И что чувствуют люди, на которых вот так смотрят? Хотелось бы мне однажды узнать. Хотелось быть под защитой кого-то настолько надежного, в ком я бы не сомневалась ни секунды. Я тут же отвернулась, отмахиваясь от навязчивых неприятных

мыслей.

– Я могу отвернуться, – ехидно проговорил Ник, обнимая мою подушку.

– Вот же... – засмеялась Элиз. – Иди, пока хвост не общипали!

Ник тут же возмущенно поднял свои рыжие брови. Недовольно пробурчав что-то себе под нос, он спрыгнул с кровати и пружинистой походкой направился к выходу.

Я со вздохом открыла шкаф, в котором было несколько платьев, два из которых были щедро подарены моей соседкой. Я вытащила синий сарафан и с сомнением поглядела на подругу.

– Ты ни разу его не надевала, – произнесла она.

– Вырез... – проговорила я.

– Эстер! – строго сказала она, забирая у меня вешалку и закрывая шкаф. – Когда ты еще его наденешь? Быть красивой надо всегда. Он хорошо оттеняет твои глаза... – задумчиво произнесла она.

– Хорошо... – пожалала плечами я.

– Хорошо? Ты мне что-то не договариваешь, – она сняла сарафан с вешалки и отдала его мне. – Что-то про ваши... Расследования видений, – с хитрой улыбкой сказала соседка.

– Элиз! – возмущенно воскликнула я, чувствуя, как краснеют щеки. У меня жар?

***

Непривычно. Когда я зашла в столовую, некоторые сту-

денты скользили по мне недовольными взглядами. Я привыкла быть невидимкой: незримо скользить в потоке людей, никак их не касаясь. Я была сторонним наблюдателем, которого зачем-то втянули в самый эпицентр событий.

Элиз крепко сжала мою вспотевшую ладонь и уверенно зашагала вперед, высоко подняв чуть курносый носик. Я постаралась выпрямить спину, но это будто бы было физически трудно. Рядом были все мои друзья, но я все равно чувствовала себя незащищенной.

За нашим столиком расположился парень. Он не сводил с меня сверлящий взгляд, но я старательно игнорировала его, идя к своему месту. Его взъерошенные волосы, нервно трясущаяся нога говорили о совсем не стабильном состоянии.

– Ты, – громко сказал он, поднимаясь.

Колин тут же вытянул руку, останавливая Элиз. Одним движением он загреб ее себе за спину, огораживая от агрессивного молодого колдуна. Я сжалась, делая шаг назад.

– Ты... – повторил он, делая шаг вперед.

– Отойди, – леденящим душу голосом приказал Колин. В его спокойствии таилась угроза.

– Не твое дело, – верхняя губа парня дернулась. – Что бы ты делала, если бы она... – он ткнул в меня пальцем, – не сказала бы твоей дорогой девушке о том, что ее ждет смерть? А?

– Она бы так не поступила, – после секунды колебания ответил Херт.

Парень засмеялся. Я нервно оглянулась – на нас смотрели все собравшиеся на завтрак студенты.

– Она уже так поступила. С моей девушкой.

– Нет, – мой голос был каким-то хриплым, сдавленным. Я прочистила горло. – Я не знала, что в моем видении именно твоя девушка...

– Ты могла узнать ее лицо! – он снова сделал шаг вперед, оказался опасно близко.

– Не могла, – качнула головой я. – Я рассказала Мортиусу о своем видении, я...

– Не могла узнать лицо, говоришь? – усмехнулся он. – И кто-то в это верит?

– Прекрати, – произнес Колин.

– Что? Прекратить? – он снова разразился жутким смехом. – Прекратить... Знаешь... Астер...

– Эстер, – машинально поправила его я.

Повисло молчание.

– Мне плевать, какое имя ты себе придумала, ты безродная сука... – его ноздри раздувались.

Я приоткрыла рот, но тут же закрыла его. В сердце щемило от обиды, глаза пекло. Дышать стало так трудно, горло будто наждачной бумагой резануло.

– Ты не слышал? – Колин встал прямо между мной и разъяренным парнем. – Не заставляй меня...

– Что? Что мне сделает хранитель? Человеческая магия... Аж тошно...

– А что тебе делает темный маг?

Я обернулась на знакомый голос. Когда я увидела его лицо, тело будто бы обмякло. Мне захотелось разрыдаться. Слезы катились по щекам, потом по подбородку, капали на синее платье. Я отвернулась.

– Какое... – начал было парень.

– Ты не слышал? – прервал его Себастьян. – Кажется, тут тебе не рады.

Парень сжал челюсти. Сквозь пелену слез я видела, как он сжал кулаки. Бросив последний взгляд на Ламарка, он направился в сторону соседнего стола.

– Ты кое-что забыл, – бросил Шон, скрестив руки на груди.

– Что? – скривился парень.

– Извиниться перед дамой, – приподнял бровь Себастьян.

– Ты...

Ламарк усмехнулся, ожидая продолжение. Парня разрывало от эмоций, слова спотыкались и ломались в его горле, наружу выходили лишь невнятные звуки.

– Что? Это сложнее, чем нападать на беззащитную девушку? – Колин улыбнулся.

– Извини, – выплюнул парень, резко развернулся на пятках и пошел к выходу.

Это извинение было противнее всех оскорблений. Меня будто помоями облили. Я пыталась дышать, но легкие горели. Элиз погладила меня по волосам, притягивая к себе. Я

уткнулась в ее плечо, украдкой вытирая мокрые щеки.

– Отвести тебя в туалет? – прошептала она куда-то в мою макушку.

Я закивала.

Я всегда думала, что когда мои видения начнут исполняться, меня примут. Я ведь буду полезной, одаренной. Но стало лишь хуже.

– Эстер, – раздался властный равнодушный голос.

Я оторвалась от плеча подруги и огляделась, ища глазами директора. Он невозмутимо стоял рядом: на нем новый костюм-тройка, волосы уложены назад, лицо не выражает ни одну эмоцию.

– Ко мне в кабинет.

13. Шпион

Мыслей не было. Я вновь и вновь прокручивала в голове слова абсолютно незнакомого мне парня. Он ведь даже не знал моего имени, но посмел оскорбить меня, задеть за живое. Неужели мои слабости настолько очевидны?

Тошнит. Уже давно тошнит от самой себя, хочется содрать кожу, вскрыть черепную коробку и вымыться с мылом, вычистить скопившуюся внутри грязь. Но что, если я только из нее и состою?

– Прошу, – голос Мортиуса резанул ухо, я выпрямилась, повела плечами и прошла в рабочий кабинет. Стен не было видно: казалось, что комната окружена высокими темными книжными шкафами. У витражного окна, еле пропускавшего свет, стоял длинный стол. Я без разрешения опустилась в кожаное кресло, Мортиус недовольно поджал губы, скользнув по мне обыкновенно невидящим взглядом.

– Что случилось? – усталость отключила смущение и инстинкт самосохранения. – Зачем Вы меня позвали?

Я не эти вопросы хотела задать. Я хотела спросить, почему он не защитил собственную студентку? Почему он не прервал этого наглого парня? Почему он так жесток со мной?

– Вы заметно изменились за последнюю неделю... Эстер.

Я нахмурилась. Он нередко уклончиво отвечал на любые вопросы, но... неужели он действительно замечает меня?

– Возможно.

Мортиус молча опустил­ся в стул напротив. Директор неотрывно смотрел на меня. будто ожидая, что я не выдержу повисшей тишины.

– Вы нарушили ряд правил. Вы покинули территорию академии в ночное время без сопровождения или разрешения. Вы посещали мужское крыло в ночное время без сопровождения или разрешения, – он механически перечислял положения Устава, сверля меня взглядом. – Вы проникли в закрытую часть библиотеки и забрали книгу.

Я замерла, сжимая подлокотники.

– Я не...

– Не лгать, – резко оборвал меня он. Я подскочила в кресле, вновь ощущая себя нашкодившим ребенком.

– Я правда... – паника душила. Я знала, какое наказание полагается за такое преступление.

Мортиус махнул рукой, приказывая мне замолчать.

– Послушайте! – в отчаянии крикнула я. – Вы никогда меня не слушаете! – на глаза снова навернулись слезы. – Вы никогда... – горло сжималось. – Никогда меня-я не слушаете...

Я втягивала в себя воздух, пока перед глазами не заплясали насмешливые фиолетовые пятна. Мортиус молчал. Я зажмурилась и ждала, что он меня отчитает.

– Я Вас слушаю.

Я приоткрыла глаза и постаралась успокоиться, но от слез

начала икать. Мортиус просто смотрел на то, как я пытаюсь привести себя в чувства.

– Я не брала книгу из библиотеки, – четко произнесла я и выдохнула.

– Ложь, – он открыл ящик и положил на стол дневник Антвуд. Я сжалась. – Откуда тогда у вас это?

Я стиснула челюсти и помотала головой. Сердце бешено колотилось в груди. От слез кожу на лице стянуло, я повела губами вправо, чувствуя неприятную «маску».

– Зачем Вы скрывали от меня этот дневник? – я подняла глаза. – У этой женщины были такие же видения... Я не ошибалась. И вообще, откуда он у Вас? Неужели Вы были в моей комнате?

– Вы не в том положении, чтобы задавать вопросы. Вы нарушили ряд фундаментальных правил, – Мортиус поднялся и сделал несколько шагов к окну. Он сложил руки в замок за спиной и замолчал.

На эти правила закрывали глаза много лет: не раз Колин пробирался к нам в комнату посреди ночи, а летом мы с Ником часто выбирались в лес или к озеру.

– Вы делали это одна? – неожиданно спросил Мортиус.

– Что?

– Я не припомню в Вас склонность с такому... Деструктивному поведению. Больше похоже, что на Вас дурно повлияли.

Я раздумывала, что же сказать. Если рассказать про Се-

бастьяна, он его точно выгонит. А сейчас жизнь вне академии равноценна смерти.

Но что, если Мортиус прав? За последние дни произошло невероятно много слишком уж ярких событий, разорвавших все привычные мне шаблоны. Я делала то, что сама от себя никак не ожидала. Может, действительно, Себастьян с Шоном губительно влияют на меня? Я ведь не могу знать, каковы их мотивы. Я не привыкла к безвозмездной помощи, прекрасно понимаю, что они ищут выгоду, но какую? Какая им выгода от дружбы со мной? Мне нечего предложить, кроме своего безумия. Его хватит на троих.

– Одна, – произнесла я.

– Вы уверены?

– Вполне.

– Себастьян Ламарк... Не тот, с кем стоит водить дружбу, – бросил Мортиус.

Я закусила губу. Он точно знает, что я вру. Непременно догадывается или испытывает меня. Может, он сам лично видел, как мы покидали академию ночью. Поздно. Поздно думать о чем-то и сожалеть. Сказанного не вернуть.

– Как сильно на него не дави, за какие замки не сажай, ничто в этом мире не способно сломить волю чудовища, – задумчиво произнес он, смотря куда-то вдаль.

– Что?..

– Вы наказаны, Эстер, – холодно произнес он.

– Почему Вы сказали, что...

«Чудовище». Это слово застряло в горле, я закашлялась.

– Он вовсе не тот, кем хочет казаться, – после долгой паузы все же сказал Мортиус. – Вопрос лишь в том, готовы ли мы принять монстра у себя под крылом. Я решил, что это всяко лучше, чем вечно ожидать удара.

– Зачем вы все это говорите, – насторожилась я.

– Он думает, что Вы доверяете ему.

Живот снова скрутило.

– Почему это важно?

– Ему нужно что-то от Вас.

– Как и всем, – не скрывая тягучей тоски, ответила я. – Вам ведь тоже.

– Верно.

– И что же? – горько спросила я, чувствуя, как безвольно оседает тело. Я устала быть использованной.

– Себастьян может доставить немало проблем... Было бы славно, если бы Вы проявили благодарность за все годы, что росли в академии, и помогли мне предотвратить катастрофу.

Я молчала, задумавшись над его словами. Я – простое вложение, сейчас Мортиус хочет убедиться, выгодно ли. А не быть полезной ему означает только одно...

– Я хочу Вам помочь, – медленно произнесла я.

– Надеюсь, что так. Я не прошу с Вас много: достаточно рассказывать мне то, что он говорит Вам.

– А мои видения? – бессильно спросила я, сдерживая горечь в горле. Вот так. Бесполезная, бессильная ведьма, год-

ная лишь на то, чтобы быть доносчицей, вот какая я в его глазах.

– Пожалуй... Они ведь нечасто посещают Вас, так?

Я не удержала истерический смешок и мотнула головой.

– Да... Так.

– Чего я не знаю? – Мортиус, все время доселе выглядевший крайне равнодушно, будто бы напрягся, наклоняясь вперед в кресле.

Секундное колебание. Ощущение падения в пропасть. Почему мне было так сложно держать язык за зубами?

– Я... Видела кое-что...

Мортиус посмотрел мне прямо в глаза и впервые за долгие девятнадцать лет я уловила в его взгляде страх.

***

Я рассказала все, но не стала упоминать, как вышло так, что у меня было два видения сразу. С каждым словом лицо директора становилось все мрачнее. Он поднялся и принялся ходить по комнате, погруженный в свои мысли. Когда я закончила, он еще несколько минут стоял у окна, созерцая тухнущую зелень простирающихся в ущелье холмов.

– Все... – выдохнула я, стараясь привлечь его внимание.

– Какие у Вас мысли? – от его дыхания запотевало стекло.

Он не спешил поворачивать ко мне.

– Не знаю...

– Как бы Вы расшифровали Ваши видения?

– Крысы... Похожи на предателей. Будто среди нас есть

лазутчик... Но это невозможно, так? Ни один человек или охотник не смог бы преодолеть барьер.

– Крысы в Вашем сне ели себе подобных, – напомнил Мортиус, разворачиваясь ко мне лицом. Он облокотился о подоконник и скрестил руки на груди. Я невольно засмотрелась на слабые отблески лениво просыпающегося солнца у него в волосах.

– Вы думаете, что... – я осеклась, не веря в то, что слышу. – Разве...

– Ведьмины мешочки были наполнены чертополохом, вы знаете зачем применяют эту траву?

– Нет...

– Вам стоило бы посещать больше уроков с Хранителями. Чертополох – оберег от нечисти. Ими набивали мешочки охотники, чтобы их не трогали духи. Кошачьи зубы... Это уже интереснее. Знаете, что означают выпадающие зубы?

– Смерть, – моментально ответила я.

– Верно. А что был за камень? Вы сумели разглядеть?

– Нет... – я сжала губы. – Мне было... Не до этого.

Несмотря на все, я чувствовала как приятное тепло расползается по телу. Я расслабилась, ощущая приятное покалывание в висках. Невероятно приятно ощущать собственную важность. Мортиус признал, что у меня есть дар, признал, что я чего-то стою. Я не могла согнать с губ непрощенную улыбку.

– Понимаю... – отвлеченно произнес он.

– А что... Что конкретно мне нужно делать? – уточнила я.

– Рассказал ли Вам Себастьян что-нибудь странное?

Я помедлила, прокручивая у себя в голове события последних дней. Странного было предостаточно: отдельная гостиная, вызов парки, форсированные видения, шкатулка на берегу... Шкатулка!

Себастьян говорил, что Мортиус подозревает его в измене. А сам Ламарк считает, что это дело рук директора. Странная ситуация вышла. Вот только Мортиус, несмотря на свою просьбу, вовсе не спешил посвящать меня в какие-либо детали.

Пока сама не разберусь, на чьей я стороне, никому ничего говорить не буду.

– Пока нет, – качнула головой я.

– Надеюсь, что так. В ваших же интересах помочь мне, если Вы не хотите, чтобы третье видение сбылось, – железным голосом проговорил Мортиус.

Он точно понял, что я что-то скрываю.

– Вы думаете, это не метафора?

– Вы считаете эту... метафору – предвестником чего-то хорошего? – поднял брови он. Я мотнула головой, сжимая подлокотник. – Вот и мне так не кажется. Тогда постарайтесь найти подход к Себастьяну и Шону... С последним, полагаю, это будет трудней, а большим запасом времени мы не располагаем. Можете быть свободной.

– До свидания, – я слегка склонила голову и поспешила

на выход.

В коридоре я остановилась, переводя дух. Я облокотилась о мраморную холодную стену и зажмурилась, пытаюсь осознать все произошедшее.

Моя прежде простая жизнь превратилась в сущий хаос, я запуталась и понятия не имела, можно ли доверять даже самой себе. Отвратительно. Тошнит.

14. Паллиатив

Я не могла перестать думать о словах Мортиуса, пока шла обратно в столовую. Он назвал Себастьяна чудовищем, монстром. Почему?

Почему он рассчитывает на мое доверие, когда не говорит мне ровно ничего? Себастьян уже не раз помогал мне, передавал ценные книги. Что делал Мортиус? Что он делал на протяжении девятнадцати лет, что я провела в стенах этого замка? Он заставлял меня чувствовать себя жалкой, ненужной, слабой.

Но он вырастил меня, не выбросил на улицу, не отказался. Первые годы я помню, как он возился со мной между лекциями для старших. Помню, как он даже пару раз играл со мной на опушке у озера. Игры, правда, были специфичными: уже позже я поняла, что так он пытался понять мой дар.

С другой стороны, я совершенно не знала Себастьяна или Шона. Они появились будто бы из ниоткуда, их прошлое было окутано плотной дымовой завесой: порой мне удавалось выхватить какие-то невнятные куски, но увидеть полную картину казалось попросту невозможным. Наше знакомство казалось до ужаса странным.

В голове всплыли слова, что я произнесла без сознания: «Жнец возрадуется урожаю. Преклоните колени перед венцом страха». Можно ли предполагать, что жнец – это смерть?

Возможна ли такая легкая и очевидная трактовка? Отчего-то мне так не казалось.

Я толкнула двери столовой и прошла внутрь. Несколько студентов, еще не расправившихся с завтраком, повернули на меня головы, по залу прошла волна шепотков. Втянув в себя воздух, я зашагала к своим друзьям. Элиз тут же отложила вилку и поднялась с места. Я мотнула головой, показывая, что все в порядке. Не хватало еще, чтобы меня считали раздавленной и слабой.

Я опустилась на деревянный стул и потерла лицо руками.

– Красивое платье, – нарушил тишину Колин.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Я взяла тебе поесть... Не знала, успеешь ли ты... вернуться, – Элиз заботливо поставила прямо передо мной тарелку моей любимой рисовой каши.

– Спасибо, – повторила я.

– Что он хотел от тебя? – нетерпеливо спросил Ник, не сводя с меня взгляд горящих изумрудных глаз.

– Спрашивал про видения, – уклончиво ответила я.

– И все? – нахмурился Колин.

– Да, – я дернула плечом, чувствуя неприятную тошноту. Не люблю врать друзьям.

Элиз одними губами сказала своему парню несколько слов и слегка хлопнула его по плечу, тот тут же примирительно приподнял руки, мотая головой. Ник, также следивший за парочкой, сжал губы, а затем поймал мой взгляд. Ре-

нар тут же по-лисьи усмехнулся и закатил глаза.

– Известно что-то по семинарам? – я прочистила горло, перемешивая кашу в тарелке.

– Сказали, что сегодня пройдет общая лекция по безопасности, там же все объявят, – рассеянно ответил Колин. Ему было тяжело, возможно, даже тяжелее, чем нам всем. Он всегда по необъяснимой для меня причине чувствовал некоторую ответственность за нас, поэтому изо всех сил старался держать лицо.

– Мы отойдем немного, – бросил Элиз, беря за руку Колина. Тот помахал нам на прощание и направился вслед за своей девушкой. Ник вздохнул и схватился за поднос, чтобы тоже уйти.

– Стоять, – приказала я, сама испугавшись своего властного тона.

Ник сперва замер, потом залился смехом, садясь обратно.

– Это на тебя так новые друзья влияют? – спросил он.

– Что происходит? – сощурилась я.

– Нашла что спросить, подруга, – фыркнул он. – Без понятия.

– Я не про... – я вздохнула. – Почему ты так странно смотришь на... Элиз и Колина. Я заметила.

Я заметила, как на секунду он перестал дышать, во все глаза смотря на меня. Я придвинулась ближе к столу, отодвигая миску с измученной мною кашей.

– Ты... – он приоткрыл рот и поднял указательный палец.

– Я тебя никуда не отпущу без ответа, – пригрозила я.

– Тебе определенно стоит поменьше общаться с этими...

– Ник! – прервала его я.

Я не стала говорить, что в моей голове мелькали самые темные мысли и я молилась о том, чтобы он рассеял мои подозрения. Чем больше я думала о своих видениях, тем сильнее укреплялось ощущение, что они наталкивают меня на мысль о предателе, которому доверяли больше всего. Мне было стыдно за такие подозрения, но ничего поделать не могла.

– Пожалуйста, – произнесла я.

– Я... – он вздохнул и обмяк в кресле, будто сжавшись в комок.

Я внимательно смотрела, как он начал мять край салфетки и отрывать от нее маленькие кусочки, тонкими пальцами вылепливая крохотные шарики. Ник сжал губы и смотрел куда угодно, но не на меня.

– Ник... Все в порядке...

Он усмехнулся и чуть качнул головой. Внутри у меня все похолодело.

– Что происходит? – я старалась говорить как можно мягче и ласковее.

– Я не могу... – он сбросил все шарики на пол и потер лицо. Взъерошив рукой волосы, он тяжело вздохнул, подаваясь вперед. – Ты... Видела что-то?

Я сжала край стула, непонимающе смотря на друга.

– Что я должна была видеть? – мои слова заглушал бешеный стук сердца.

– Я не могу сказать... Я... – он сжал губы и зажмурился.

– Ник...

– Эстер, ты... Не поймешь. Прости.

Ник резко поднялся, грубо схватил со стола залитую чаем книгу и направился к выходу. Я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Сложно было смириться с мыслью о том, что все рассыпалось на кусочки. Я понятия не имела, что делать, как поступить, а проблем становилось все больше и больше. Я зачесала волосы назад и зажмурилась, чувствуя подступающие слезы бессилия. Я не могла вынести всего. Я слишком слаба.

Годами я ждала возможности показать свои способности, но все вышло вовсе не так, как я ожидала. Сжавшись от холода, я скрестила руки на груди, бездумно смотря на грязный стол.

***

Шумная аудитория, длинные дубовые столы, словно ребра. Я шла по низким ступенькам, оглядываясь по сторонам. Изредка за меня цеплялись колючие взгляды, но я смотрела вперед. В кабинете не было ни моих друзей, ни Шона с Себастьяном. Я села на самую дальнюю парту, частично занятую малознакомыми мне студентами.

В кабинет проскользнули Элиз с Колином, сразу за ними – Мортиус. Я выпрямила спину.

– Сидите, – бросил он, направляясь к лекторской стойке. – Представляется, что вы все прекрасно осведомлены о недавнем... Инциденте.

Среди студентов послышались недовольные шепотки.

– Я понимаю, что вам может быть страшно. Не буду говорить, что для этого нет оснований. Сейчас Академия – самое безопасное место для ведьм, но я допускаю, что некоторым из вас захочется покинуть наши стены. На это вам будет дано пять дней, – железным голосом произнес он. Ведьмы начали ошеломленно перешептываться. – Это не все.

Мортиус оглядывал студентов, будто выискивая кого-то глазами. Он ждал, пока все умолкнут.

– Спустя пять дней в полную силу вступят ограничения, – он достал из папок лист бумаги, в самом низу которого виднелась красная печать. – А сейчас я расскажу вам, как избежать трагических случайностей.

– И дожить хотя бы до зимы, – пробормотал сидящий рядом со мной колдун. Я поморщилась.

– Во-первых, в академии начинает действовать новая система санкций. В частности, я снял мораторий на заключение в подвальные темницы. С данного момента в силу вступают новые правила: запрещается покидать комнаты после восьми часов вечера, в одиночестве находить в тренировочных или библиотечных комнатах, практиковать любую магию без преподавателя и хранить у себя в комнате любые травы или магические предметы. Сегодня вечером они будут

изъяты и перемещены в специальную комнату. Для исключительных случаев следует получать разрешение на пользование, которое буду выдавать я лично. Также настоящий приказ не предоставляет закрытого перечня нарушений и наказаний.

Все молчали. Замерли, словно изваяния.

– Это несправедливо! – проговорила девушка на первом ряду. – Как мы можем знать, что не нарушаем что-то?

– Действовать следует, основываясь на разумности. Любые решения будут приниматься коллегиально исходя из принципа справедливости, – холодно ответил Мортиус. – В течение пяти дней все студенты или преподаватели, которые захотят покинуть Академию, должны занести мне подписанное заявление. После этого на всю территорию включая лес, будет установлен еще один купол, пересечь который не смогут и маги. Ни в одну из сторон, – добавил Мортиус. – Оставаясь здесь, вы принимаете новые законы. Мой приоритет – обеспечение всеобщей безопасности, а не комфорта.

С невозмутимым выражением лица, не обращая и малейшего внимания на бурные реакции студентов, Мортиус собрал книги и еще раз оглядел аудиторию.

– В течение пяти дней не будет семинаров. Вы свободны, – бросил он и быстрым шагом направился к двери.

Вот и все. Так и рухнули последние крупинки моей привычной жизни.

15. Золотая клетка

На протяжении последнего часа я сидела на кровати, смотря как Элиз мечется по комнате. Она то начинала складывать вещи, то вываливала все на пол и в отчаянии ругалась под нос. Никогда прежде я не видела ее такой.

Мне было проще: выбора не было. Не приходилось взвешивать в голове варианты, просчитывать последствия. Мне было некуда бежать.

– Я могу поехать к тетушке... Она переехала из Марселя в Алжир. У нее должно найтись место в имении...

Я знала, что ее родители погибли, когда ей было всего лет пять, воспитывала ее долгое время бабушка, пока не отправила в академию. Спустя два года после этого она погибла. Я молчала, потому что понятия не имела, что сказать. Да и советы мои были не к месту. Кому понадобится в такой ситуации слушать человека, который всю жизнь провел в одном месте и не знает ничего иного?

Элиз села на пол, потирая лицо. Ее покрасневшие глаза казались безжизненными. Она запрокинула голову, явно сдерживая подступившие слезы.

– Эстер... – проговорила она. – Почему все рухнет? Так... – она не смогла договорить, голос споткнулся о дрожащие губы.

Я сползла с кровати на холодный каменный пол и подполз-

ла к подруге. Она тряслась, но, сжав челюсти, старалась не всхлипывать.

– Не держи в себе, – прошептала я. – Плачь, если хочешь.

– Я не хочу плакать, – обиженно заговора она. – Понимаешь, я не хочу хотеть плакать, я... – она завyla, утыкаясь в рукав. Я обреченно обняла ее и принялась гладить по спутавшимся волосам. – Колин уедет... Он непременно уедет к родителям.

– Ты не сможешь уехать с ним? – спросила я, понимая, что я не хочу снова оставаться одной. Но мне пришлось засунуть подальше свои эгоистичные желания.

– Нет, они живут в Испании... Это почти эпицентр всего.

Я не могла ничего сделать, только успокаивать задыхающуюся от слез подругу. Она была похожа на маленького ребенка, которого так хотелось защитить от всех бед. Я бы многое отдала, чтобы не видеть ее слез, ее отчаянный взгляд и трясущиеся руки. Комната вокруг нас казалась чужой, опустевшей. Ранний сумрак трусливо клубился в углах, боясь подступить к нам.

– Ты не хочешь... остаться? – робко спросила я, не зная, на что надеяться. Элиз зарыдала еще больше.

– Прости, прости... – ее слова были еле различимы за всхлипами, я не была вполне уверена, что она говорила именно это.

– Ничего... – выдохнула я.

– У тебя же совсем нет выбора, – мне на руки капали го-

рячие слезы. Ее, не мои. Я вздохнула и уткнулась в дрожащее плечо подруги.

– Ничего.

– Ты всегда так говоришь... Давай уедем со мной? – она развернулась ко мне, распахивая покрасневшие глаза. Ее зеленые глаза выглядели будто два начищенных изумруда. – Уедем к моей тетушке, у нее прекрасная усадьба, а еще есть домашний каракал! Я не хочу одна...

Я опешила, отодвигаясь чуть в сторону.

– Почему... Почему ты предлагаешь? Я не хочу навязываться или...

– Брось! – усиленно закачала головой Элиз. – Эстер, ты не обуза!

– Я подумаю, – натянуто улыбнулась я, глядя подругу по волосам.

– Голова болит... – по-детски простонала она.

– Поспи, – я с трудом подняла ее хрупкое тело и положила на кровать. Подоткнула одеяло: знала, что она так любит. Гладила по волосам, пока она не сомкнула глаза и не засопела. Во сне она плакала.

Почему Мортиус сделала это? Он прекрасно понимает, что академия – самое безопасное место в мире для ведьм. Если он думает, что среди нас есть предатель... То его определенно нельзя выпускать наружу. Нельзя давать шанс сбежать. Директор умен, у него определенно были свои мотивы.

Я замерла. Мое видение. Я рассказала ему про свое виде-

ние, и он принял решение сократить количество учеников. Зачем? Чтобы было легче найти предателя или чтобы академия не стала склепом для нас всех? Мортиус точно знал, что половине студентов бежать некуда: их дома разрушены, а семьи убиты или скрываются. Он знал, что уйдут лишь те, кому есть куда идти.

И все равно избранная им мера казалась мне чрезмерной.

Я поднялась и, убедившись, что Элиз действительно крепко спит, накинула на плечи кардиган. В замке заметно похолодало. Я скинула с ног туфли и откопала в ящике теплые носки. Близятся заморозки.

В промозглом коридоре горел одинокий мертвый огонь. Его синие блики танцевали на влажной каменной кладке. Я поежилась и ускорила шаг, желая перейти в другое крыло. Пока не прошло пять дней, правила Мортиуса не должны действовать, к тому же, я не собиралась идти в комнату. Мой путь лежал к одинокой полузабытой башне.

***

Как я и ожидала, они были в гостиной. Я не знала, что я хотела сказать или услышать, скорее я просто хотела оказаться подальше от промозглой комнаты со спящей Элиз. Невыносимо больно было смотреть на ее мокрую подушку и даже во сне обеспокоенное лицо.

– Пришла, – констатировал Шон, качая головой. – Долго.

Хайдс закрыл потрепанную книгу и положил ее на диван рядом с собой, будто не давая мне сесть рядом. Я давно заме-

тила, что он очень ревностно относится к личному пространству, даже Себастьян редко нарушает его. Наверное, поэтому они и дружат. Оба холодные как ледышки.

– Мы ведь не договаривались, – с сомнением произнесла я, прогоняя в голове калейдоскоп событий минувшего дня.

– Я думал, ты захочешь обсудить то, что произошло в столовой, – хмыкнул Себастьян. Он сидел, откинувшись на спинку кожаного кресла. Расслабленный, спокойный.

– Что? – я нахмурилась. – Мне кажется, есть темы поважнее.

– Например?

После секундного замешательства я поняла, что их не было в лекционном зале.

– О новых правилах Мортиуса. Вы не ходили на собрание.

– Лекция об обеспечении безопасности? – фыркнул Себастьян. – Да ладно, что дельного он может сказать?

Я не смогла сдержать нервный смешок. Пройдя мимо деревянного журнального столика, на которой взгромоздили стопки старых книг, я взяла в руки книгу Хайдса и упала на диван рядом с Шоном. Тот поморщился и придвинулся ближе к подлокотнику. Его бледное лицо, до этого походившее на посмертную маску, значительно оживилось. Я улыбнулась, а Себастьян, скользнув по мне заинтересованным взглядом, усмехнулся. Хайдс, оскорбленный таким поведением, насупился.

***

– Я не думал, что он сделает это так скоро, – задумчиво произнес Себастьян, выслушав мой сбивчивый рассказ.

– Вполне ожидаемо, – кинул Шон. – Расскажешь? – он посмотрел на Ламарка.

– Я долго думал над тем, что ты говорила в подвалах для тренировки... Твоя фраза... – он сжал губы, задумчиво смотря на свои утонченные пальцы, унизанные кольцами. – «Жнец возрадуется урожаю. Преклоните колени перед венцом страха»... Сначала я думал, что все предельно просто: жнец – довольно известный персонаж, олицетворение смерти, но тогда все получается слишком уж однозначно, а эта фраза не несет никакого практического смысла. Это абсолютно бесполезно.

– Если честно, я не совсем понимаю и половину своих видений, – сощурилась я.

– Я хочу распутывать это все постепенно, – он наклонился вперед, не отрывая от меня взгляд. Горло сжалось, а ладони будто бы вспотели. Он на миг замолчал, смотря прямо мне в глаза. Я тяжело сглотнула, не в силах отвести взор от его ледяных глаз.

– И к чему вы пришли?

– Я француз, – Себастьян помедлил, будто раздумывая над тем, что будет говорить дальше. – Жнец по-французски – *faucheur*.

– И? – я тряхнула головой, не улавливая смысла. Шон высокомерно фыркнул, закидывая ногу на ногу, а Ламарк ре-

занул его осуждающим взглядом. Впрочем, некроманта это не особо волновало.

– Эта догадка вполне может оказаться неверной, но на севере Франции есть замок Фужер, который раньше был местом сбора северных колдовских кланов.

Я прикусила губу, обдумывая всю информацию. Казалось, что эти рассуждения слишком уж запутаны, а все предположения основываются на додумках.

– Почему я сказала эту фразу не на французском в таком случае? – поинтересовалась я.

– И я, и Шон говорим по-французски. Мы довольно долго прожили в Марселе, были там до... – Себастьян осекся.

– И... Как нам это поможет? – нахмурилась я. – Вы хотите уехать обратно во Францию? – устало спросила я, потирая лицо руками.

Мне сложно было признаться даже перед самой собой, что я как-то привязалась к этим двум магам. Я знала их не так долго, но за пару недель они успели подарить мне больше ярких воспоминаний, чем кто-либо еще за девятнадцать лет моей жизни. В глубине души я надеялась, что они останутся здесь, со мной. Мне нравилось чувствовать себя частью чего-то тайного, особенного, не хотелось даже представлять, что это могло так быстро кончиться.

– Мы хотим, чтобы ты уехала с нами во Францию, – сказал Себастьян. Шон сжал губы и кивнул.

– Что? – непонимающе переспросила я.

– Твои видения... – наконец заговорил Шон. Я слегка вздрогнула, услышав его стальной и ровный голос, уверенно рассекающий повисшую на несколько мгновений тишину. – Ты могла бы узнать места, которые уже довелось видеть. К тому же, я слышал, что чем ближе предсказатель к эпицентру событий, тем... Насыщеннее видения.

– И тебе не надоело сидеть в заточении? – улыбнулся Ламарк. – Тебе никогда не хотелось увидеть что-то, кроме замка и этого бесконечного леса?

Я оторопела, смотря прямо в глаза Себастьяну. На его губах играла улыбка. Фальшивая улыбка. Я видела это, чувствовала каждой клеточкой тела. Ему было отнюдь не хорошо.

– Я... Мне нужно все обдумать.

Они говорили что-то, но их голоса тонули в шуме. Я слышала, как пульсирует кровь в ушах, как сердце перегоняет кровь по всему телу, но не могла понять, какие слова срываются с губ Ламарка.

– Я-я... – я поднялась, делая пару шагов к двери. – Потом скажу ответ... Надо обдумать... – повторилась, направляясь к двери. Мне в спину летели еще слова, звуки. Не ясно... Ничего, черт возьми, не ясно.

***

Я сказала, что мне нужно подумать. Но мыслей не было, только звенящая пустота. С одной стороны, я жаждала всего нового, хотела окунуться в мир приключений, увидеть

мир, песок, море, океан, города, людей, пустыни и все, о чем столько лет только читала в книгах и забытых даже богом дневниках. С другой же, меня душил страх. На протяжении долгих лет от всех тягот жизни меня ограждали надежные стены Академии, ступить за них казалось не просто предательством, но и самоубийством.

Я облокотилась о стену, потирая лицо руками. Пару часов назад я в глубине души завидовала тем, у кого есть выбор, сейчас же понимала, как сложно его сделать. Но если я не уйду сейчас, может ли быть такое, что я не уйду никогда?

– Глупо, – прошептала я, жмурясь. – Как же... – я мотнула головой, обессилено опускаясь на пол прямо в коридоре. В комнату, где сопела Элиз, идти сейчас решительно не было желания.

Но если я уеду с ними, смогу ли я вернуться?

– Что делать? – застонала я, сжимая ладони в кулаки.

16. Предательство

– И что это значит? – поднял брови Мортиус.

Я смотрела на свою дрожащую руку, сжимающую лист бумаги. Я написала эту записку за пять минут, а пойти к директору решалась больше пяти часов. С губ сорвался нервный смешок.

– Я хочу уехать, – я пыталась говорить уверенно, но сил посмотреть Мортиусу в лицо не было. Стыд, страх, сомнение смешались в тесный клубок.

– Куда? – его голос резкий, строгий.

– Во Францию, – почти шепотом ответила я.

– Нет.

Я резко посмотрела прямо в глаза директору. Пораженная его ответом, я не могла найти слов. Они все разбежались, попрятались, на языке вертелись лишь невнятные звуки. Что значит «нет»?

– Я не... – я тряхнула головой и положила листок на край стола. – Не понимаю.

– Я не могу тебя отпустить, Эстер, – Мортиус встал, сцепил руки в замок за спиной и подошел к окну. Я смотрела на его широкую спину и моргала, чтобы прогнать слезы. Это был худший исход, которого я даже не ожидала.

– Почему?

– Моя задача – забота о благосостоянии студентов, – от-

чеканил он. – У тебя никого нет. Так куда ты собралась уехать? – он развернулся, я тут же опустила взгляд в пол.

– Во Францию, – еле слышно ответила я.

– Я должен отпустить тебя в самое сердце войны? – его строгий голос заставил меня сжаться.

Мортиус тяжело вздохнул, брезгливо – двумя пальцами – взял бумажку, разглядел ее с обеих сторон. Директор разочарованно посмотрел на меня и разорвал мое заявление пополам.

– Вам разве не надо готовиться к завтрашним семинарам? – невозмутимо спросил он после долгой паузы.

– Надо, – я сглатывала обиду и предательские слезы.

– Так идите готовиться, насколько я помню, Ваша успеваемость оставляет желать лучшего... По всем предметам.

Я задыхалась. Задыхалась настолько, что пальцы онемели. На негнущихся ногах вышла на лестничную клетку, закрыла дверь и позволила себе поплакать. Даже не поплакать – зарыдать. Меня всю трясло, руки побледнели, вздохи стали рваными, режущими легкие.

Я села на холодные ступеньки и потерла влажное лицо руками. Разве я заслуживаю такого? Заслуживаю, чтобы со мной обращались как с вещью, не имеющую права ни мыслить, ни говорить, ни, тем более, что-то решать. Я чувствовала себя такой смелой, когда смогла соврать Мортиусу, почувствовала силу, эйфорию. Я считала себя сильной, умной, ведь я смогла обхитрить лучшего мага. Но сейчас я понима-

ла, что все эти мысли – детские фантазии, не имеющие ничего общего с реальностью. Я бессильна.

***

Молчание.

Его можно было черпать ложками, забить им легкие. Шон безразлично листал книгу, но его глаза были пустыми: он не читал. Себастьян смотрел на огонь, тлеющий в камине. Я рассказала им все, что случилось утром, а они не проронили ни слова. У меня не осталось ни слез, ни эмоций.

– Я так и думал, – наконец проговорил Ламарк. Я испугалась его голоса и вздрогнула.

– Почему?

– Ты прорицательница.

– Он считает, это все выдумкой, – фыркнула я.

– Думаешь, Мортиус совсем глуп? – усмехнулся Себастьян. – Он подавляет тебя. Не дает почувствовать собственную силу, – его светло-голубые глаза гипнотизировали меня, не давали отвести взгляд. – С самого детства он пользовался твоим доверием, пользовался тем, что ты приходишь и рассказываешь ему о каждом видении, а он делает вид, что это твои... выдумки. Это ведь не так. Ты это понимаешь? Ты стала особенно ценна, когда твое видение сбылось. И он знает, что будут еще жертвы. Мортиус не может себе позволить потерять такое преимущество. А он рассматривает тебя именно так, – мне показалось, что в его голосе проскользнула злость. – Ты для него – набор функций. Инструмент.

Он взял мою руку, по телу будто прошел электрический импульс. Его пальцы так нежно гладили кожу, что я готова была растаять. Но отчего-то захотелось выдернуть руку. Мне стало неловко из-за очевидной интимности этого простого касания. Неловко из-за взгляда Шона. Неловко из-за странного жара кожи.

– Он...

Я остановилась, сжала руку Ламарка.

– Что теперь делать? – я не стала говорить о своих чувствах, это казалось слишком личным, сидело так глубоко, что я не могла достать.

– Бежать, – коротко ответил Себастьян и улыбнулась так тепло, что я не могла не почувствовать себя спокойной. Защищенной.

– Я зашел в библиотеку, – внезапно сказал Шон. – Себастьян рассказал, что ты вырвала страницу из книги. Сотую. Она была на месте. Зачем ты это сделала?

После всего произошедшего я даже забыла о той злосчастной странице, ставшей своеобразным экспериментом. Для меня были вопросы важнее, чем эта наивная глупость.

– Иногда я оставляю какой-то след в видении, – проговорила я. – Я не знаю о своем даре ничего... Разбираюсь сама.

Я чувствовала себя как во сне, совсем не понимала, что делаю, не знала, что будет дальше, но и не думала об этом, принимала все происходящее как должное.

– Мы убежим во Францию ради призрачной догадки? –

спросила я, не отводя взгляда от рук Себастьяна. Они такие теплые в сравнении с кольцами, унизывающими пальцы.

– Это лучше, чем сидеть, не делая ничего, – вздохнул Ламарк, отпуская меня. Мне безумно захотелось схватить его за руку и не отпускать, сохранить это чувство умиротворения, уверенности и спокойствия. – Лучше, чем сидеть и ждать, пока за нами придут или охотники перемрут.

Шон встал и потянулся. Его лицо как всегда не выражало ничего, невозможно было угадать, о чем он думает, что он чувствует. Он сжал губы и медленно зашагал к крохотному окошку в башне.

– Она не готова, – бросил он. Не презрительно или уничижительно, скорее разочарованно.

– Если я останусь здесь... Я никогда ни к чему не буду готова, – я подняла голову. Не позволю недооценивать себя. Больше нет.

Себастьян улыбнулся с... теплотой? Я никогда не видела таких эмоций со стороны других мужчин. Я оторопела, по коже пробежали мурашки.

– В конце концов... – Шон обернулся, осматривая меня, будто стараясь забраться в голову. – Смерть – далеко не конец. Правда, Себастьян?

Улыбка вмиг спала с его лица. Ламарк сжал руки и отвернулся.

***

Элиз крепко держала Колина за руку, а Ник валялся на

моей кровати прямо в одежде. Мне уже было все равно: спать на ней мне оставалось недолго.

– У тебя жар? – спросил Колин, выслушав мой рассказ.

– Нет, – отрицательно помотала головой я.

– Нет... – повторил он. – Тогда ты просто обезумела.

Мне не было обидно: я понимала, что ему не все равно.

Он беспокоился.

– Колин! – воскликнула моя соседка, слегка ударяя его по плечу.

– Я не прав? – он поднял бровь, смотря на Элиз.

Та промолчала, продолжая бессмысленно перебирать волосы.

– Я устала от всего, – честно сказала я. – Вы все видели, что было за стенами Академии, видели мир, людей... Я торчу тут всю жизнь, читаю книжки, гуляю по замку, но это... Не то.

– Ты правильно сказала: жизнь. В том мире тебя это не ждет, – сурово сказал Колин.

– Разве ты сам не хотел уехать? – хмыкнула я, пряча отчаяние.

– Хотел. В безопасное место к своей семье. Ты бежишь непонятно куда, непонятно от чего, а самое главное – непонятно с кем. Я не доверяю им. Они появились из ниоткуда, ведут себя ужасно, никто ничего про них не знает.

– Они не... Не ведут себя ужасно, – произнесла я. – Они помогли мне. А Мортиус – нет.

– Мортиус дал тебе кров, пищу и защиту, – похолодел Колин. – Он давал тебе книги, возможность развиваться. Он мог быть жесток... Порой он несправедлив к тебе, но ты не можешь говорить, что он не дал тебе ничего.

– Это его долг как директора, – покачала головой я.

– Эстер, ты ведь не настолько глупа... – начал было Колин, но Элиз сжала его руку, и он осекся.

– Что? – непонимающе спросила я. – От меня опять что-то скрывают... – я грустно улыбнулась и встала с постели.

– Эстер... – заговорила Элиз, высвобождая ладонь. – Ты в последнее время взбалмошная. Чем больше мы отговариваем тебя, тем больше укрепляется твое желание сжечь все мосты и прыгнуть в неизвестность... Поэтому... – она начала копать в шкатулке и вытащила оттуда прекрасный перстень с увесистым белым камнем. – Возьми. В знак нашей дружбы.

Я неуверенно поднялась и подошла к соседке, смотревшей на меня самым искренним взглядом. Ее зеленые глаза наполнились слезами, которые, я уверена, она сдерживала с большим трудом. Я приняла кольцо и внимательно рассмотрела его. Оно не было похоже на фамильное: не было ни гербов, ни инициалов.

– У меня никогда не было колец... да и украшений, – прошептала я, нанизывая его на безымянный палец. – Благодарю...

– Носи его и помни обо мне, – Элиз не выдержала и креп-

ко стиснула меня в объятиях. – Если станет совсем серо – гладь его и думай о хорошем, о нас, хорошо? – она плакала. Я чувствовала это, потому что мое плечо стало мокрым.

– Обещаю, – я закрыла глаза и теснее сжала подругу в объятиях.

Это все казалось мне слишком нереальным, будто я снова была во сне. На долю мгновения мне захотелось, чтобы все это было одним ужасно долгим и утомительным кошмаром. Вот только я знала, что от реальности пробудиться нельзя. К сожалению.

– Я не одобряю, но... Понимаю, – произнес Колин и тоже заключил меня в объятия.

– Эй... Вы чего все разревелись? – я почувствовала, как Ник также прильнул к нам.

Я сама плакала. Не хотелось это скрывать. Я глотала слезы и пыталась запечатлеть этот момент у себя на подкорке. Вот мы стоим: дружные, любящие, поддерживающие. Я буду безумно скучать по своим друзьям, но было бы несправедливо и жестоко просить их последовать за мной.

– Я люблю вас, – прошептала я еле слышно, но прекрасно понимая, что все услышали.

***

Эта ночь была самой темной на моей памяти: не было видно ни звезд, ни луны. Холод пронизывал до костей. Я крепко сжимала сумку, подаренную мне Элиз, куда поместились все мои вещи, нажитые за девятнадцать лет жизни. Я нервно

поглаживала кольцо на пальце, ожидая Себастьяна с Шоном.

Они скользили словно тени, бесшумные, неуловимые, ускользающие. Я смогла разглядеть их лишь когда они подошли почти вплотную.

– Эстер, – поздоровался Себастьян.

– Она дрожит от страха, – вместо приветствия бросил Шон.

– И тебе привет, – пробормотала я, пряча руки за спиной. – Куда мы?

– Помнишь, как я показывал тебе шкатулку? – спросил Ламарк.

Конечно, я помнила. Помнила, как он одел на меня пальто, как внимательно смотрел, провожал до комнаты, будто Себастьян прекрасно знал, о чем я думала.

– Зачем нам туда?

– Чтобы вырваться, придется разрушить защиту, – пояснил Ламарк.

***

Пока мы шли к озеру, я усердно пыталась отгонять мысли о друзьях и месте, что я привыкла называть своим домом. Я оставляла все позади, не попрощавшись. Чувствовала себя предателем.

Я споткнулась о корень старого голого дерева и не успела даже вздохнуть, как меня поймали в объятия. Я замерла, слушая пульсацию своего бешеного сердца.

– Аккуратнее, – еле слышно сказал Себастьян, крепче

прижимая к себе. Я прерывисто дышала, забывая легкие его запахом. Положила руку на его грудь и чуть оттолкнулась, чтобы подняться, но Ламарк остановил меня. – Возьми меня за руку, – проговорил он в мою макушку.

– Хорошо, – я согласилась и встала, подбирая упавшую сумку.

– Давай мне, – вздохнул Себастьян и, не дожидаясь ответа, забрал мои вещи.

– У тебя же самого...

– Я же сказал отдать, значит все нормально, – прервал меня он, крепче сжимая мою ладонь.

Я не стала отвечать, услышав, как вздохнул Шон, шедший позади.

– У нас не так много времени, – сдержанно сказал он.

– Почему? – нахмурилась я, чувствуя, как Ламарк ускоряет темп ходьбы.

– Нам нужно много сил, чтобы выбраться, – уклончиво ответил Себастьян.

– Вы принесли жертву? – я остановилась.

Я знала, что темные маги нередко прибегают к кровавым ритуалам, когда им предстоит мощное заклинание. Иначе магия может их убить, уничтожить тело или разум. Во многих книгах описывалось, как в поместьях колдунов в клетках содержались разные звери, обреченные на смерть. Для разных ритуалов нужны были разные жертвы: от крыс до людей.

– Да, – коротко ответил Себастьян, утягивая за собой.

Я нервно сглотнула, пытаюсь унять беспокойство.

– Иначе втроем мы не сможем пройти через защиту и переместиться, – все же пояснил Ламарк.

– Кого вы принесли в жертву? – я старалась говорить спокойно, но кровь пульсировала в венах, обостряя все чувства. Это первобытный инстинкт, интуиция, подсказывающая о том, что что-то не так. Чувство опасности.

Я все не могла отделаться от слов Колина. Я бегу непонятно куда и непонятно с кем. Я совершенно не знала этих людей, не знала, что у них на уме, не знала, на что они способны. Они проявили ко мне крупицу доброты, за которую я отдала всю себя.

– Сюда, – вместо ответа сказал Себастьян.

Черное бескрайнее озеро, сливающееся с небом. Светлячков не было, кожу лизнул холодный ветер. Я остановилась на небольшой опушке, подавляя желание сбежать назад, в теплую комнату. Мне внезапно захотелось лечь под одеяло, зажечь свечу и разговаривать с Элиз, пока веки не станут слишком тяжелыми, а слова слишком вязкими. Захотелось посидеть вчетвером с Колином, Ником и моей подругой. Захотелось задыхаться от смеха, сидя за партой.

Но я помнила, почему сделала этот выбор. Помнила, как сидела во всеми забытых библиотеках, просыпалась в поту от кошмаров, слышала презрение в каждом слове Мортиуса. Помнила, как мечтала о том, как увижу людей, поезда, города. Помнила, как думала о свободе, слушая рассказы Колина.

И я сделала шаг вперед.

17. Новый мир

Несколько самых мучительных секунд в моей жизни растянулись в вечность. Я стояла коленями на каменном полу в полной темноте и старательно сдерживала рвотные позывы. Тщетно.

Горло жгло, глаза слезились, руки и ноги тряслись. Мне казалось, что я вот-вот рухну в зловонную лужу. Чьи-то руки легко подняли меня в воздух, будто была лишь тряпичной куклой. В ушах шумело, стошнило еще раз.

Мерзко. Мерзко.

Голоса были такими неразборчивыми, далекими, будто доносились издалека. Казалось, что голова вот-вот взорвется. Я пыталась кричать, но тело будто парализовало. Я была заперта, моя кожа – моя тюрьма. Она душит, давит. И я проваливаюсь в небытие.

***

Я проснулась, оглядывая совершенно незнакомую комнату. Она была в разы хуже, чем та, в которой я жила в Академии. Пахло старостью и сыростью, на каменном полу не было ковра, а на скромной постели – белья. Я приподнялась на руках, прогоняя головокружение. Тело ныло, будто меня избили. На всякий случай я проверила кожу: помимо небольших синяков и ссадин все было в порядке. В голове всплывали события прошедших дней, казавшиеся сном. Я до сих

пор не верю, что у меня хватило смелости сбежать в неизвестность, шагнуть в совершенно новый мир, о котором я так давно мечтала. Я до сих пор не верю, что мое безумие все же свергло здравый смысл.

Я подошла к высокому узкому окну: пейзаж казался унылым, не таким захватывающим, как в Академии. Небольшой замок стоял на холме с пожухлой травой над которой нависало серое небо, затянутое грузными грозowymi облаками. Около замка стояло несколько простеньких домиков, совсем крохотных.

Я проглотила разочарование. На самом деле я не знала, что ожидать: я видела разные картинки огромных городов, толп людей, различных фантастических механизмов, до которых дошли изобретатели. За окном должны были быть высокие стеклянные дома, царапающие облака, шумная вереница «автомобилей», огромные светящиеся надписи, а не пара сараев и мертвая трава.

Дверь со скрипом отворилась. Я испуганно обернулась, будто была застигнута за каким-то постыдным занятием.

– Я уже думал, что ты и вовсе не проснешься. Ты в порядке? – Себастьян стоял, облокотившись о дверной косяк. Он выглядел изнуренным. Его глаза, которые всегда так необъяснимо притягивали меня, потемнели.

– Да... Да, нормально, – мой голос хрипел, я прокашлялась. Миллион вопросов царапал горло, но я оставалась безмолвной – не знала с чего начать.

– Ты спала два дня. Есть хочешь?

Этот разговор был странным от начала и до конца. Я вдруг осознала, что не имею понятия, что делаю. Я была в растерянность, сбита с толку. Меня вырвали из привычного уклада, где все было до боли понятно и знакомо. Я точно знала, что буду делать утром, на какие занятия пойду днем, в какой библиотеке проведу вечер. Все запахи, все трещинки в многовековом мраморе – все было знакомо мне. Сейчас я бы многое отдала, чтобы увидеть шумного Ника, ураганом разрушающего столовую, сияющую Элиз, щебечущую что-то на ухо серьезному Колину. Хотела бы раствориться в их смехе, облачиться в их счастье и забыться на долгие часы.

– Что мы здесь делаем? У нас есть план или... Или хотя бы что-то? – я беспомощно огляделась. Мне нужна была ни точка надежды, которая спасет от захлестывающей паники – ее холодный язык уже лизал кончики пальцев.

Ламарк вздохнул и сел на кровать. Он помрачнел. Мне не нужен был дар ясновидения, чтобы знать, что он сейчас скажет.

– У нас нет плана. Есть только домысли, догадки. Но это больше, чем у нас могло быть, останься мы в Академии. Твои слова про жнеца нельзя трактовать слишком однозначно. Пока ты спала, я спускался в библиотеку-хранилище, читал про видения, предсказания. Как я и предполагал, слова провидцев, сказанные в глубоком трансе, всегда несут ценную информацию. «Жнец возрадуется урожаю. Преклони-

те колени перед венцом страха». Было бы слишком просто подумать, что жнец – это жнец смерти. Слишком очевидно и неинформативно. Будто бы бесполезно. Поэтому я решил, что это послание было для нас с Шоном. Мы начали думать дальше. Что значило «преклоните колени перед венцом страха». Мы подумали о малоизвестной книге *La Peur*, в которой рассказывается о путешествии в Африку. Я начал искать информацию про «венец» и Африку, ничего не нашел... – он потер лицо руками. – Нам надо расшифровать вторую часть твоего предсказания.

– Но мы даже не уверены, что первая расшифрована правильно, – проговорила я.

Себастьян смотрел в окно и не отвечал. Его лицо исказила невидимая боль, а мне захотелось обнять его и успокоить.

– Тебе надо поесть, – отстраненно сказал он. – Не беспокойся насчет этого всего. Мы с Шоном обязательно все решим. Всегда решали... – он задумчиво посмотрел в окно. – Он сейчас в библиотеке, изучает архивы, а мы пока можем прогуляться, покажу тебе рестораны, – вымученная улыбка маской застыла на лице. Вот-вот и она треснет, обнажая бурлящий котел эмоций, что Себастьян так тщательно скрывает от меня.

– Хорошо, – я согласилась. Меньше всего хотелось вырваться из одной клетки и добровольно запереться в другой.

– Какой у тебя размер одежды? Тебе нельзя покидать замок в твоих нарядах, – он задумчиво оглядел меня, а я ин-

стинктивно сложила руки на груди.

– Размер? Я никогда не покупала себе одежду, поэтому я...

– Встань ровно.

Нехотя опустила руки. Сейчас, под пристальным взглядом Ламарка, я ощущала себя обнаженной. Его глаза загорелись, а мое тело начало гореть, красными пятнами на щеках расцвела лихорадка. Себастьян ходил вокруг меня, словно хищник, оценивающий добычу, угодившую в ловушку. По правде говоря, именно так я себя и чувствовала.

– Подожди тут, хорошо? – не дожидаясь ответа, он направился к выходу.

Босые стопы пробирал холод. Я поспешила запрыгнуть обратно на кровать, чтобы хотя бы немного согреться. В этой комнате определенно необходим камин или, на худой конец, несколько свечей. Закрыв глаза, я с наслаждением представила как держу онемевшие ладони над танцующем в сумраке пламенем.

Я тут же мотнула головой, сбрасывая наваждение. Разве не этого всего я так отчаянно желала? Разве я не мечтала увидеть больше, открыть новый мир? Прошрое плотно вцепилось в меня острыми клыками, отказывалось отпустить. Казалось, что еще шаг, и я потеряю важную часть себя. Вырву ее с мясом, убегая в неизвестность. Но правда в том, что дорога назад есть. Пусть даже Мортиус говорит, что установит защитный купол, я все равно уверена, что сумею най-

ти дорогу обратно, к месту, которое я называла домом всю свою жизнь. А сейчас призракам прошлого пора отпустить меня. Я не хочу забывать, нет. Я хочу освободиться от тяжкого груза вины за оставленных позади друзей. Почему-то я была уверена, что наши пути вовсе не разошлись, мы найдем дорогу друг другу сквозь время и препятствия. Может быть, мы изменимся, может, даже не узнаем друг друга при встрече, но наши души тесно связаны – это не изменить, не забыть, не потерять.

Аккуратный стук в дверь. Себастьян был нетерпелив, решил не дожидаться разрешения войти. В его руках был ворох тканей.

– Примерь, – он положил рядом со мной вещи. Я осторожно рассмотрела их.

– Что это такое? – спросила я, поднимая жесткие синие штаны.

– Джинсы. В них все ходят здесь, – улыбка на его лице походила на снисходительное умиление, которое из вежливости выказывают незнакомцы, когда видят дитя, познающее окружающий мир.

– Мне их жаль, – проговорила я.

– Вернусь через пару минут, – Ламарк тактично удалился, оставив меня наедине с непонятной мне одеждой.

Голубые «джинсы», футболка – клянусь, если бы не человеческие книжки, я бы ни за что не отличила ее от бедной ночной рубашки – и свитер из очень плотной ткани. Покру-

тилась у зеркала. Я была похожа на бездарную ведьму Линду. Она никогда не носила платья, всегда предпочитала штаны и странные свитера. Что же, если это правила мира людей, то я приму их. Дверь отворилась. Себастьян оглядел меня с ног до головы и кивнул.

– Отлично подойдет, чтобы не выделяться, – одобрительно сказал он.

– Благодарю. А ты не спешишь смешиваться с людьми, – я критично оглядела его старый образ: черные штаны, белая рубашка и все то же пальто, прикосновение к которому неизменно уносило мои мысли к озеру со светлячками.

– Моя одежда вполне схожа с привычной человеческой, – произнес он.

– А мне кажется, что ты надо мной потешаешься, – честно парировала я и подняла голову. – Не могут они так ходить. Этот свитер похож на холщовый мешок.

– Позволь мне показать тебе людей, и ты убедишься, что я никогда не посмею смеяться над тобой, – его глазам хотелось верить. Он определенно гипнотизировал меня.

– Я согласна, – я подняла подбородок, откидывая назад темные пряди волос.

***

Себастьян открыл передо мной дверь в автомобиль. Я не спешила садиться внутрь, сначала обошла его, разглядывая со всех сторон. Мне безумно хотелось дотронуться до гладкой блестящей поверхности, но я боялась. Вживую это изоб-

речение выглядело гораздо более внушительно, чем на старых фотокарточках, что я находила в забытой библиотеке. Ламарк терпеливо ждал, наблюдая за моими движениями. Я боялась что-то сломать или обжечься – кто знает, как работает эта адская машина.

– Внутри еще интереснее, – произнес он, не скрывая улыбки. И я поспешила проверить это.

Он оказался прав. Я аккуратно села в кресло. Мое внимание тут же привлекла большая светящаяся поверхность. Ламарк тем временем захлопнул дверь, сквозь большое окно я видела, как он обходит автомобиль.

– Готова? – спросил он, садясь в кресло рядом со мной. – Только надо пристегнуться... – он сразу словил мой непонимающий взгляд и резко прильнул. Я замерла, не дыша. Он тянулся к чем-то прямо через меня, а затем потянул за какой-то замок и обвил меня ремнем.

– Не надо... – сдавленно прошептала я.

– Это для безопасности. Ты всегда можешь его отстегнуть сама, но лучше не делать это, когда машина едет. Смотри, – он указал на красную кнопку, слегка нажал ее и замок выпал из крепления. – Этот ремень защитит тебя, если произойдет авария.

– Авария? – эхом повторила я.

– Столкновение двух машин, – пояснил он.

Себастьян нажал какие-то кнопки и гладкая поверхность изменилась. Ламарк продолжал наблюдать за моей реакцией

и тихо засмеялся.

– Это дисплей. Ты можешь потрогать его, он будет реагировать на твои касания.

– Что это за магия? – вырвалось у меня.

– Люди – интересные существа. Я много думал над их изобретательностью. Они бездарны, но смогли достичь того, что ведьмам кажется чудом. Мне никогда не были близки хранители, но изучать человеческие приборы довольно занятно. Сегодня покажу тебе много всего, – автомобиль заурчал, словно довольная кошка, греющаяся в лучах весеннего солнца. – Если со мной тебе надо будет чего-то бояться, я тебя обязательно оповещу, а пока можешь расслабиться.

Толчок. Я сильнее вжалась в кресло, смотря как стремительно начал меняться пейзаж за окном. Мы передвигались явно быстрее, чем могли бы идти своим ходом.

– И куда мы направляемся? – честно говоря, это не имело никакого значения, но мне хотелось впитать больше этого фантастического мира. Хотелось ловить каждую крупинку незнакомой мне вселенной.

– В Париж.

Я не знала, что это такое, но звучало слово так гладко, но в то же время самодостаточно, что мне понравилось. Я улыбнулась и прислонилась лбом к холодному запотевшему окну, неотрывно наблюдая за статными деревьями и небольшими домишками, пронесившимися мимо.

18. Сверкающий город

От восхищения стало сложно дышать, я вдыхала сотни незнакомых мне запахов, осматривая причудливые дома, кубиками разбросанные по всему городу. На широких улицах было неимоверно много народа. Я вглядывалась в мелькающие лица, ловила детали, старалась сделать все, чтобы этот момент отпечатался у меня в памяти. Люди же казались странными, будто опустошенные марионетки проплывали по улице, не оглядываясь по сторонам. Массивной толпой они переходили дороги, толкали меня плечами, задевали сумками. Я растерянно остановилась, не совсем понимая, что происходит. Я действительно стала невидимкой или они правда не замечали ничего вокруг себя? Казалось, что они все погружены в глубокий транс, иного объяснения я не находила.

– Что происходит? – прошептала я, стараясь держаться поближе к Себастьяну.

– Они все слишком заняты, чтобы жить как мы, – просто ответил он, приобнимая меня за плечо, чтобы уберечь от очередного болезненного толчка от незнакомца. – Я слышал, в последнее время они стали такими, отдали душу, вложили ее в машины.

Это грустно. Грустно, что им приходилось жертвовать частичкой себя, чтобы хотя бы на миг прикоснуться к той ма-

гии, что мы считали данностью. Наш мир казался совершенно иным: участливым, дружелюбным, успокаивающим, как объятия в самый холодный зимний вечер. Себастьян вел меня за руку. В иной ситуации я бы засмушалась от столь интимных прикосновений, но сейчас мои мысли были очень далеко. С какими еще странностями мне предстоит столкнуться?

– Что это? – ахнула я, указывая на огромное сооружение впереди. Длинное, стройное, словно стрела, нацеленная прямо в облака. Оно казалось таким странным, но в то же время очень подходящим: достаточно точно выражало иррациональную любовь людей к серым и причудливым вещам.

– Эйфелева башня. Символ Парижа, – ответил Себастьян, утягивая меня к двери.

Я с интересом осмотрела небольшие столики, за которыми курили люди. Они пили вино, оставляя красные отпечатки на бокалах.

– Они больны? – тихо спросила я, когда Ламарк открыл дверь, пропуская меня вперед. Столкнувшись с недопонимающим взглядом, я кивнула в сторону двух женщин. – У них идет кровь изо рта, а никому до этого нет дела.

– Это помада, – ответил мне Себастьян, но понятнее от этого не стало. – Люди часто используют косметику, чтобы сделать лицо более красивым, как они считают.

– У нас косметику используют только на усопших, – прошептала я.

Я закивала, но мне предстояло еще слишком много узнать про этот буйный мир, постепенно сходящий с ума. Я теперь отчетливо понимала, почему охотники так стремились нас истребить. Им приходилось жить со всем этим сумасшествием, а мысль о том, как спокойна и легка наша жизнь, их угнетала, дразнила.

Мы оказались в довольно тесном помещении, уставленном круглыми столиками. Люди особо ничего не ели, лишь пили кофе, некоторые держали светящиеся дисплеи, совсем как у Себастьяна в машине. Ламарк усадил меня на стул и направился к витрине, полной причудливой еды. Я с интересом рассматривала торты, усыпанные ягодами, сэндвичи, заточенные в прозрачные коробки. Спустя несколько минут Себастьян вернулся и сел рядом со мной.

– Ты можешь спрашивать любые вопросы, – сказал он, не отрывая от меня взгляд своих ледяных глаз.

– Тебе ведь комфортнее в мире людей, да? В академии ты был таким напряженным, грубым и колючим, а здесь ты изменился, – вдумчиво проговорила я.

– Иных вопросов я ожидал, – он сжал челюсти. – Меня не устраивала позиция Мортиуса. Он считает, что может пожертвовать тысячами во имя спасения сотни. Это омерзительно. Пока все маги скрывались, умирали, он закрылся ото всех в своем дворце и отказался приходить на помощь, обрел всех на верную смерть.

– Я думала, война выглядит иначе, – с сомнением произ-

несла я, оглядываясь по сторонам.

Я действительно ожидала, что нам придется ютиться в скромных промозглых подвалах, передвигаться по ночам, скрываться от людей, но сейчас мы так просто оказались в таком шумном месте, спокойно собираемся завтракать. Это вызывало диссонанс. Слушая рваные рассказы об ужасах войны, я готовилась к худшему, а сейчас не понимала, к чему весь страх и ужас, если можно затеряться в многолюдных городах?

– Это не та война, о которой пишут в книгах и учебниках, – глаза Себастьяна вмиг потемнели. Его лицо исказила жуткая гримаса злости. – Здесь ты можешь лечь спать в своем родовом поместье, а проснуться связанным рядом со своей мертвой семьей, видя, как эти животные потешаются над трупами, фотографируют их и смеются. Смерть врывается в наши дома неожиданно и жестоко. Тихо.

– Прости, я... – как я могла оправдать свои слова, свою наивность?

– Ничего страшного, – Ламарк мотнул головой, но я прекрасно видела клокочущие в нем эмоции. Крепко сжатые кулаки, прищуренные глаза, каменное лицо. К нашему столу подошла девушка, поставила на стол две дымящиеся чашки и тарелки с чем-то странным для меня. – Какао, – он кивнул на мой напиток. – Организм истощен, нужно восстановиться, чтобы сегодня ночью тебе не стало хуже.

– Сегодня ночью? – вторила я.

– Расскажу позже, – он пододвинул ко мне тарелку. – Круассан с семгой и яйцом пашот. Уверен, в вашей столовой такое не готовят.

Я робко улыбнулась и кивнула. Очевидно, что Себастьян сбежал со мной не из добродетельного душевного порыва. Я знала это. Если маг добр ко мне, значит ему что-то нужно. Я не терпела фальшивую любезность, а Ламарк с Хайдсом не скрывали, что нуждаются в моих способностях. Это, безусловно, льстило. Однако меня настораживало, что я совершенно ничего не знаю о своих спутниках. Их прошлое туманно, в настоящем они ведут себя ничуть не лучше. Единственное, что я могла узнать – их будущее. Теперь, когда моя судьба неразрывно связана с ними, это должно быть проще. Теперь я знаю, что видения можно вызвать, а это значит, что мое преимущество растет.

***

Прогулка по улицам Парижа оказалась недолгой. После неловкого разговора в кафе Себастьян оказался немногословен. Если с утра я поражалась его дружелюбному настрою, то сейчас он снова вернулся в свое угрюмое настроение. Впрочем, это не особо отвлекало меня от исследования мира людей. Я заглядывалась на витрины с камнями, сверкающими словно снег в солнечное зимнее утро; провожала взглядами машины, людей, забавных животных на поводках. Калейдоскоп образов рассыпался и собирался вновь перед моими глазами.

– Иди сюда, – Себастьян скользнул в незаметный проулок.

Я с сомнением вглядывалась в темноту, но видела лишь кучи мусора и заколоченные двери. Вздохнув, я пошла за ним. Раз уж я доверила ему свою жизнь несколько дней назад, бояться поздно. На это я не имела права. Обернувшись, я проводила взглядом красочные пейзажи. Ничего не изменилось от того, что я ушла: люди все также бездумно ходили, солнце светило, а машины проносились мимо на невообразимой скорости. Что я была, что меня нет – все равно. Интересно, в академии также? Заметили ли мое отсутствие преподаватели, другие студенты? Уехала ли Элиз с Колином?

– Стой рядом со мной, ни с кем не заговаривай, – его тон не предполагал возражений, да и я не стремилась послушаться.

Себастьян прикрыл глаза, его губы беззвучно задвигались. Я с трудом разобрала латынь. На кончиках пальцев Ламарка заплясали голубоватые огоньки. Я испуганно оглянулась. Страх. Теперь я ощутила его кожей, кровью, каждой мышцей. Тревога нарастала, а я напряженно всматривалась в мелькающих людей, боясь увидеть случайный заинтересованный взгляд.

– Я же сказал не бояться рядом со мной, – голос Себастьяна оказался так близко, что я невольно отпрянула назад. – Ни с кем не заговаривай, – еще раз повторил он, глядя на меня. Я кивнула. В месте, где раньше была глухая стена, сейчас образовалась дверь. Ламарк несколько секунд будто бы

собирался с мыслями.

Внутри оказался целый крохотный город. Потолка не было, из клубящейся синевы к земле спускались светящиеся лианы, вокруг которых витали крохотные синеватые огоньки.

– Фейри! – с восхищением выдохнула я.

Столько раз мне доводилось читать об этих удивительных созданиях в книгах и учебниках. Маленькие огоньки величественно двигались ввысь, но так и не достигали пустоты, просто меркли, будто поглощенные тьмой. Их полет завораживал. По полу тянул свои щупальца ночной плющ, на котором виднелись розоватые бутоны. Я знала, что с наступлением тьмы они распускают свои лепестки и усыпляют любого, кто рискнет вдохнуть их пьянящий аромат. Множество деревянных лавочек ломились от разных предметов. Маги торговали, казалось бы, всем: от склянок с неизвестными травами до редкими животными. Я увидела малышей ихтиокентавров, резвящихся в витающих в воздухе пузырях воды. Внезапно я почувствовала тепло на свое ладони. Опустив взгляд, я увидела мерцающий огонек. Поднеся руку ближе к лицу, я смогла разглядеть крохотное существо с рожками, как у виноградной улитки, что обычно лениво ползала во внутреннем дворе академии. Фейри были вовсе не похожи на рисунки из пособий. Тело их больше походило на туловище ящерицы. Цепляясь липкими пальчиками за кожу, фейри вскарабкалась по моему пальцу. Я не смогла сдержать улыбку,

но тут милейшее существо впилося в мое запястье острыми зубами. Боль сотней уголок пронзила тело. Я втянула в себя воздух и попыталась скинуть с руки кровопийцу. Помог мне Себастьян, одним ударом он сбросил феэри с моего запястья. Я потеряла руку и взглянула на его недовольное лицо.

– Ничего не трогай, – предупредил он.

– Это черный рынок, – произнесла я. Я читала про них. Здесь можно было нелегально купить разумных существ, торговля которыми была запрещена ведьмовскими законами еще три века назад.

– Верно, – он взял меня за руку и уверенно пошел вперед, пробиваясь сквозь толпу магов, явно заинтересовавшихся новыми лицами. Я послушно следовала за ним, не желая столкнуться с еще более неприятными сюрпризами.

По мере того, как мы продвигались вглубь, все чаще начали встречаться заброшенные прилавки. Я старалась оглядываться по сторонам – людей стало меньше. Феэри сюда залетали все реже, это не могло не успокаивать меня. Однако и света уже практически не было. Редкие светящиеся лианы отбрасывали блеклые лужицы голубоватого цвета. Я напряженно вглядывалось вперед. Я заметила старика. Его согорбленная фигура, больше похожая на вопросительный знак, тонула в сумраке. Отчего-то мне перехотелось идти дальше.

Но Себастьян остановился именно возле него.

– Фидеус, – четко сказал он. Старик поднял на него белесый взгляд. Я тут же отвернулась, чтобы он не заметил удив-

ление, отпечатавшееся на моем лице.

– Себастьян... – прохрипел он, поднимаясь. – Долго же ты сюда добирался, я ждал тебя много раньше, – он медленно повернул голову. Каждое его движение казалось рваным. – Ты привел ко мне гостей.

– Я по делу, – Себастьян настойчиво отодвинул меня за свою спину.

– Конечно, все посещают старика Фидеуса только по делам, – он закричал, а я только через несколько минут осознала, что этот звук является ничем иным, как смехом. По коже пробежали мурашки. – Помню я про твои дела. Вы думаете, что я совсем с ума сошел, но я все-е помню. Все-е знаю...

– Получилось достать?

– Конечно, – его улыбка обнажила ряд подгнивших зубов. Сердце бешено билось в грудной клетке, стремясь выскочить наружу. Я задержала дыхание, будто это могло хотя бы как-то успокоит мою нарастающую панику. Совершенно иррациональный страх перед немощным стариком, который даже двигался с трудом. Внезапно он посмотрел прямо на меня. – Девочка чувствует. Девочка с глазами богов... – он зашаркал ко мне, я попятилась назад. Путь старику преградил Себастьян.

– Не трогай ее, – грозно сказал он.

Но старик уже тянул ко мне костлявые пальцы.

– Нет! – сорвалось с губ.

– Э-эстер, – протянул он.

Тело парализовало. Ужас, первобытный ужас, подталкивал меня сбежать, вернуться на блистательные улицы города и забыть обо всем произошедшем как об обычном ночном кошмаре. Но я не могла. Не могла и пальцем пошевелить. Не могла сделать вдох. Я задыхалась, но тело отказывалось мне подчиняться. Из рта вырывались сдавленные всхлипы. Слезы ручьем потекли по щекам. Я ничего не могла сделать. Мое тело оказалось надежной темницей.

– Прекрати, – грубо сказал Себастьян.

– Если я не дотронусь до нее... – он закашлялся. – Она задохнется.

Мои остекленевшие глаза болели. Зрение становилось мутным, их разговор доносился до меня будто издалека, эхом. Последнее, что я увидела – дряхлые руки, сомкнувшиеся на моем запястье.

19. Вниз по кроличьей норе

Свет повсюду: он пронизывает сочные листья оживших к весне деревьев, играет в темных волосах молодой женщины, что играет с малышкой. Я делаю шаг вперед, но ноги двигаются тяжело, будто своими движениями я разрезаю воду. Вокруг все так безмятежно, что мне хочется замереть на несколько секунд и впитать в себя все умиротворение. Взгляд падает на массивные белесый особняк. Он кажется так далеко. Фата-моргана.

Звуки искаженные, будто кто-то раз за разом проигрывает исцарапанную пластинку. Рваные, болезненные и режущие.

К женщине подходит темноволосый мужчина. Его лицо кажется отдаленно знакомым, будто я уже встречала его в своих путешествиях по лихорадочным снам. Лицо смазывается, искажается, будто по воде прошла рябь, а я силюсь разглядеть что-то на самом дне.

Я не могу уловить, что именно они говорят. Женщина резко отодвигает от себя малыша, от чего та падает и раскрывает рот в крике обиды. Она не ползет обратно к женщине, не смотрит на нее. Она одинока в своей боли, не ищет помощи. Слезы. Они текут и по моим щекам. В груди защемило, будто я потеряла какое-то важное воспоминание и никак не могла вспомнить. Оно было так глубоко в моей памяти, так болезненно, что сознание не давало мне пробиться сквозь

плотную защиту. В груди щемило. Я снова задыхалась.

Снова...

Я оглядела свои дрожащие пальцы. Где я вообще? Как я оказалась тут?

Ответов нет.

Очередной сон. Очередные загадки.

Женщина поднимается и сгребает подол пышного голубого платья. Она смотрит на мужчину хмуро, вся ее поза выдает напряжение. Мужчина же делает шаг к ребенку, за что тут же получает возмущенный удар по плечу. Женщина в ярости. Ребенок плачет. Мужчина застыл. Он не выдает никаких эмоций. Эта картина кажется такой неправильной, омерзительной до глубины души. Отчаянно мне хочется побежать к малышке, прижать ее к себе, укачать и успокоить, чтобы она вновь лучезарно улыбнулась и звонко рассмеялась. И я бегу. Однако как бы отчаянно я не старалась, мои движения медленны. Я без сил падаю. Тело не подчиняется мне: оно парализовано, заколдовано. От такой несправедливости мне хочется подобно ребенку заплакать, закричать, позволить боли уйти самой, вытечь из моего горла звериным рыком, слезами из покрасневших глаз.

Женщина качает головой, хватая малышку за руку, трясет ее, чтобы та успокоилась. В ее резких движениях сквозит явная злость. Девочка плачет еще пуще. Маленькими пухлыми пальчиками она пытается отцепить руку женщины, но получает удар. Пощечина. Малышка удивленно падает, мор-

гает, ее губы плотно сжаты, по покрасневшей щеке водопадом стекают слезы. Но она безмолвна. Боится. Боится получить еще порцию боли.

– Нет, – эти слова я могу произнести только у себя в голове.

Нетнетнет.

Короткое емкое слово отталкивается от стенок черепной коробки, вибрирует во всем теле.

– Она должна умереть! – надрывный крик женщины доносится до меня слишком отчетливо. Мужчина хватает ее за тонкие запястья и тащит дальше от ошарашенной девочки, что словно щенок смотрит им вслед.

Мир меняется стремительно. Водоворот красок размывает картинку, свет пропадает, а холодная тьма заливает все вокруг.

Все, что я вижу, – мои бледные руки, сжимающие раковину. Мое отражение в грязном зеркале ужасно. Прозрачная кожа светится в темноте бледным пятном, впалые глаза больше походили на зияющие смертельной пустотой глазницы старого черепа. Я коснулась пальцами впалой щеки, чтобы убедиться, что это действительно я.

Но мое отражение мои движения не повторяло, не поддавалось на уловки. Оно подалось вперед, будто стремилась преодолеть разделявшую нас зеркальную гладь.

– Эсте-е-ер... – донесся ее хриплый голос. Он был везде и нигде одновременно. Я приоткрыла рот, чтобы ответить,

но звуки пропали. Я беспомощно шевелила языком, напрягала горло, губы, но не выходило даже прохрипеть что-либо. – Несчастное дитя, рожденное быть сиротой. Жертва богам, агнец на забой... Сложно существовать, когда знаешь, что твоя жизнь неминуемо оборвется. Таково предназначение. Слушаться, подчиняться, покоряться. Нельзя идти против судьбы, дитя, – лицо постепенно менялось.

Зубы желтели на глазах, бледная кожа стала еще светлее, трещинами по ней пошли старческие морщины. Темные волосы слетали с обтянутого кожей черепа, голубые вены змеями проступали на запястьях, предплечьях.

Передо мной был старик. Немощный, хитрый обманщик. Я видела это по его взгляду. Видела по кривой надменной улыбке, обнажающей гнилые зубы. За личиной беспомощности скрывалась опасность. Самый худший враг – недооцененный.

– Пора просыпаться, Эсте-ер, – проговорил он.

***

Вдох. Огнем обжигает легкие, возвращает к жизни. Я хватаюсь за чью-то руку, будто это может помочь мне. Помочь мне вернуться в реальный мир.

Кошмары не преследуют невиновных.

Я их заслужила. Заслужила видеть смерть, заслужила просыпаться оцепеневшей от первобытного ужаса. Заслужила быть проклятой богами.

– Эстер, – обеспокоенный голос над самым ухом. Перед

глазами темнота. Я тяну пальцы на источник звука, судорожно ощупываю лицо. Прямо нос, острые скулы, волевой подбородок. Это Себастьян.

– Где я? – первый вопрос самый важный.

– Ты очнулась... – еле слышно произнес он. Его рука выскользнула, теперь я была одна в пустоте. В темноте. Я коснулась ладонями своего лица, пальцы потянулись к глазам. – Что ты сделал? – угроза, тихий, утробно рычащий голос. До меня донесся шум и тихая ругань. – Отвечай.

– Я-я... – голос сдавленный, будто кого-то схватили за горло. – Показал ей... Кое-что... Важное.

– Ложь! – шипение. Оно исходит отовсюду. Мороз шершавым языком лизнул кожу. Смертельный холод.

Зрение постепенно возвращалось. Сначала я смогла разглядеть мутные пятна голубоватого света, потом картина стала четче. Себастьян действительно держал старика за горло, а к нему настойчиво тянулись темные щупальца дыма. Он призвал духов. Я испуганно вжалась в заброшенный прилавок, чувствуя, как в лопатки впиваются гвозди.

Я не чувствовала жалости к немощному старику, тело которого с такой легкостью Ламарк откинул от меня. Темное, ранее незнакомое мне злорадство клочкотало в горле, губы растянулись в улыбке.

– Последний раз спрашиваю, – голос Себастьяна больше походил на отрывистый рык. Я была счастлива, что никогда не слышала такого в свою сторону, потому что даже сейчас,

прекрасно осознавая, что он защищает меня, мне хотелось сжаться в комок или вообще убежать подальше. – Ты сам знаешь, на что я способен.

– Non tam facile parricidium excusari potest, quam fieri Не так легко оправдать братоубийство, как совершить его... – старик зашелся от смеха. Длинными костлявыми пальцами он обхватил запястье Себастьяна и... растворился в воздухе. Ламарк налетел на старый прилавок и со злости пнул его, оглядываясь по сторонам.

– Выродок, – выплюнул он.

Впервые я слышала как он ругается. По правде говоря, впервые я видела его настолько взбешенным. И мне было страшно. До жути страшно. Когда тьма вокруг Себастьяна рассеялась в воздухе, он медленно обернулся и подошел ко мне, протягивая руку. Я не спешила принять жест помощи.

– Как он это сделал? – мой голос звучал хрипло, с надрывом.

– Фидеус – плод кровосмешения. Изгой в нашем мире. Ему достались способности хранителя, темного и семейное безумие. Он никогда не учился в академии, только штудировал фамильную библиотеку, полную запрещенных книг. Сила вкупе с сумасшествием опасна. Однако честными способами войну не выиграть, – грустно произнес Ламарк.

Я с сомнением ухватилась за протянутую ладонь и поднялась на ноги, стараясь абстрагироваться от пульсирующей боли в висках.

– Что он сказал на латыни? – спросила я. – Я не так сильна в этом, редко занималась с темными или некромантами, – очередной пробел в знаниях.

– Бессмыслицу, – стальной тон, плотно сжатые челюсти. Себастьян лжет. Откровенно лжет и даже не старается делать это правдоподобно. Его мысли витают далеко. – Что он с тобой сделал?

– Я... Видела что-то. Это было не видение, не пророчество, нечто иное. Будто чьи-то воспоминания, а потом наставления, – с сомнением произнесла я, прокручивая в голове произошедшее. – Это было вовсе не похоже на то, как выглядят видения. В них я чаще всего нахожусь в эпицентре, могу свободно перемещаться, делать что-то...

– Например, вырвать страницу, – задумчиво кивнул Себастьян.

– Да... Тут я будто была заперта. И все вокруг было таким нечетким, а потом... Сон изменился. Мне показалось, что он старался вложить мне в голову одну мысль...

– Фидеус – манипулятор. Все, что он говорит, – ложь. Единственное, в чем он честен, это его... бизнес.

– Бизнес, – повторила я, будто могла понять значение этого слова.

– Он торгует запрещенными травами, существами, книгами и заклинаниями. Не так, как другие, – Ламарк неопределенно указал рукой в сторону входа. – Он может достать действительно стоящие вещи.

– И что тебе у него нужно было? – поинтересовалась я. Раз уж мы работаем в команде, я имею полное право знать правду. Я устала жить в неведении, выполнять четко заданную роль в чьей-то игре, не видеть полной картины, не иметь выбор.

– Я использую достаточно сильные заклинания, – уклончиво ответил он. – Мне нужно восстанавливать энергию, защищаться от сильных духов.

– Не особо подробно, – проворчала я, отряхивая джинсы.

– Ты тоже не рассказала, что ты видела, – парировал он. – Пытаешься разобраться во всем сама... По кусочкам собираешь информацию то от одного, то от другого. Но не понимаешь, что полной картины так не собрать. Все лгут, Эстер. Не лги хотя бы самой себе, – он направился к выходу, а мне пришлось поспешить за ним. Остаться в одиночестве в этом мрачном месте мне вовсе не хотелось.

***

В машине Себастьян включил музыку на своем дисплее. Я усиленно вслушивалась в слова на незнакомом языке. Раньше мне не доводилось слышать такие песни. В них были слова, иной ритм, странные звуки. На коленях у меня покоился картонный пакет, где в небольших коробочках лежала еда, которую мы собирались привезти на ужин. Пока мы ездили в Париж, Шон в одиночестве исследовал книги в библиотеке. Однако мне кажется, что такой расклад событий его вполне устраивал.

Сначала некромант казался мне озлобленным, грубым и отстраненным, потом же я поняла, что это вовсе не злость. Он прямолинеен, не привык подбирать слова, искать мягкие выражения, общаться с людьми. Шон говорил как думал, иногда делал поспешные выводы, иногда раздражался. Возможно, лучше, когда говорят все сразу в лицо, а не копят днями, месяцами или годами обиду, что в любой момент может вылиться наружу. Его грубость – его освобождение.

Однако это все вовсе не значило, что Шон стал для меня приятным собеседником.

В замке было достаточно холодно. Светлая фигура Хайдса, на плече которого неизменно извивалась Аквилла, уже приветствовала нас в просторном холле.

– Себастьян, – произнес он, скользя по нам взглядом. – Скажи мне, что вы не ездили в Париж к Фидеусу.

– Нет времени медлить, – устало бросил Ламарк, проходя в сторону комнаты, что, по всей видимости, превратилась в столовую. – Все прошло терпимо.

– Ты повел ее к Фидеусу? – теперь в голосе явно читалось раздражение и искреннее удивление.

Мне было крайне неприятно, когда обо мне говорили в третьем лице, но я уже привыкла проглатывать горечь обиды. Во мне не было столько равнодушия и мужества, чтобы постоять за себя.

– Нашел что-то? – мотнул головой Себастьян. – Я сам не знаю, что произошло, но, надеюсь, Эстер решит поделиться

этим за ужином.

– Нашел, – глаза Хайдса сверкнули. – Даже больше, чем рассчитывал. Мы на верном пути.

Я ошарашенно повернулась. По правде говоря, я вовсе не ожидала такого быстрого прогресса. Мне казалось, что еще долгие месяцы мы будем безуспешно биться к причудливой загадкой, но слова Шона не обрадовали меня, а повергли в страх. Если события развиваются настолько стремительно, значит и исполнение моих видений ближе, чем я надеялась.

20. Адские гончие

Ужин проходил напряженно. Шон то и дело бросил раздраженные взгляды на Себастьяна, а тот делал вид, что не замечает этого. До этого Хайдс успел высказать все, что думал насчет нашего маленького путешествия. Маска спокойствия, что он с таким удовольствием носил все время нашего знакомства, с треском слетела, обнажив истинную злость, клокодавшую внутри. Я так и не поняла, что именно вызвало в нем такую ярость.

Мне пришлось рассказать о своем видении. Я силилась избегать подробностей, от которых меня до сих пор бросало в дрожь. Себастьян с Шоном переглянулись.

– Как думаешь, почему он тебе это показал? – осторожно спросил Ламарк.

– Я не могу понять причину, – я нахмурилась. – Он хотел меня напугать или... Предостеречь?

– Эстер... – Шон вздохнул и откинулся на спинку стула. Он убрал назад светлые волосы, падавшие на нахмуренные брови. – Как ты думаешь, кто был тем ребенком?

Я замерла. Не могу сказать, что эта мысль не посещала меня, но я так усердно выгоняла ее с задворок своего разума, что сейчас она повергла меня в шок. Мне было приятно думать, что мои родители любили меня. Искренне любили, заботились, ждали. Оставили лишь потому, что выбора ино-

го не было. Желали увидеть меня, вернуть время назад и поменять свое решение, попытаться сохранить семью. Порой перед сном я представляла, как родители с любовью гладят меня, смотрят на мое сонное умиротворенное лицо, а потом плачут, потому что знают, что им придется со мной расстаться, жалеют об этом и мечтают, чтобы все сложилось иначе.

Но я понимала с самого начала, как только почувствовала странную душевную связь с малышкой, что это я. Я тот самый ребенок, сдерживающий слезы обиды на солнечной лужайке. Отвергнутый и брошенный. Ненужный. Лишний.

– Шон, – предостерегающе бросил Себастьян. Его взгляд выражал нечто мне непонятное. Будто он знал что-то, но так стремился сохранить в секрете, что даже намек на раскрытие тайны вызывал в нем волну неприязни.

– Достаточно, – я бросила вилку на тарелку и посмотрела на магов. Теперь я тоже чувствовала это – раздражение. Оно коварным вирусом заразило меня, подчинило. – Вы все скрываете и скрываете. Мне надоело. Надоело это все, – я сжала губы и поднялась со стула. – Теперь оказывается, что даже вы знали, кто я. Может быть, вы даже знаете, кто мои родители? – сделав вдох, я попыталась вернуться в спокойное состояние. – Вы точно такие же, как Мортиус. Говорили мне, что он использует меня, но делаете то же самое... Вы...

– Эстер, – прервал меня Шон. – Ты права. Мы знаем. Однако мы не говорим, потому что твои родители сами не хотят этого, – произнес Хайдс. – Это может быть неприятно,

но это так.

Я медленно села обратно на стул. Ноги онемели. Вот так, буквально за несколько секунд, мое сердце разбилось. Мои родители не мертвы, не ищут меня. Они просто отказались от меня. И я это видела. Видела, какое отвращение вызывала у них. Возможно, в этом есть доля моей вины. Может быть, я слишком много плакала или вела себя непослушно. Чем я в таком раннем возрасте заслужила ненависть родителей? Почему они били меня, отталкивали? На глазах навернулись слезы. Теперь я понимала, почему чувствовала себя так отвратительно. Почему от вида бедной малышки мне самой хотелось плакать от обиды.

Взгляд Шона будто смягчился. Я не замечала за ним такое, но даже его жесткие и острые черты лица сейчас казались такими приятными.

– Фидеус знал твоих родителей, узнал и тебя, – тихо произнес Себастьян. – Он безумен. Любит причинять людям боль, смотреть на страдания. Он питается ими, наслаждается.

– Поэтому опрометчиво было идти к нему с ней, – Шон не упустил возможности уколоть друга. – Однако могло сложиться и хуже.

– Ты ведь не из-за этого злишься, – устало бросил Себастьян. – Это Мэй. Ты все еще не можешь простить мне. Не можешь понять, что иногда иного выбора нет. Приходится идти на жертвы. Хотя ты, как никто другой, должен это по-

нимать.

– Сейчас выбор был, – Шон оскалился.

– Не об этом, – напряженно ответил Ламарк. – Что ты узнал?

Шон выдохнул, сжал ладонь в кулак. Аквилла, треща позвонками, обвила плечо хозяина и пристроила пустой гладкий череп на его шею, будто целуя любимого хозяина.

– Я проверил несколько книг, пока не понял, что надо просто сделать то же самое, что сделали мы с первой частью предсказания про жнеца. Я перевел слова на французский. Сначала попытался перевести целую фразу, ничего не вышло. Не нашел. Потом перевел отдельные слова.

– Имена... – в глазах Себастьяна загорелся огонь. Он зловеще улыбнулся.

– Верно. Я проверил архивы с прошлой охоты. И нашел те же фамилии. Корнет Плиер и Пьер Жен. По поводу видений Эстер... Круг крыс, защищенных ведьмиными мешочками – это академия с защитным куполом. Крысиный король – студенты и Мортиус. Они тесно переплетены друг с другом, никто не может уйти. Крысы, которые бегут прямо по защите – другие маги, которые ищут убежище. А Эстер была угрозой, охотником. Ее следующее видение – мужчина со шрамом, горящие тела... Один из возможных исходов. Три тела в подвале – три жертвы для проведения ритуала.

– Погибла только Синтия, – возразила я.

– Нет, – в один голос ответили Себастьян с Шоном. Они

переглянулись и оба замолкли. – Прямо перед нашим уходом было еще две жертвы. Обе с ведьмиными мешочками в горле.

– Кто-то готовит сильное заклятие, – выдохнула я.

– Мортиусу нужно много сил, чтобы установить купол. Неудивительно, что он пошел на жертвы, – приподнял бровь Ламарк. – Он готов сжечь весь мир, чтобы спасти свою академию.

– Он назвал тебя чудовищем, – тихо произнесла я. – Тогда мы были в кабинете, он просил перестать общаться с вами...

– Он прав, – прервал меня Шон. Себастьян смотрел прямо перед собой, сжимая в руке салфетку.

– Чтобы одолеть чудовище, нужно самому стать чудовищем, – произнес он медленно, размеренно. – Никого не волнуют твои желания, когда на кону стоят тысячи жизней. А победить в этой войне невозможно, если ты не готов пожертвовать всем.

– Кто такая Мэй? – прямо спросила я. Не раз уже это имя призраком мелькало в разговорах, заставляло обоих мрачнеть.

– Мейлин Ламарк. Моя сестра.

– Мне даже интересно, как ты себя оправдаешь, – он сощурился. Хищно, зло.

– Нас схватили в родовом поместье несколько месяцев назад. Пытали. Не физически, нет. Они использовали иные методы. Пытались узнать, где найти остальных магов, вынуж-

дали пособничать. Мы ждали. Больше месяца ждали помощи, думали, что наши друзья или родственники придут спасти нас, но никто так и не появился. Это был ад. Нет. Это не ад обрушился на землю. Это мы, наивные и юные, только смогли взглянуть правде в глаза. Наш мир с самого начала был адом. Сильные всегда возвышались над слабыми. Они всегда решали, жить нам или умереть. Неважно, охотники, верховные маги... Я мечтал стать таким же. Обрести силу и могущество. И тогда я понял, что сила и могущество требуют жертв. Требуют отказаться от всего, что ты знаешь и любишь, распять себя, выпотрошить и стать сосудом для новой силы. Я понимал, что в конце концов охотники устанут тратить силу в пустоту. Они убьют и меня, и Мэй. Мне пришлось. Пришлось принести свою первую жертву, чтобы получить энергию для освобождения. Она была не против, сама умоляла меня об этом, потому что была слишком хрупка для такого. Ей было приятнее умереть от рук брата, чем от ножа охотника. Она – моя цена за свободу.

– Цена за свободу, – Шон покачал головой. – Вот как ты думаешь о ней.

– Будто я не знаю, что ты с малых лет любил ее. Не забывайся. Я был ее старшим братом, берег ее с младенчества. Держал ее тело на руках, когда она была беззащитна перед всем миром. Тогда я поклялся себе защищать ее до самого конца. И не смог. Думаешь, мне легко от этого? – Себастьян повышал голос. Его обыкновенно бледное лицо чуть покрас-

нела то ли от злости, то ли от накатывающих слез. – Я видел ее взгляд в самом начале и в самом конце. И это будет преследовать меня во снах до самого конца моей жизни. Это мое проклятие и наказание. Это моя цена за жизнь. Поверь мне, я бы отдал все, чтобы она жила счастливо и долго в лучшем мире, но оставлять ее одну посреди этого безумия было бы жестоко.

– Поэтому взял ее на поруки, – криво усмехнулся Шон, кивая в мою сторону. Я вздрогнула. Сердце, словно недобитая собака, скулило, жалось к ребрам. Чувств было слишком много, чтобы вынести, поэтому пришло опустошение. – Она ведь копия Мэй. Ты будто этого не видел.

Я суррогат. Симулякр. Замена его сестры. Поэтому он так заботится, поэтому взял с собой, оберегал. Поэтому Шон так странно смотрел на меня в самом начале. Я отражение призрака. Они оба любили ее. По-разному, но сильно. Стало совсем пусто внутри. Мне было так приятно ощущать себя особенной, но сейчас я лишь чувствовала себя использованной, обманутой и грязной.

– Причина не в этом, – сдержанно ответил Ламарк. Он уже успел взять себя в руки. – Ты сам знаешь, что нам не победить, если мы будем постоянно убегать и прятаться. Рано или поздно они придут. Они всегда приходят. Приносят смерть в наши дома, танцуют на костях, измываются и смеются. Они – грязные отродья, недостойные топтать эту землю. Они не достойны даже лежать в ней. Каждый из этой адской своры

должен стореть дотла. Я хочу видеть, как они будут страдать. За меня, за каждую ведьму, за каждую разрушенную семью. За Мэй. Я сожгу весь мир, если понадобится, но возмездие свершится.

Шон сжал челюсти. Я ощущала себя совершенно лишней в этом разговоре, хотела поскорее уйти, закрыться за тяжелыми дверьми в крохотной промозглой комнатке, закутаться в одеяло и представить, что все как обычно хорошо.

Но этому не суждено сбыться.

Я поднялась и прошла вдоль комнаты, касаясь каменных стен. Много веков они впитывали в себя чужие разговоры, горе, радости. Хранили так много воспоминаний и тайн, но вынуждены были молчать, хранить секреты бывших хозяев до самого конца.

Я остановилась возле окна и вгляделась в темноту, укутавшую крохотные домики. Звезды в небе не были видны так хорошо, как возле озера у академии. Зато были светлячки. Я замороженно смотрела на горящие красно-оранжевые огоньки, будто пламенные всполохи, мерцающие на горизонте. Снова в мыслях был тот самый роковой момент ночной прогулки с Себастьяном. Для себя я решила, что именно тогда безвозвратно впуталась в липкие сети. Именно тогда мои мысли впервые за долгие годы вышли за рамки обычных меланхолических стенаний, обыденных дел.

Огоньки плясали, постепенно увеличиваясь, будто строй светлячков подлетал все ближе. Я сощурилась, изо всех сил

вглядываясь в черноту.

Было что-то странное в этом. Что-то тревожное, пробуждающее первобытный ужас, запускающее защитный механизм. Я отпрянула от окна и оглянулась на хмурых магов, делавших вид, что они слишком уж увлечены своим почти доеденным ужасом.

Я не хотела делиться своей тревогой. Это казалось неуместным, надуманным, а обстановка и без того оставляла желать лучшего. Закусив губу я вернулась к своему наблюдению за таинственными огоньками.

Они двигались по парам, будто кружили в романтическом вальсе, подпрыгивая вверх-вниз.

Двигались по парам...

Я втянула в себя воздух и прильнула ближе к окну, приложив руку к холодному запотевшему стеклу, чтобы убрать блики зажженных в столовой свечей.

– Шон... – сдавленно проговорила я. Сердце колотилось где-то в горле. – Себастьян...

– Что такое? – устало спросил Хайдс и поднялся. В несколько шагов он подошел ко мне. Его ледяное дыхание лизнуло затылок, и без того покрытый мурашками.

– Что это такое? – я ткнула на огоньки.

– Адские гончие... – он схватил меня за предплечье и оттянул от окна. – Надо бежать.

21. Страх

Страх, словно радиация, меняет тебя генетически.

Я цепляюсь за плечо подошедшего Хайдса, словно он может меня спрятать, защитить, спасти. Силюсь найти хотя бы какой-то островок безопасности в стремительно разворачивающемся безумии. Легче не становится. Я прекрасно чувствую ужас, обуявший всех в комнате. Мне кажется, его можно даже увидеть. В ледяных глазах Себастьяна, в побелевшем лице некроманта. В моем собственном отражении в грязном стекле. Он повсюду.

– Есть силы на ритуал? – быстро спросил Шон, не сводя глаз с горящих огней глаз адских гончих. – Защита, телепортация... Что угодно... – Хайдс отодвинул меня за свою спину.

– Нет. Без жертвы не получится, – Себастьян мельком выглянул в окно.

Маги переглянулись, некромант крепче схватил мое предплечье и побежал к выходу. Резкая боль пронзила сустав, и я бросилась за Шоном. Себастьян собирал в холщовый мешок взятые у Фидеуса вещи. Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди, но вопреки моим ожиданиям, страх не парализовал меня, а лишь придавал сил. Я чувствовала, как мои ноги становятся сильнее, легкие вместительнее. В голове была абсолютная пустота, лишь пульсировала единственная мысль:

«бежать».

Мы не забирали вещи, теплую одежду, обувь. Ничего. Все это было так неважно, пусто. Мы бежали наперегонки со смертью налегке.

Шон распахнул дверь, машина жалобно пискнула и засветилась. Мои носки промокли, когда я наступила в лужу. Нога заскользила, от неминуемой встречи с влажной землей меня спасли крепкие руки Хайдса.

– Не падай, – грозно бросил он и рывком поднял меня, словно я была тряпичной куклой или марионеткой, соскользнувшей с нитей кукловода. Пустая, неправильная, поломанная.

Себастьян резко открыл двери, затолкнул меня внутрь и побежал вперед. Я не чувствовала себя в безопасности, не доверяла механизмам. Гораздо надежнее было бежать, использовать магию. Спасать себя привычными мне средствами, а не ощущать себя беспомощной, оставленной на волю случая. А судьба никогда не была благосклонна ко мне. Однако все уже были на местах, а автомобиль заурчал. В этот раз звук казался угрожающим, похожим на утробный рык. Машина резко дернулась с места, а я ударилась о спинку сидения.

– Пристегнись, – скомандовал Шон.

Я растерянно посмотрела на ремень, вспоминая уроки Себастьяна. Машину бросало влево и вправо, она двигалась рвано, будто в агонии. С трудом мне удалось застегнуть за-

мок. Тут же руки мертвой хваткой вцепились в сидение.

– Включи фары, а то мы умрем раньше, чем они нас найдут, – бросил Хайдс. – Живая? – он обернулся ко мне, оглядывая.

Я сдавленно кивнула, пытаюсь проглотить ком в горле. Внезапно некромант засмеялся. Звонко, надрывисто, заразительно. Теперь смешки срывались и с моих губ.

– Всевышний... – пробормотала я и прикрыла глаза, стараясь успокоиться.

Теперь машина освещала гравиевую дорогу лужами желтоватого света. Мелкие ямы резко выныривали из темноты и бросались под колеса.

– Я думал, тебя придется тащить, – выговорил Шон, когда приступ смеха наконец прошел. – Ты... молодец... – последнюю фразу он произнес тихо, еле слышно. Сначала я даже подумала, что мне это послышалось. Глупая улыбка не сходила с лица. – Вовремя заметила их.

– Надо было устанавливать защитный купол, – в голосе Себастьяна я отчетливо слышала метал. Если для Шона наш побег был выбросом адреналина, то Ламарк наверняка вспомнил долгие дни в плену у охотников. Вспомнил смерть сестры.

– Опасно, – бросил Шон.

Я сморгнула слезы, пришедшие взамен истерическому смеху. Дрожащими руками обхватила себя. Я задыхаюсь. Горло болезненно сжалось, а на грудную клетку будто упал

тяжкий груз весом в тонну, не меньше.

– Все будет нормально, – голос Ламарка смягчился. Он не оборачивался, но я видела его сосредоточенный взгляд в маленьком зеркальце перед стеклом.

– Клянешься? – хрипло спросила я, цепляясь за обнадеживающие слова.

Молчание. Такое тяжелое и долгое. Я разочарованно сжала соленые губы. Пустые слова, хрупкие оболочки, дырявые кандалы обязательств. Все одно и то же.

– Я клянусь, – ответил Шон.

Я вовсе не ожидала поддержки от него. Он всегда был таким отстраненным, раздраженным и холодным, что мне искренне казалось, что он вполне может накричать на меня за то, что я чуть не упала или медленно бежала. Его похвала и внимание обескураживали. На мгновение я даже прекратила плакать. Мы редко общались с Шоном, чаще он смотрел на меня более брезгливо, чем на труп крысы, благодаря которому мы начали общаться в первый же день нашего знакомства. Фатальная череда совпадений, долгая цепочка, что вела к этому моменту.

– Никогда не давай клятвы, которые ты не в силах сдержать, – бросил Ламарк.

Я тут же прикусила кончик языка, вспомнив, что он говорил всего полчаса назад. Вспомнила его рассказ о Мэй, о его обещании защищать ее во что бы то ни стало. Вспомнила, что ему пришлось убить ее.

– Не надо меня недооценивать, – холодно ответил Хайдс. – С тобой моя клятва. Ты ее заслужила, – он всматривался в мое лицо, а я нашла в себе силы лишь кивнуть. Меньше всего сейчас хотелось думать о чем-либо. Короткий выброс адреналина забрал последние силы. Я чувствовала слабость в теле после телепортации и происшествия с Фидеусом.

Машина резко остановилась. Я встрепенулась и заглянула вперед.

– Выродки... – выплюнул Себастьян и закрутил руль. Машина жалобно застонала, будто противясь воле хозяина.

Прямо перед нами стояли огромные мускулистые собаки. Я увидела их лишь на мгновение. Мускулистое голое тело, оскаленные пасти, короткие острые уши, напряженные лапы. И горящие огнем глаза. На секунду мне почудилось, что я в одном из своих самых жутких видений. Стоит лишь проснуться. Однако это был не кошмар. Я прекрасно помнила, как попала в машину, во Францию, ощущала себя иначе. Быть может, я просто схожу с ума? Это не может быть реальностью. Я привыкла видеть смерть, чувствовать ее запах, но ее липкое дыхание на коже для меня было чем-то новым.

– Сбей их! – надрывно закричал Шон. – Они загоняют нас!

– Бесполезно, – коротко ответил Ламарк, машина свернула на неровную дорогу.

– Ты тут быстро не проедешь, ты... – Шон ухватился за

сидение и выругался, когда машину подбросило на кочке. Хайде выглянул в окно и сжал челюсти. – Это ловушка.

– Поэтому нельзя ехать прямо, – бросил Себастьян.

Я обернулась назад. Горящие огни везде. Они рассеивают тьму, но не несут света. Огни повсюду. Яркие, мерцающие, дрожащие. Мы будто оказались прямо в небе в окружении крохотных звезд. Звезд, готовых вот-вот взорваться, унести наши жизни в вечность, разбросать наш прах пылью в каждый уголок необъятного мира.

И взрыв происходит. Закономерно. Ожидаемо.

Гончая приземляется своим тяжелым телом прямо на стекло, валит серый дым. Прекрасное зрелище. Достойное, чтобы стать последним. Осколки стекла летят во все стороны, мощные лапы, усыпанные порезами, уже прижимают Себастьяна к сидению.

Рядом с Шоном появляется еще одна морда. Злобная, оскаленная. Белые клыки блестят в темноте. Белые клыки впиваются в плоть, окрашивая фарфоровую кожу некроманта темно-алым. Черный, белый и красный. Они сплелись воедино в этой страшной картине.

Это сон. Очередной больной сон, который закончится лишь с моей смертью. Это решение, проверенный метод. Я не боюсь умереть. Я умирала десятки раз, смогу еще один. У меня в запасе всегда был тот самый «еще один раз». В голове на секунду мелькает сомнение: что, если это реальность? Что, если за пару дней моя жизнь настолько сильно измени-

лась, что я действительно могу сидеть в дымящейся машине посреди свежевспаханного поля, окруженная адскими гончими? Такого быть не может. Не со мной. Не сейчас.

Дрожащими пальцами я отстегиваю ремень. В ушах засел противный высокий писк. словно оглушенная я открываю дверь бесполезной машины и вываливаюсь наружу. непонятно, где сейчас опаснее. Колени касаются рыхлой пахучей земли. Ватные ноги разгибаются и сгибаются. Я не чувствую ничего кроме рваного движения мышц. Наверное, я бегу. Наверное, навстречу верной смерти.

Но теперь впереди не только глаза. Силуэты. Две темные фигуры, наблюдающие за всем из темноты, будто режиссеры пьесы смотрят на работу актеров. Позади меня крик. Крик, заполняющий каждую клеточку моего тела. Мое имя. Оно откликается мне, пульсирует в сознании и импульсами отдается в тело. Я не хочу смотреть. Не хочу увидеть окровавленные и разодранные тела своих новообретенных друзей. Я хочу пить какао в столовой и никогда в своей жизни не покидать академию. Хочу проснуться.

Они движутся прямо ко мне. В тусклом лунном свете я вижу знакомое лицо. Лицо, что я уже встречала в своем видении. Лицо со шрамом.

Я замерла, словно испуганный олень в прицеле охотничьего лука. Мгновение в ожидании конца. Оно длится бесконечно. Мужчина шевелит губами. Наверняка он говорит что-то. Наверняка это предназначается мне. Но я глуха, нема.

Боль. Она отрезвляет, но в то же время заставляет забыть-ся. Щупальцами она обвивает мои запястья, стянутые колючей веревкой. Сотни крохотных игл впиваются в кожу. Я закрываю глаза, готовая вынырнуть. Но сон не кончается.

– Будешь молить о пощаде? – голос. Низкий неприятный голос пробивает защиту, так кропотливо выстроенную моим безумным сознанием.

– Я не просила у богов ни любви, ни мести, ни зерна. Я любима, отомщена и облачена в маковые поля .

Эта фраза – последняя. Мне была оказана высшая честь умереть с ней на устах. Как умирали наши предки. Гордо, смело встречая смерть как равного себе. Не раз я читала эту фразу в книжках и учебниках. Ее героически произносили ведьмы на пылающих кострах, высшие маги перед смертельным ритуалом. Теперь произнесла и я.

И наступила темнота.

22. Иллюзия

Я действительно проснулась, в замке. Несколько секунд после того, как я открыла глаза, голова была совершенно пустой. Никак не получалось вспомнить, почему все тело болит, что вообще происходило накануне вечером. Несколько блаженных секунд закончились слишком быстро, когда я обернулась и заметила, что вовсе не одна в просторной гостиной. В свете трескучего камина я заметила Шона и Себастьяна. Оба были без сознания, привязаны к стульям. Ровно как и я.

Попытка освободить руки оказалась безуспешной, принесла она лишь порцию новой боли. Колючие веревки сильнее впились в запястья.

Воспоминания возвращались. Стремительный побег, авария, адские гончие, лицо охотника со шрамом, темнота. Все произошло так быстро и стремительно. Всего полчаса изменили мою жизнь, толкнули меня на край бездонной пропасти смерти, что я так часто безрезультатно исследовала в своих жутких снах.

Вокруг нас был очерчен круг, по краям которого располагались небольшие деревянные миски. Мне сложно было разглядеть, что находилось внутри, но что-то подсказывало мне, что ничего хорошего я там не увижу.

Белая рубашка Себастьяна была испачкана в крови. В него

вцепилась гончая. Впрочем, меня радовало, что он хотя бы был жив. Как и Шон. С горечью я вспомнила клятву, что дал мне Хайдс. Клятву, что так иронично была нарушена слишком быстро.

Ламарк зашевелился, с трудом поднимая голову. В свете огня я видела, что его побледневшая кожа покрыта слоем пота.

– Себастьян, – произнесла я, привлекая его внимание. Он медленно повернулся, преодолевая боль. По его лицу я видела, как сложно ему это дается.

– Ты жива, – прошептал он. Оглядевшись вокруг, он зажмурился. – Только не снова...

В себя начал приходить и Шон. Он резко задергался в попытках освободиться от оков, но потерпел неудачу. Я четко видела его оскал.

– Где Аквилла? – первое, что спросил он.

– Я думаю, у нас проблемы серьезнее, – проговорил Себастьян. – Они уже приходили?

– Я только очнулась... Не знаю, – ответила я, мотнув головой. Меня пугала неизвестность. Я многое слышала о пытках охотников, но сейчас, четко осознавая, что мне придется испытать это на своей шкуре, я ощущала лишь опустошение.

Себастьян закрыл глаза, его губы задвигались в беззвучном заклятии. И ничего не произошло. Он будто этого и ожидал. На его лице не было разочарования, лишь принятие.

– Нам нужно думать, как спастись, пока они нас не разде-

лили, – произнес он. – В этом кругу мы бессильны.

– Как ты выбрался в прошлый раз? – задался вопросом Шон. – Я никогда тебя не спрашивал в подробностях, но сейчас самое время.

Дверь распахнулась. Мы все тут же смолкли и устремили взгляды на вошедшего мужчину. Я узнала его сразу. Его лицо было знакомо мне уже давно, а после вчерашнего надежно отпечаталось в памяти. Он довольно улыбнулся, размеренным шагом гуляя вокруг начерченного круга. Его взгляд блуждал то по моим спутникам, то по мне.

– Дьявольское отродье, – произнес он и плюнул на пол. Я сжалась, проклиная себя за все опрометчивые решения, принятые мной за последний месяц.

Мужчина перешагнул круг и направился прямо ко мне. Выпрямив спину, я вздернула подбородок, смотря прямо в его лицо, искаженное отвращением. Охотник остановился прямо рядом, разглядывая меня вблизи, его большая грубая рука коснулась моих растрепанных волос, убирая их от лица. Со стороны могло бы показаться, что это нежный жест, но я кожей ощущала всю угрозу, что исходила от мужчины.

– Ты у нас кто, птичка? – с мерзкой улыбкой спросил он. Я сжала челюсти, заключая в тюрьму поток проклятий, метавшихся на языке. – Молчишь, значит... – его пальцы с силой сжали мои волосы на затылки. Он оттянул мою голову назад, рассматривая со всех сторон. – Ничего, у нас есть много способов заставить тебя говорить и кричать...

Я не сдержалась и плюнула ему прямо в лицо. Отчего-то вид слюны, стекавшей по его дрожащей от ярости щеке вызвал у меня небывалое ликование, которое, впрочем, продлилось недолго. От звонкой пощечины в ушах зашумело. Я закашлялась, смаргивая слезы.

– Невоспитанная тварь, – он стер с лица мой плевок и нанес еще один удар, в этот раз по животу. Я зажмурилась, пытаясь сдержать стон боли. В легких не хватало воздуха. Пару мгновений я заново училась дышать.

– Оставь ее, – рыкнул Хайдс. – Она анимаг. Превращается в лисицу.

Я отдышалась, прокручивая в голове его ложь. Охотник разочарованно хмыкнул и отошел на шаг, снова разглядывая меня уже без особого интереса. Мужчина направился к Шо-ну и склонил голову набок.

– Ты разговорчивее... Некромант, – произнес он. – Нашли мы твою змею. Такая хрупкая была... – он с напускным сожалением покачал головой и повернулся к Себастьяну. – А у тебя лицо знакомое.

Охотник вытащил нож и провел им по щеке Себастьяна, едва касаясь лезвием кожи. Я втянула в себя воздух, не в силах отвернуться. Ламарк оставался спокойным, смотрел прямо перед собой, молчал. Лишь по его глазам я могла понять, что он находится на самой грани. Не церемонясь, охотник разрезал рубашку и откинул ткань.

– А вот и клеймо... Темный маг.

Я с удивлением увидела на груди Себастьяна небольшой шрам, похожий на неказистый треугольник. Розовая натянутая кожа выглядела так, будто эту метку нанесли чем-то раскаленным. Клеймили как животное.

Охотник провел лезвием от груди до подбородка, оставляя тонкую красноватую полоску, на которой бутонами расцветали капли крови.

– Как ты сбежал? – он наклонился вперед, надавливая лезвием на тонкую кожу. – Ничего, от меня еще никто не уходил, – он улыбнулся, будто действительно гордился тем, что убил столько невинных ведьм. – Таких, как ты, я ненавижу больше всего. Девка еще безобидная, можно даже оставить себе, как зверушку, если будет вести себя хорошо. Если нет, что же... мои гончие хорошо загоняют лисиц, – он отошел на шаг, смотря прямо на меня. – А чтобы ведьма не шептала проклятия перед смертью, ей стоит отрезать язык. Все равно она неразговорчивая.

В моих венах застыла кровь. Я не могла пошевелить и пальцем. Распахнутые глаза болели, от ужаса слова застряли в самом горле, душили. Охотник перехватил поудобнее нож и широкими шагами направился ко мне. Я плотнее сжала челюсти, не кричала, не молила. Все это бесполезно.

Его грубый горький палец распахнул мои губы. Я зажмурилась, чувствуя как предательские слезы заструились по щекам. Я не хотела видеть его лицо, не хотела видеть блек ножа. Однако я все равно чувствовала холод лезвия рядом

со своим лицом.

– Открой рот пошире, а то останешься еще и без зубов, – угрожающе рыкнул он. – Ведьмины зубы хороший трофей...

Он на секунду замолчал и убрал нож. Я тяжело задышала, все еще не рискую смотреть. Мне казалось, что стоит мне это увидеть, я не выдержу. Мое тело тряслось, но я изо всех сил силилась скрыть это, не показывать слабость. Меня учили быть гордой, с достоинством нести бремя и дар моих способностей. И я хотела прожить так до самого конца. Без позора и сожаления.

– Открой глаза, – мягко сказал охотник. Обманчивая ласка хищника, готового в любой момент разорвать жертву в клочья. – По-хорошему с тобой разговариваю. Иначе придется отрезать тебе веки, – все тем же нежным тоном продолжал говорить он.

– Эстер, – тяжело дыша, произнес Шон. – Открой.

Он поклялся, что все будет нормально. Клятва, данная магом, не должна быть нарушена. Иначе это повлечет слабость, уязвимость или безумие. Магия не любит лживые обещания. Поэтому я осторожно приоткрыла глаза.

– Смотри, – охотник вытащил из кармана нить, унизанную зубами. Некоторые из них выглядели старыми, пожелтевшими, другие же были совсем маленькими, будто молочными. Там были и детские зубы. Меня тошнило. – Я беру по одному от каждого, – он безумно улыбнулся. Сумасшедший.

Я вскинула голову и сощурилась, всматриваясь в лицо

мужчины, будто могла сжечь его заживо одним своим взглядом. Будто моей ненависти бы хватило на это.

– Но язык тебе еще пригодится, птичка, так что сейчас мы его трогать не будем, – он снова погладил меня по щеке, странно улыбаясь.

Охотник зашел за мою спину. Я тревожно обернулась на магов. Они неотрывно следили за его действиями. Лицо Себастьяна исказила гримаса ярости. Нахмуренный лоб, верхняя губа чуть дернулась в зверином оскале. Плечи мага были напряжены, кулаки, связанные сзади, плотно сжаты, а костяшки пальцев побелели. Шон же вернул себе маску спокойствия. Его ровное безжизненное лицо тонуло в полутьме гостиной. Хотела бы я также абстрагироваться от всего происходящего, возвести вокруг себя плотную защиту и пропасть, оставив только жалкую слабую оболочку, которую оказалось так легко подчинить чужой воли.

Путы, связывавшие меня, спали. Я удивленно пошевелилась, но грубая рука тут же болезненно сжала мое запястье.

– Тебе лучше не делать глупостей, – прошептал он над самым моим ухом.

– Она ничего не знает, – произнес Ламарк. – Она жила в изоляции все время.

Охотник заинтересованно обернулся.

– А кто знает?

– Я. Я знаю больше, чем ты можешь себе представить, Коронет, – на лице Себастьяна появилась торжествующая

улыбка, когда он понял, что оказался прав. – Коронет Плиер. Тебя ведь так зовут? Знание имени обидчика очень ценно для темного мага, – медленно произнес он.

– Для мертвого мага нет ничего ценного, – холодно бросил охотник, рывком поднимая меня на ноги. Я скривилась и пошатнулась. – Раз ты защищаешь девку, значит в ней что-то есть. Вы, эгоистичные твари, ничего не делаете просто так, – мужчина схватил меня за волосы и пнул под колено. От неожиданности я упала вниз и тут же вздохнула от яркой вспышки боли, пронзившей голову. Охотник продолжал держать меня за волосы. Резко развернув мое лицо к себе, он задумчиво сощурился. – Сестра твоя? – он усмехнулся. – Точно сестричка, слишком уж вы похожи.

Я вспомнила, сколько раз Шон упоминал, что я выгляжу как Мэй. До этого момента у меня и мысли не возникало о том, что внешне мы с Себастьяном действительно имели схожие черты. В голове даже промелькнула одна странная неприятная мысль. Мог ли Себастьян знать столько обо мне именно потому, что я была его настоящей сестрой? Брошенной, забытой и изгнанной. От этого стало жутко неприятно.

– Тогда мы для профилактики поработаем с ней, чтобы послушнее стала.

Охотник направился вперед, таща меня за волосы за собой. Я упала на бок и зашипела, но он не остановился. Ничего не видя из-за пелены слез, я поползла следом. Унижение. Страх. Эти два чувства вызывали тошноту. Мне казалось,

что меня вот-вот вырвет. Я хваталась руками за свои волосы, чтобы чуть облегчить боль, но Коронет лишь сильнее дергал.

Я бросила последний взгляд на магов, когда меня вытащили из круга. Тело наполнилось силой, будто мне вернули существенную недостающую часть. Магия вернулась в меня. Ворвалась обратно, заполняя, убаюкивая. Но даже несмотря на это, я была бесполезна. Теперь я понимала, почему он забрал именно меня. Я безопасна. Бессильна против него.

К моему счастью, тащили меня не долго. В глазах начало темнеть, колени и ладони кололи неровные камни, устилавшие пол. Я хрипло втянула в себя воздух, когда освободилась от хватки охотника. За мной хлопнула тяжелая дверь. Я оглядела комнату, в которой еще совсем недавно мы ужидали. Комнату, в которой я впервые заметила гончих.

– Эстер тебя зовут? – спросил Коронет. Я продолжала молчать. Он прошелся вдоль стола и достал из большой черной сумки темную бутылку. Спокойно открыв крышку, он отпил темную жидкость. Я не знала, алкоголь ли это или какое-то пойло, защищающее от магии, но ни один из вариантов мне не нравился. – Сейчас мы научим тебя разговаривать.

23. Под кожей

Я сидела на холодном полу, наблюдая за охотником. В голове лихорадочно металась мысль о побеге. Что я могу сделать, чтобы обезвредить его сейчас? Где второй охотник? У меня был шанс помочь нам всем выбраться живыми. Я не могла его упустить.

– Даже не думай, – бросил Коронет, закончив пить. – Сбежать нельзя.

Он поднялся на ноги и приблизился ко мне, чуть шурясь. – Оцени свои шансы здраво. Ты слаба, магия твоя бесполезная. Напасть на меня не получится. Что же ты собралась делать? – он задумчиво хмыкнул. – Освободить своих дружков, наверное. Не выйдет.

Коронет встал и вдруг с силой пнул меня ногой в живот. Ахнув, я сжалась, зажмуриваясь, считая секунды, пока боль схлынет. Но она не кончалась, как и удары. Один за одним. Во рту металлическим привкус крови, в голове шум. Сознание ходит по самой грани, то и дело норовя упасть. И я молюсь об этом. Молюсь, что я отключусь и на несколько минут или часов не буду чувствовать ничего. Лучше пустота, чем эта боль, что расцветает то в одной части тела, то в другой, отзываясь на удары тяжелых ботинок. Однако я понимаю, что бьет он не в полную силу. Играется. Хочет, чтобы я оставалась в сознании, не отключалась. Поэтому он оста-

навливается, а я боюсь пошевелиться. Слезы затекли в рот, полный горькой слюны. Дрожащими руками я обхватываю ребра, горящие огнем.

– Уже не такая гордая, а? – произнес он и достал сигарету. Я не чувствовала запах никотина, лишь свою кровь. – Можешь еще помолчать, если тебе нравится такое.

– Что тебе от меня надо? – хрипло проговорила я. На эту фразу ушли мои последние силы, но я все равно попыталась подняться, боясь позорно упасть лицом обратно на камни, окропленные алыми каплями.

– А что ты мне можешь дать? – с усмешкой спросил он. – Веришь или нет, но я не люблю бить ведьм. Вы слишком похожи на обычных женщин, на людей.

– Потому что так и есть, – я закашлялась. – За всю свою жизнь я не сделала ничего плохого...

– О, птичка... – он покачал головой. – Ты родилась. Этого достаточно.

Я зажмурилась, пытаясь отдышаться. Воздух урывками доходил до легких. Казалось, что болят все мои органы.

– Очень жаль, что ты ведьма, – произнес он. – Лицо тебе досталось хорошенькое. Могли бы что-то с этим сделать...

Я похолодела. Испуганно отползла назад. Мне отнюдь не нравился его тон, его выражение лица и лживая улыбка. Лучше пусть продолжит бить меня, чем делает то, о чем подумал.

– Испугалась? – он встал со стула и медленно зашагал ко

мне. – Я таким не занимаюсь. Другие охотники грешат...

– Я ничего не знаю... – честно ответила я, желая поскорее уйти от опасной темы.

– Тогда ты бесполезная. Тебя даже держать не надо. Если бы не реакция твоего брата, я бы тебя уже убил, – задумчиво ответил он. – А так... Ты пригодишься. Хотя бы что-то в твоей жизни полезное будет, – он покрутил нож.

Я промолчала. Если мое ложное родство с Ламарком позволяет мне прожить еще немного, я этим воспользуюсь. Теперь я понимала, почему его настоящая сестра хотела умереть. Если они были в плену больше месяца, а она каждый день переживала подобное, неудивительно, что что-то внутри сломалось. Воли к жизни больше не было. Однако во мне еще есть силы. Есть желание освободиться. Еще раз увидеть лица друзей, стены академии, мир людей. Я буду вспоминать об этом каждый раз, задыхаясь от боли и надеяться, что это поможет мне не сойти с ума.

– Зачем вы приехали в Фужер? – прямо спросил охотник.

– Прятались, – соврала я, за что тут же получила удар по ребрам.

– Не лгать, – жестко ответил Коронет. – Мы видели, как вы заходили на черный рынок. Что покупали?

Я мотнула головой. Теперь я понимала, почему меня держали в неведении. Это была моя защита. Охотник тяжело вздохнул.

– Птичка, ты еще не поняла? Лучше сотрудничать по хо-

рошему, – последовал еще удар. Я глухо застонала, подтягивая колени к груди. – Наконец-то. Неинтересно было, когда ты молчала.

– Я ничего не знаю...

– Они сказали, что ты была в изоляции. Где?

– Где-то в Англии, – это был честный ответ. – Я не знаю географию... Не знаю, где находилось это место.

– Что за место?

Я помедлила, думая, как ответить. Нельзя говорить, что я находилась в оплоте ведьм, где колдуны надеялись переждать охоту. Нельзя говорить, что там сотня таких же, как и я. Хоть Мортиус и поставил защиту, я не имела никакого права подвергать их всех опасности.

– Это был особняк моей тети, – я подняла голову, следя за реакцией охотника. – Меня отправили туда давно, еще в самом детстве.

– Особняк тети, значит... – задумчиво сказал он. – Много там вас было?

– Я одна, еще пара слуг. Меня забрали, когда все стало очень плохо. Мы хотели бежать, – проговорила я, жалея, что мы не успели согласовать наши версии.

Охотник молча пожал плечами, достал из сумки какой-то предмет. Длинный, металлический. Мои мышцы напряглись, вызвав волну боли. Коронет взял горящую свечу, оставшуюся после нашего ужина и обдал пламенем железный предмет. Недовольно цокнув, он достал какой-то пред-

мет, из которого неестественным столпом вырвался огонь.

– Сними кофту, – скомандовал он.

– Нет... – пролепетала я. Эта фраза пробудила во мне резерв сил, о которых я даже не подозревала. Ноги сами несли меня к двери. Медленно, словно бежала я в своих снах. Я задыхалась, но не было времени себя жалеть. Молниеносно ко мне подскочил мужчина, впечатал меня лицом в стену одним толчком. Я сморщилась. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовала себя грязной и беспомощной. Слабой. Нож легко рассек ткань. На мне оставалось только человеческое белье и джинсы. Тело затряслось, отказалось слушаться и замерло. Грудь содрогалась от спазмов рыданий.

– Нет! – протестующе вскрикнула я и дернулась.

Корнет устало вздохнул и сжал мое горло, потащив меня обратно. Я брыкалась, но удушье становилось лишь сильнее. Перед глазами заплясали темные пятна. В ушах был шум, будто звук могучих деревьев на ветру перед летней грозой. Такой умиротворяющие. Глаза закрывались, меня утягивало в темноту. Последнее, что я увидела – раскаленное железо, приближающееся к моей груди. Последнее, что я услышала – мой собственный истошный крик, больше походивший на вой дикого раненого зверя.

***

Глаза открывать не хотелось. Трясущимися пальцами я ощупала холодный каменный пол. Боль пришла не сразу, несколько секунд я наслаждалась звенящей пустотой чувств

и ощущений. К несчастью, это не продлилось долго.

– Птичка очнулась?

Этот голос вызывал во мне отвращение и жгучий ужас. Я не могла сдерживать слезы. Не до конца понимала, откуда у меня еще силы плакать. Грудь горела огнем, я боялась пошевелиться, потому что каждое движение отзывалось новым уколом боли. Я слышала шаги. Гулкие, тяжелые удары ботинок. Хотелось снова потерять сознание, пока это все не закончится. Теперь на моей груди была метка. Шрам. Вечное напоминание о боли и позоре. Она пульсировала, а боль лишь нарастала.

– Эту метку мы делаем не обычным железом. Ее невозможно вылечить, – довольно произнес Коронет. – У тебя две полоски. Как и у всех анимагов.

Не было сил отвечать. Не было сил ни на что.

– С тобой на сегодня закончим, – вздохнул охотник. – У меня есть дела поинтереснее.

Он подхватил меня на руки. Я затаила дыхание, собираясь с силами для самого опрометчивого поступка в своей жизни. Когда Коронет свернул в комнату, где сидели Себастьян с Шоном, я с силой впилась зубами в его горло, сжимая челюсти до судороги. Он закричал и разжал руки, падая вслед за мной на пол. От глухого удара спиной о камни, я случайно отпустила охотника. Из рта капала его кровь. Я засмеялась, а ребра трещали, будто ломались от моего хриплого смеха. Себастьян и Шон что-то кричали, но они казались так дале-

ко, что я не могла разобрать слова.

Удар. Наотмашь по лицо, потом ногой в спину. Ударов много. Я сжималась под ними, когда внезапно все кончилось. Я почувствовала металлическое дыхание прямо над своим лицом.

– Ночью ты поплатишься за это, – шипя, произнес охотник.

Рывками он затащил мое тело обратно в круг. Я втянула в себя воздух, чувствуя, как силы вновь покинули мое тело. Теперь ничто не могло помочь ему оставаться в сознании.

***

– Эстер...

Я еле пошевелилась. Мышцы казались каменными. Поднять голову – непосильная задача.

– Эстер! – голос Себастьяна вытягивал меня из забвения. До меня донесся крик из соседней комнате. Я зажмурилась, прекрасно представляя, как пытаются Шона.

– Я... – закашлялась. Во рту все еще стоял привкус крови. Открыв опухшие глаза, я оглядела тело, больше походившее на лоскутное одеяло. Синяки накладывались друг на друга, раскрывая буйство красок.

– Послушай меня, – в его голосе звенела тревога. – Больше не перечь ему. Мы все сделаем сами. Ты ему не интересна. Делай все, чтобы как можно дольше оставаться в живых, не зли его, поняла? – настойчиво говорил он.

– Не получится... – изо рта вырвались непонятные хри-

пящие звуки. Тело затекало от неудобного положения. Шея горела огнем, передавая импульсы боли в виски.

– У нас есть план, – произнес Ламарк. – Ты просто... Живи. Это все, что от тебя требуется.

– Слишком сложно, – дышать полной грудью не получалось.

Тишину снова разорвал сдавленный крик. Я хотела зажать уши руками, но они были связаны у меня за спиной. Ненавистные слезы капали на пол, волосы налипли на щеки, губы, лезли в глаза. Отвратительно.

***

Себастьяна не трогали. Я подозревала, что Коронет опасался вытаскивать его из круга. Время тянулось странно. Изпод занавешенных окон вырывались первые лучи сонного рассветного солнца. Мы провели уже всю ночь связанные. Я сомневалась, что охотник вообще собирался нас отпустить. Ему было все равно. Для него мы – ходячие трупы, ожидающие своего часа. Противные и мерзкие.

Дверь снова распахнулась. Я не желала смотреть на охотника, но прекрасно слышала, что он направляется именно ко мне. Себастьян возмущенно дернулся на стуле.

– Зачем тебе снова она? – рыкнул он.

– Я обещал ей кое-что. А обещания надо исполнять, да, птичка? – он насильно схватил меня за подбородок и поднял на себя. Я скривилась, проглатывая оскорбления. Ламарк попросил не злить его, терпеть, ждать.

Веревки снова спали с рук. Я не смогла сдержать вздох облегчения, когда затекшее тело могло поменять положение. Рука охотника снова в моих растрепанных волосах. Я твердо решила для себя, что как только мы выберемся отсюда, я состригу их. Может, даже побреюсь налысо. Сотру с себя все следы этих дней.

Мои ноги повиновались, а в мыслях бился отчаянный протест. Я давила себя, заглушала злость и обиду. Мы шли по ступеням. Каждый шаг словно по иголкам. Корнет открыл дверь и затолкнул меня внутрь. Я растерянно огляделась вокруг себя.

В комнате была только кровать. Пораженная я обернулась и наткнулась на хищный взгляд мужчины.

24. Поломанные жизни

Мне казалось, что меня выпотрошили заново. Удары, порезы, клеймо – все это наносило мне физический вред, который я могла вынести, закрывшись в клетке собственных счастливых воспоминаний. Но то, что охотник сделал со мной сейчас было иное. Боль ни шла ни в какое сравнение с тем, какой сломанной я себя ощутила. Мое тело больше мне не принадлежало. Им воспользовались и выкинули, словно уже неинтересную поломанную игрушку. Грязную, старую, потрепанную.

Дрожащими руками я пыталась смыть с себя его прикосновения, но они хуже клейма отпечатались на коже. Везде. Коронет позволил мне принять душ. Очень щедро с его стороны. Я сидела под напором горячей воды и смотрела, как розовая вода стекает в слив. Я не плакала, нет. Слезы закончились еще тогда, в процессе. Сейчас я просто обхватила себя руками и думала. Думала о том, что лучше бы умерла в тот день, тот же час, когда увидела гончих на горизонте.

Мои счастливые воспоминания стерлись. Изображение было больше похоже на протертую киноплёнку. Изредка мелькали какие-то изображения, но общая картина не складывалась. Это причиняло еще больше боли. Я могла стерпеть физическое насилие. По правде говоря, оно лишь пробудило во мне желание сопротивляться, доказать, что меня не сло-

мить. Изнасилование ломало иначе. Оно забирало все хорошее, что было, заставляло тебя заикнуться в одном моменте, раз за разом прогонять эти образы из мыслей.

Мой надломленный крик, пальцы сжимающие простынь, его тяжело дыхание прямо у макушки, прикосновение потный грубых пальцев, оставлявших синяки на истерзанном теле. Я зажмурилась и сжала голову.

Стук в дверь. Я выключаю воду и поднимаюсь. Моя одежда теперь бесполезна. Она разорвана в клочья, лежит на полу бесформенной кучей тряпья.

– Выходи, – громко произнес охотник.

Я стою посреди ванной. Холодный воздух обнимает мое влажное после душа тело, зализывает раны своим наждачным языком. Но мне все равно. Мое тело меня более не волнует. Я хочу отказаться от него, снять кожу подобно костюму, освободиться. Однако мне суждено провести в этой тюрьме остаток своей жизни.

Я дергаю ручку и шагаю вперед, не поднимая глаз. Я не выдержу, если увижу его надменное довольное лицо. Я уже видела его. Шрам пляшет на щеке, искаженный улыбкой наслаждения, глаза прикрыты. Тошнит.

Он молча протягивает мне чистую одежду, которую, наверняка, достал из моих вещей. Я узнавала эту белую ночную рубашку, в которой засыпала в своей уютной кровати в академии. Робко подняв уцелевшее белье с пола, я начала одеваться.

– Знаешь, птичка... Я тут подумал, – в его голосе не было и доли раскаяния. Похоже он остался доволен. – Возможно, мы не будем тебя убивать. Оставим себе, – он склонил голову набок, смотря мне в лицо. Я впервые осмелилась поднять глаза.

Я обещала себе. Обещала не терять волю к жизни. Не терять надежду и силы.

Но я не справилась.

– Лучше убей меня, – я сама содрогнулась от своего ледяного безжизненного тона. Именно так разговаривали Себастьян с Шоном, когда мы впервые встретились. Мне казалось это странным, но теперь я понимала. Сполна понимала я.

– Не-ет, – протянул он. – Я пока придумай, что с тобой можно сделать, а пока тебе придется вернуться к твоему брату. Пусть посмотрит, что может случиться, если он будет таким же непослушным, как ты, – он протянул руку и погладил мои влажные волосы. Я тут же отшатнулась, чувствуя, как трясутся ноги.

***

Сложно унять дрожь. Меня трясет даже от мысли, что мне придется провести в этом проклятом месте еще хотя бы день.

– Что ты с ней сделал? – от ярости Себастьян дернулся со стула. Мой взгляд скользнул по его лицу, наполненному шоком, сожалением и ненавистью.

– Ничего, что бы ей не понравилось, – усмехнулся охотник

и еще раз погладил меня по волосам. Я чувствовала, как мои легкие наполняются огнем, а горло жжет.

– Эстер... – еле слышно произнес Шон. Впервые его голос звучал настолько надломлено. – Ты... – он дергал руками, будто мог разорвать веревку. Я видела, как по его пальцам заструилась кровь.

– Я устал от вас, продолжим потом, – он привязал меня у стулу.

Я старалась игнорировать пульсирующую боль в самом низу живота, но не могла. Не могла отвлечься от этого. Не могла закрыть глаза, потому что боялась, что в темноте снова придет он.

Я вспомнила свое видение. Я лежала на кровати, рядом был Корнет. Тогда он повел меня смотреть, как горят тела моих друзей, моих сородичей. Когда я впервые увидела тот сон, меня больше волновали смерти, а не тот факт, что я находилась с ним в одной кровати.

Никто не спрашивал, что он со мной сделал – это было и так понятно. В воздухе витало напряжение, будто они хотели что-то сказать, но не могли.

И я тоже не могла. Не могла выносить их взгляды, полные жалости. Не могла выносить себя.

***

Сколько прошло времени? Я не знаю. Я знаю лишь то, что мое тело вечно затекало. Знала, что меня больше не били, хотя этому бы я была рада больше, чем тому, что каждый

день делал со мной Коронет. Себастьяна так и не забрали. Всего единожды охотник принес нам еды и воды, но я не ела, лишь выпила пару глотков воды. От голода и жажды я мало понимала, что происходит вокруг. Мне казалось, что я уже умерла. Мое тело периодически отключалось, а разум витал в странных местах. Мои сны были безумны. Вместо видений я каждый раз переживала один и тот же момент: кровь на белой простыне, мои крики, беспомощность.

Себастьян и Шон исхудали. Они тихо переговаривались, но мне казалось, что все это уже бесполезно. Я не отвечала даже тогда, когда они пытались до меня достучаться. Мне было приятнее делать вид, что меня в этой комнате вовсе нет. Это все иллюзия, затянувшийся кошмар, от которого я все никак не могу проснуться.

Я винила их. Знала, что это неправильно, но не могла иначе. Винила их в том, что они решили взять меня с собой, не поставили защиту на замок, винила в том, что они вообще появились в академии и смели со мной заговорить. По правде говоря, я отлично понимала, что это я увивалась за ним хвостом. Однако я была наивна и глупа. Слепа, словно новорожденный котенок, который сам запрыгивает в мешок, в котором его и утопят.

– Эстер! – снова позвал меня Себастьян.

Пальцами я гладила веревку. Гладила израненные запястья. Гладила кольцо, которое подарила мне Элиз. Это было так давно. Я с улыбкой вспомнила ее слова.

«Если станет совсем серо – гладь его и думай о хорошем, о нас, хорошо?»

Я гладила его и вспоминала соседку. Вспоминала ее тихие песни по утрам, горящие глаза и звонкий смех.

И тут произошло что-то странное. Темнота под закрытыми веками рассеялась. Я увидела ее лицо так четко и явно, будто она сама предстала передо мной наяву.

– Эстер? – ее голос звучал в моей голове эхом, призраком прошлого, ненароком заглянувшего в свою прежнюю жизнь.

– Элиз... – так же мысленно произнесла я.

– Ты где? С тобой все хорошо? Ты так долго не выходила на связь, я уж было подумала... – ее лицо исказила улыбка облегчения.

– На связь? – я нахмурилась. Похоже, я схожу с ума. Что же, если так выглядит безумие, я готова броситься в его объятия.

– Кольцо, что я тебе подарила перед твоим... Уходом. Зачарованное.

– Ты... Это не сон?

– Ты что? Нет, конечно! Где ты находишься? – она будто пыталась заглянуть мне за спину.

– Мы в замке Фужер по Франции. Нас поймали охотники...

– Что? – воскликнула она, распахнув свои огромные глаза, миг наполнившиеся слезами. – Я не уехала из академии, Эстер! Я ждала твоего возвращения... Ждала до последнего

и не успела... Я сообщу Мортиусу, он обязательно что-то придумает!

– Я не смогу, Элиз... – впервые за много дней слезы полились по моим щекам. Отчего-то голос подруги заставил меня чувствовать себя маленьким ребенком, что долго плутал по незнакомому месту и наконец нашел своего взволнованного родителя.

– Эстер, солнышко! Я обещаю, что мы сделаем все возможное, чтобы помочь тебе! Постарайся чаще выходить на связь...

– Это ведь все неправда... – я сжала челюсти, сдерживая подступающую истерику. – Мы находимся в магическом кругу, он блокирует магию. Ты просто плод моего воображения...

– Нет! Это кольцо не черпает твою магию. Для его блокировки нужна дополнительная защита.

– Я очень хочу верить... – произнесла я. – Но я не могу...

– Верь, Эстер, пожалуйста, – Элиз плакала. На ее щеках проступил неровный румянец. – Мы придумаем, обязательно придумаем, как тебя спасти! Держись, умоляю тебя!

– Хорошо, – соврала я. – Я буду держаться.

***

Время – самый большой предатель. Когда не надо, оно мчится со скоростью света, пролетает незаметно, а когда молишь его ускориться, замедляется или вовсе останавливается. Сейчас было также. Не знаю, сколько прошло с момента

моего неожиданного разговора с Элиз или временного помешательства, но Шона уже забрали, а мы слушали его крики. Себастьян потерял сознание. Возможно, от голода или жажды. За все время нас ни разу не выпустили даже в туалет, так что запах в комнате стоял просто отвратительный.

Внезапно рука засадила. Я нахмурилась и сжала кольцо, что будто бы жгло палец.

– Эстер? – лицо девушки перед моими глазами казалось даже счастливым.

– Да... Я тут.

– Я поговорила с Мортиусом. Он сказал, что сможет снять защиту, когда ты будешь готова. У тебя будет полчаса, чтобы пересечь границу.

– Полчаса? Элиз, мы сидим в магическом кругу, привязанные к стульям... Я сомневаюсь, что у нас вообще есть шанс, но... Спасибо, что попыталась.

– Послушай, пожалуйста...

– Передай Нику и Колину, что я очень скучаю по ним. Часто я вспоминала наши вечера вместе и мечтала оказаться там. Мечтала послушаться и не убегать, остаться в безопасности... Но сейчас я понимаю, о чем говорили Шон и Себастьян. Слишком жестоко оставлять остальных на растерзание охотникам. Они не жалеют никого. Они не остановятся ни перед чем. Их надо убить. Всех до единого. Иначе они не оставят нас в покое. И... Я люблю вас. У меня никогда не было настоящей семьи, – я закусила губу, отчетливо вспоми-

ная картину с малышкой и жестокой матерью. – И ей стали вы. Спасибо вам за все. Я буду помнить о вас до последнего вздоха.

– Нет! Никаких последних вздохов! Послушай меня внимательно. Мортиус сказал, что с этим кольцом ты сможешь телепортироваться. Только ты одна. Мы проведем ритуал на месте, активируем силу через мое кольцо. Между ними неразрывная связь. У тебя получится. Все, что тебе надо будет сделать, – крепко сжать его и в точности вспомнить место, куда ты будешь перемещаться. Мы будем ждать по ту сторону и позаботимся обо всем... Ты можешь спастись даже сейчас!

– Я... – задумалась. На секунду в голову действительно промелькнула мысль сделать это, покинуть мой персональный ад и оказаться в безопасности. Постараться забыть обо всем произошедшем, жить привычной жизнью. Однако я вспомнила. Вспомнила, что тогда мне придется смириться с тем, что каждую ночь я буду засыпать, зная, что где-то пытаются одного мага. Вспомнила, что Себастьян и Шон были готовы рискнуть и вернуться в самое пекло охоты, потому что у них была призрачная надежда спасти остальных. Они ведь вполне могли наслаждаться безопасностью, как это сделали все остальные. Но они боролись не за себя. Они делали это за остальных. Смогу ли я быть также спокойна, зная, что я могла предотвратить сотни смертей, но сломалась и сбежала? Смогу ли я тянуть свою комфортную и бесполезную жизнь,

осознавая, что однажды сдалась и бросила друзей умирать? Конечно, мне сложно было назвать Себастьяна и Шона друзьями. Нас связывало общее дело, масштаб которого я до последнего была не в силах осознать. Но они были отважны, добры ко мне и совершенно точно не заслуживали той смерти, на которую я бы их обрекла. – Есть ли способ перенести нас троих?

– Эстер... – пролепетала Элиз. – Для этого нужно задействовать силы, отдать много своих магических сил, чтобы укрепить связь колец. В магическом круге это невозможно.

– Значит, нам нужно из него выйти и связаться с тобой, верно? – спросила я.

— Да, но... Подумай. Если вы рискнете, можете погибнуть все.

Я вспомнила слова Себастьяна, бескрайнюю вину в его голосе, боль, плескавшуюся в его глазах. Он уже однажды поступил так. Обрек на смерть любимого человека и сбежал. Он не смог себе этого простить. И я не смогу.

– Мы придумаем что-нибудь, – произнесла я и отпустила кольцо.

Ламарк постепенно приходил в себя. Он огляделся по сторонам и грустно взглянул на пустующий стул Шона.

– Себастьян, – произнесла я. Мой голос после многодневного молчания предательски надломился. В горле запершило.

Маг удивленно посмотрел на меня и на миг его лицо ожи-

вилось, перестало походить на жуткую посмертную маску.

– Что случилось? Ты в порядке? – тут же спросил он, разворачиваясь ко мне настолько, насколько позволяли веревки.

– У меня есть план, – прошептала я.

Себастьян слушал внимательно, вдумчиво прокручивая в голове сказанные мною слова. Очевидно, что все мы были слишком ослаблены и измождены. Долгие дни пыток и голода привели нас к самому краю. Недолго посоветовавшись, мы решили, как будем действовать. Кивнув, я решила связаться с Элиз и предупредить ее о нашем плане. Она отговаривала меня, молила передумать, но я приняла решение.

Это все означало, что мне придется стерпеть пытку еще один раз. Один последний раз.

Эта мысль вызвала у меня безумную улыбку. Никогда раньше я так сильно не жаждала возмездия.

25. Уловка

Шон был без сознания, когда меня забрали. Я не сопротивлялась, смиренно приняла свою участь, последовала за охотником, кожей ощущая отвращения. Бросив последний взгляд на Себастьяна, я кивнула. Он еле заметно склонил голову в ответ. Хайдс должен прийти в себя до моего возвращения, а это означало, что я намеренно должна буду продлить свою пытку, но не вызвать у Коронета вспышки агрессии. Важно было дойти до магов в сознании, на своих ногах, как это и происходило последние разы. Я устала предпринимать бессмысленные попытки сопротивляться и охотник это достаточно быстро понял, подумал, что сломил меня окончательно. Я больше не кричала, не брыкалась, не вырывалась, не показывала слез.

В привычной комнате, что я каждый раз неизменно видела в своих кошмарах, заперших меня в одном мгновении унижения и боли, я развернулась. Коронет тут же напрягся, но я взглянула прямо в его глаза. Я осторожно сделала шаг вперед и положила руки на его грудь. Даже сквозь ткань кофты я чувствовала выпуклые шрамы.

– Что-то новое, птичка, – усмехнулся он.

Я не знала, как он отреагирует на мой неожиданный шаг. Разозлится ли он? Заподозрит ли что-то?

– Ты же сказал, что мне может понравиться, – прошептала

я, чувствуя накатывающее отвращение от собственных слов. Страх вязким комком застрял в горле, мешая дышать.

– Умная птичка, – прошептал он в мои губы. Пальцами он продолжал гладить мои волосы, как делал сотни раз до этого перед тем, как причинить боль, унижить или растоптать.

Я сжалась, чувствуя грубые руки на талии, а потом настойчивый поцелуй. Коронет прокусил мою губу, но я даже не вздрогнула. Эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что я испытывала до этого. Привычка. Привычка скрывать свои эмоции, чувства, слабости. Я отрастила надежную защиту, что скрывала маленькую и слабую Эстер. Порой я удивлялась, как ей удалось протянуть так долго в этом безумном и жестоком мире? Как она, такая наивная и дружелюбная, не попала в смертельную ловушку раньше? Впрочем, все это было неважно. Та Эстер давно умерла. Ее тело осталось в поле со свежевспаханной землей, потоптанной гончими. Она погибла, чтобы могла жить я, более сильная и достойная. Жестокая и равнодушная.

Заставила себя обнять его, притянуть ближе. Кажется, что ему это понравилось. Хватка настойчивых пальцев смягчилась, я удивленно распахнула глаза, не веря, что это вообще могло сработать. Но, похоже, самолюбие и высокомерие Коронета наконец сыграло против него самого. Худшее оружие – наши собственные слабости и пороки.

Под лопатками жесткий матрас и простынь, пропахшая моим страхом. Так привычно и знакомо, до отвратительного

знакомо.

– Нет, птичка, в этот раз я хочу иначе, – его насмешливый шепот лизнул мою вспотевшую от напряжения шею.

Охотник перевернул меня, словно тряпичную куклу. Теперь я сидела сверху, усиленно отгоняя мысли о том, что я могу попытаться задушить его прямо сейчас. Освободиться. Однако что-то подсказывало мне, что это провальная идея, что похоронит не только меня, но и Шона с Себастьяном. Мне так хотелось самой отнять его жизнь, сжать до боли пульсирующую сонную артерию, смотреть, как его надменное лицо наливается кровью, а выпученные глаза широко распахиваются. Я желала видеть, как он будет губами ловить воздух, слабеющими пальцами хвататься за мои руки.

Одним резким движением Коронет снял с меня грязную ночную рубашку. Я инстинктивно потянулась к груди, чтобы прикрыться, но он тут же рывком убрал мои руки, не отрывая своего голодного взгляда от истерзанного тела, покрытого мурашками от холода и ужаса.

Мне казалось, что меня вот-вот стошнит, но я заставляла себя делать самые омерзительные вещи, игнорировать омерзение, не выдавать себя ни лицом, ни словом.

Его прикосновения жгли обнаженную кожу, мне казалось, что я не выдержу и расплачусь. Легче терпеть пытку в молчаливом сопротивлении, протесте, чем с напускным наслаждением. С губ слетали до ужаса фальшивые стоны.

Все закончилось. На дрожащих ногах я поднялась, скры-

вая облегчение. Коронет лежал на спине и смотрела куда-то вверх.

– Я принесу тебе еды, – произнес он. Я ошарашенно повернулась, не веря, что не ослышалась. С чего такая доброта?

– Что?

– Ты не ела в прошлый раз. Прошло уже больше двух недель. Мне не нужно, чтобы ты умерла от голода, – безразлично сказал он. – Иди в душ.

Он поднялся и начал одеваться, пока я проскользнула в комнату, лихорадочно обдумывая новый план. Я не верила в свою удачу, но, с другой стороны, должна же она хотя бы когда-то повернуться ко мне лицом. Трясущимися пальцами закрыв дверь в душ, я приложила ухо к щели и прислушалась. Когда Коронет оделся и зашагал вниз, я тут же включила воду в душе и выскользнула наружу, наспех натянула на себя белье и на носочках начала спускаться вниз, усиленно ловя каждый звук. Судя по всему, охотник направился в соседнюю от нашей комнату, так что времени у меня крайне мало.

Кровь пульсировала, шумела в ушах, когда я наконец добралась до комнаты. Себастьян удивленно вскинул голову, но я тут же приложила палец к губам.

Я уже знала, что мне нужно делать. Я собирала деревянные миски, наполненные травами и кристаллами. Засушенные ветки ведьминой травы тут же отправились в камин. Они трещали, выпуская ядовитый дым.

– Веревки, – прошептал Ламарк.

– Сейчас, – мой голос дрогнул. На ватных ногах я подошла к нему. Пальцы не слушались, но я усиленно развязывала тугой узел. Острых предметов в комнате не было: мы уже успели осмотреть все, когда продумывали наш план.

Себастьян с глухим вздохом вытащил израненные запястья из ослабленных пут. Я замерла, слыша тяжелые шаги по лестнице. У нас оставалось совсем немного времени, пока охотник не поймет, что я уже не в душе. Благодаря себя за то, что додумалась включить воду, я направилась к Хайдсу. Он еще не пришел в себя. Взволнованно поджав губы, я опустилась на колени, но Ламарк покачал головой.

– Я сам, свяжись с Элиз, – прошептал он.

Я закивала. Мы уже были почти свободны. Даже если охотник заявится сейчас, мы можем дать отпор. Хотя Себастьян слишком слаб, чтобы наложить даже самое примитивное заклятие, мы были не беспомощны. Я погладила кольцо, представляя лицо подруги. Она тут же ответила.

– Эстер! – пролепетала она.

– Сейчас! – настойчиво произнесла я. – У нас очень мало времени.

Взгляд мой был прикован к запертой двери. Секунду подумав, я схватила стул Ламарка и потащила его, чтобы подпереть ручку. Каждая секунда была на счету.

Каждая.

И я не успела. Дверь распахнулась. Передо мной стоял

разъяренный охотник. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что происходит. В зеленых глазах пылал неподдельный гнев. Я тут же попятилась назад.

– Элиз! – взмолилась я.

– Ты... – прохрипел он, направляясь вперед. Коронет уже вытащил нож из-за пояса.

– Давай! – услышала я ответ подруги.

Не медля ни секунды, я схватила за руку все еще бессознательного Шона, Ламарк вцепился мне в плечо. Свободной рукой я сжала изо всех кольцо, представляя вход в академию. Изображение в голове казалось размытым, далеким, как бы я ни старалась, не получалось восстановить все детали в месте, где я провела столько лет.

Однако, похоже, это и не требовалось. Последнее, что я почувствовала, – резкая острая боль. Клинок рассек кожу, задев щеку и плечо. Дальше – пустота.

В крошечной темноте билась единственная мысль: я умерла или у нас действительно получилось?..

26. Через тернии

Звон в ушах. Он заглушает тревожное перешептывание тех немногих птиц, что не успели покинуть защищенную территорию. Я смотрю на чистое небо над головой, на верхушки зеленых сосен, царапающих облака. Ели ропщут и стремятся дорости до свих сестер, обнимают себя пушистыми лапами.

Я дома.

Повернув голову вбок, я вижу бледное лицо Шона, покрытое гематомами. Они словно алые розы и синие фиалки расцветают то на щеке, под самым глазом, то на подбородке. Один его глаз заплыл, не открывается совсем. Я тяну ослабевшие пальцы, чтобы дотянуться до его руки. Неимоверно тяжело.

Губы не слушаются. Кажется, что мое тело мне вовсе не хочет подчиняться. Несколько мгновений я пытаюсь усмирить нарастающую панику.

– Эстер... – шепчет Хайдс. Его разбитые иссохшие губы растягивает улыбка. Вымученная, безумная, такая понятная мне.

Эта слабая, еле заметная улыбка улыбка придает мне сил. Еле как поднявшись на колени, я подползаю ближе и делаю то, что хочется сейчас больше всего – обнимаю его. Обнимаю и чувствую, как он сжимает меня изо всех сил. Мои слезы на

его коже, его сбивчивое дыхание на моей мокрой щеке. Мы лежим, сплетенные в объятиях, не замечая ничего.

– Прости меня, Эстер, – произносит он, крепче прижимая меня к себе. Я знала, какую боль ему это приносит. – За все.

– Ничего... Это ничего... – прошептала я, содрогаясь от накатывающей истерики. Сейчас не время расслабляться.

Его рука гладит мои спутанные волосы, но я не дергаюсь. Мне спокойно. Впервые за долгие дни мне так спокойно и безопасно, что слезы приносят облегчение и освобождение. Мы сделали это. У нас получилось.

– Надо дойти до академии, – прошептала я. – Нас вылечат.

Силы постепенно возвращаются в мое тело. Я встаю на ватные ноги и прикрываю глаза, отмахиваюсь от головокружения. Шон пытается подняться вслед за мной. Сквозь пляшущие темные пятна я вижу, почему ему так тяжело. Сквозь разорванные в лохмотья штаны проглядывает кость. Вот что делают охотники.

– Давай... – бормочу я и протягиваю руку. Он смотрит на меня своим единственным здоровым глазом так странно, благодарно. Он будто хочет сказать что-то, но сдерживает себя. – Потом поговорим, – тут же качаю головой я.

– Где Себастьян? – спрашивает он.

Я оглядываюсь по сторонам. Его действительно нет. Я отчетливо помню его пальцы, сжимающие мое плечо. Сердце опускается. Неужели он остался там, наедине с охотником?

– Себастьян! – кричу я. Слабо, надрывно. Мой зов услы-

шала лишь стая перепуганных птиц, беспокойным роем под-
нявшаяся в воздух. Хотела бы я тоже иметь крылья. Иметь
возможность вот так взмыть в воздух, отделаться от всех
проблем и чувствовать лишь ветер, колышущий мои волосы.
Я мечтала об этом и раньше, полагала, что так смогу увидеть
весь захватывающий мир, путешествовать, быть свободной.
Сейчас же это был прекрасный путь, чтобы уйти от всей бо-
ли, оставить позади все проблемы и печали. Как быстро все
изменилось.

– Мы разделились, – прошептал он. – Так бывает, если ему
пришлось отпустить тебя в какой-то момент, – Шон закаш-
лялся и сел, оглядывая свою сломанную ногу. – Тебе лучше
идти самой.

– Нет, – я тут же мотнула головой. – Я не бросила вас то-
гда, не брошу и сейчас.

– Мы не заслужили, – угрюмо произнес он.

– О чем ты?

– Когда мы только познакомились... – он поджал губы,
смотря куда-то в сторону. – Мы уже знали, кто ты. Себастьян
знал. Фидеус рассказал ему о тебе, рассказал, как тебя мож-
но найти. Посоветовал призвать парку, но это оказалось ло-
вушкой.

– Из-за парки мы поехали в Фужер... – догадалась я. – Те
мои слова... Они привели нас к охотникам.

– Себастьян думал, что получит ключ к спасению всех ма-
гов и ведьм, но получил только насмешку от Фидеуса... Чер-

тов старик. Безумный.

– Ты думаешь, что он сделал это специально?

– Да. Его не трогают охотники. Это странно, потому что найти его не составляет труда. Его сестру и детей уже убили, а он жив. Никому не рассказывает, как сумел выбраться. Я думаю, он намеренно направляет ведьм к охотникам взамен на свою жалкую жизнь...

Я пошатнулась. Это означало, что мои видения действительно не давали никаких подсказок, не помогали, лишь заранее показывали, на какую страшную участь обрекла нас насмешливая судьба.

– Себастьян приехал в академию за тобой. Он сошел с ума после Мэй. Хотел только мстить...

– Я его понимаю, – тихо проговорила я, падая рядом с Шоном. – Я тоже больше не смогу просто так сидеть и ждать, пока они снова придут. Пока они будут мучить остальных так, как нас...

– Охотник не тронул Себастьяна... – прошептал Хайдс. – За все время... Ни разу, – я молча обдумывала его слова. Непрошенные выводы сами лезли в голову, а Шон все продолжал. – Он так и не рассказал, как ему удалось провести ритуал... И сейчас он отделился.

– Нет... – тут же протестующе произнесла я. – Нам надо поговорить с ним, я не... Не хочу в это верить.

Шон поднял на меня взгляд, полный боли и сожаления.

– Я должен был догадаться раньше и убереечь нас обоих...

Я думал, что ты ему нравишься... Не знал, как именно. Он совершал странные поступки, рисковал тобой, я должен был понять...

– Глупость. Давай дойдем до академии...

– Мы даже не знаем, куда нам идти... – выдохнул он. – Мы даже не знаем, переместились ли мы под защитный купол.

– Неважно. Мы должны идти хотя бы куда-то. Мы не в плену, а это уже хорошо.

Хайдс закивал и поднялся, подогнув сломанную ногу. Его боль отозвалась во мне. Я сморщилась и молча закинула его руку себе на плечо. Шон благодарно кивнул. Впереди предстоял долгий путь. Я точно знала, что нужно двигаться в гору, потому что академия находилась на краю утеса, скрытого за мощными верхушками деревьев. Была бы я достаточно сильна и здорова – непременно забралась бы повыше, чтобы проверить направление, однако сейчас я лишь могла надеяться на то, что моих сил хватит пройти хотя бы половину пути, пока мы не наткнемся на родник или съедобные ягоды.

***

Привал. Я жадно черпала воду из родника, умывала ледяной водой лицо, продрогшее тело. После произошедшего я переместилась в одном только белье, что обнажало новообретенные шрамы. Я не замечала холод из-за выброса адреналина, но постепенно он исчезал, а я понимала, что у нас осталось не так много времени. Слишком обидно было бы сбежать от охотника и замерзнуть насмерть в лесу. Шон припал

губами к тонкому ручью, что весело прыгал по гладким камням. Я села на землю и задумчиво смотрела на него. Наше первое знакомство сложно назвать дружелюбным или располагающим к началу общения. По правде говоря, даже после того, как мы с Себастьяном начали проводить достаточно времени, он держался отстраненно. Возможно, это было именно потому, что он знал, что мне суждено. Знал, что так или иначе все это – фарс. Была ли я зла? Не знаю. По большей части мне все равно. Моей вины в произошедшем было всяко больше. Я не думала, лишь своевольно принимала опрометчивые решения, ослепленная собственными мечтами и иллюзиями.

Пока Хайдс отдыхал, я успела связаться с Элиз и предупредить ее, что мы переместились в лес, стараемся идти к академии. Она что-то недоговаривала, но пообещала вместе с Колином и Ником пойти на поиски.

– Готов? – спросила я, когда блеклый солнечный диск лениво закатился за верхушки деревьев. Ждать больше было нельзя.

– Сейчас...

Шон со стоном стянул с себя рубашку и протянул мне. Я тут же мотнула головой.

– Надевай, – строго сказал он. – Ты совсем голая по лесу ходишь.

Я искренне сомневалась, что тонкая ткань рубашки, пропитанной его кровью, меня как-то спасет от мороза, прихо-

дящего с сумерками, но отказываться более не стала. Мы еле поднялись и медленно направились в гору.

Я мысленно считала шаги. Приятно было думать, что каждое движение хоть как-то приближало нас к теплу, еде и лечению. Старалась отгонять от себя мысли, что мы вообще оказались не в лесу академии и, возможно, даже не в Англии. Сейчас эти мысли будут только мешать. Надежда придает сил, а значит, пока есть возможность, я буду питаться ей, пока не поглосщу без остатка.

***

В синей полутьме мы не видели, куда ступать. Шли вслепую, хватаясь за шершавые стволы деревьев. Вес Шона давил, каждый новый шаг давался все труднее. Я закрыла глаза и стиснула челюсти, заставляя себя продолжать.

Внезапно нога Хайдса соскользнула. Я вскрикнула и попыталась ухватиться за ветку, но та предательски хрустнула. Мы покатались вниз, камни царапали кожу, ветки ломались под нашими телами.

Я лежала на земле, сдерживая отчаяние. Шон тяжело дышал.

– Иди без меня, – произнес он. – Я тяну назад.

– Нет, – отрезала я. Мне самой было не особо понятно, откуда во мне такое отречение и альтруизм. Однако это также давало сил, заставляло притворяться сильной. Я надеялась, что эта маска в какой-то момент срастется со мной и станет легче.

Мы поднялись, как уже поднимались раз за разом. Я подняла голову, встречая холодную безразличную россыпь звезд, затянутую дымкой облаков.

Каждый шаг – маленькая победа. Мы поднялись на пригорок, и я наконец увидела ее. Академия стояла неприступной крепостью. Из окон струился холодный свет мертвых огней. Я рассмеялась. Заливисто, до удушья. Шон улыбался и качал головой. Он не верил, что нам удалось сделать это. Не верила и я. Оплот надежды и безопасности был прямо перед нами. Я сжала кольцо.

– Элиз? Мы видим ее... Мы с восточной стороны, где заброшенная башня... – произнесла я, не сумев согнать с губ глупую улыбку.

Потом я увидела и их. Втроем они мчались к нам, бежали. С такой легкостью и свободой. Колени подкосились. Я стирала слезы с щек грязными ладонями, а Хайдс обнимал меня, успокаивал. Я не слышала его слов, видела лишь своих друзей. Видела наяву, а не как раньше, в смутных снах, похожих на сеть сухожилий.

Элиз. Маленькой светлой птицей она летела на крыльях дружбы прямо ко мне. Ее объятия, тонкий запах дикой розы и зелени. Светлые рассыпчатые волосы, поражавшие своей мягкостью. Я вцепилась в ее содрогающееся от рыданий тело и зажмурилась. Ее светлые руки с нежной кожей будто светились на фоне моих, грязных и израненных.

– Эстер, солнышко, – прошептала она. – Ты дома...

***

Стены лазарета холодные и неприступные. Я открываю глаза и оглядываюсь. Первые несколько секунд мне кажется, что я вновь сижу в комнате, привязанная к стулу. Успокаиваюсь я лишь тогда, когда нащупываю пальцами накрахмаленные простыни. Рядом со мной в кресел дремлет Элиз. Ее лицо спокойно, невозмутимо. Мягкость сна. На небольшом диване свернулся Ник. Его острые черты лица разгладились, из приоткрытого рта слышалось тихое сопение. Я улыбнулась, несколько секунд не в силах отвести взгляд от открывшейся картины, согревающей сердце.

Я медленно поднимаюсь с постели и оглядываю тело. Им удалось заживить все, кроме клейма, как и говорил охотник. Этот шрам навечно со мной. Бессмертное напоминание о днях пыток, что не отпустит меня даже после моей кончины. Оно останется на бездыханном теле последней насмешкой.

Тихо выскользываю из комнаты. Коридор залит холодным светом, босыми ногами аккуратно ступаю по влажному полу, ищу открытые двери, за одной из которых должен быть Шон. Я проверяла дверь за дверью, пока не нашла нужную.

В полутьме, рядом с единственной горящей свечой, лежал Шон. В его комнате никого не было. От этого сердце защемило. Он, в отличие от меня, не возвращался домой. Он бежал в никуда.

Опустившись на матрас, я откинула одеяло, оглядывая Хайдса. Его нога выглядела лучше, но на теле оставалось до-

статочно много ран и синяков. Маг сонно открыл глаза и тут же дернулся, отползая назад. Он нахмурился, вглядываясь в мое лицо.

– Эстер?

– Хотела проверить, в порядке ли ты, – прошептала я.

– Я не могу понять, ты правда такая добрая или это сон, – пробурчал он, оглядывая себя. – Сейчас все явно лучше.

– Про Себастьяна не слышал ничего?

– Я отключился почти сразу после тебя, но хотя бы дошел до ворот, – произнес он. – Тебя нес твой друг. У тебя как?

– Только клеймо осталось, – я оттянула ворот новой ночной рубашки, показывая розовую стянутую кожу.

Шон хмыкнул и оттянул ворот своей рубашки, показывая жуткий шрам, отдаленно напоминавший крест.

– Они убили Аквиллу, – произнес он.

– Нас бы тоже убили, – покачала головой я. В мыслях снова вспышками возникали тошнотворные образы.

– Я сказал им про академию, – тихо произнес Хайдс, смотря куда-то в сторону. – Сказал, что она находится в Англии.

– Они все равно не смогут пробиться через защитный купол, – я сжала его руку, стараясь успокоить. Я не могла его винить. Шона пытали больше всех. Ему пришлось взять удар на себя за всех нас.

– А как мы... Как мы вообще выбрались? – внезапно спросил он.

Я тяжело вздохнула и пересказала ему все произошедшие

события, стараясь не особо вдаваться в детали по поводу моей маленькой уловки, но, судя по взгляду Шона, он все понял. Он сжал мою руку в ответ. Лицо исказила злость.

– Отродье, – выплюнул он, когда я говорила про Коронета. Закивав, я продолжила рассказ.

– Подожди... Ты хочешь сказать, что в момент перемещения он был рядом? – переспросил Хайдс, вглядываясь в мое лицо.

– Он ранил меня, – я повела плечом, где еще недавно была тонкая царапина. – Но не помню, чтобы он касался меня...

– Коронет мог схватить Себастьяна... – Шон резко сел и сморщился, видимо, от внезапного головокружения. – Тогда он либо остался там, либо перенесся вместе с нами. Это единственные возможные объяснения.

Я замерла, неотрывно смотря на Хайдса. Его глаза отражали мое волнение и укол страха. Два исхода: охотник проник на территорию академии или истощенный и обессиленный Себастьян остался с ним наедине. Ни один из этих вариантов мне не нравился. И я даже не знала, что из этого хуже.

27. Под покровом ночи

Одна и та же идея пришла нам в голову одновременно. Раньше я бы едва ли могла подумать, что буду сбегать из лебного крыла на пару с некромантом, чтобы отправиться в ночной лес на поиски темного мага. А сейчас мы вдвоем крались по темным коридорам, стараясь не попадаться случайным студентам, бродившим между комнат. До главного выхода мы добрались без проблем, но, как обычно, просто ничего не получалось. Никогда. Дверь была заперта. Не ключом или засовом: на ней лежала магическая печать. Древняя запирающая руна витала в воздухе, источая еле заметное белое свечение.

– Подозреваю, что выход с кухни пробовать бесполезно, – прошептала я.

– Согласен, – пробормотал Шон. Я обернулась и тут же наткнулась на его внимательный взгляд, прикованный ко мне.

– Что-то не так? – настороженно решила уточнить я.

– Не могу поверить, что так ошибался, – Хайдс тут же отвернулся. – Сможешь провести в свою комнату?

Я молча кивнула, прокручивая в голове его слова. Дорога до моей комнаты была мне так хорошо знакома, что я могла пройти с закрытыми глазами, в красках представляя интерьер вокруг. Сначала подняться по широкой мраморной лестнице, обязательно взглянуть на утонченные нервию-

ры, обогнуть небольшую статую рогатого дракона, которого в детстве я прозвала Арий в честь одного из первых сильнейших магов, потом проследовать по главному коридору, где причудливой мозаикой отражается свет сквозь витражные стекла. Все до ужаса знакомо, но в то же время так чуждо. На мгновение я остановилась возле Ария, глядя в его пустые каменные глаза. Раньше оскаленная морда казалась мне жуткой, сейчас же он казался страдающим, уставшим, оттого озлобленным. Наши тихие шаги заглушали дождевые капли, одиноко разбивавшиеся об окна.

Хайдс задумчиво взглянул на темный лес, откуда мы совсем недавно мечтали выбраться. Искать Себастьяна под дождем в темноте будет явно не самой простой задачей.

– Лучше поспешить, – прошептала я. Мне до сих пор было не совсем ясно, что задумал Шон, но я верила ему. Это было совершенно безумно после всего, что мне пришлось пережить, но я не могла ничего поделать со своей интуицией. Сейчас я готова была вверить ему свою жизнь. Я знала, что он достаточно силен и умен, вынослив и смел. Возможно, он был не самым добрым магом, но этот небольшой недостаток я могла претерпеть.

Я сделала шаг в свою комнату. Она была такой, какой я ее помнила: две большие кровати с балдахинами, небольшое окно и шкаф, забитый одеждой Элиз. На письменном столе лежала куча писем, шкатулок. Моя соседка никогда особо не заботилась о наведении порядка. Однако я чувствовала, что

что-то не так. Я ожидала ощутить спокойствие, комфорт, радость от возвращения, но внутри было пусто. Будто пропасть во мне стала еще шире, еще глубже.

– Что-то изменилось, – прошептала я. – Все... не так.

– Ничего не поменялось, – холодно произнес Шон. – Это ты изменилась. Я знаю это чувства. Будь готова, что так будет со всем. Включая твоих друзей, – в голосе проскользнула едва уловимая тоска.

– Надеюсь, что ты ошибаешься, – проговорила я. – И что мы собираемся делать?

– Не мы. Я, – твердо произнес Хайдс. – Ты остаешься здесь и ждешь. Если до рассвета я не появлюсь с Себастьяном или один – скажешь Мортиусу, что на территории охотник, – Шон подошел к окну и распахнул его настежь. Холод вихрем залетел внутрь, вытряхивая на каменный пол капли дождя.

– Нет, – решительно качнула головой я. – Мы не будем разделяться.

– Кто-то должен остаться, – настоял Хайдс.

– Я напишу записку. И я сейчас в явно лучшем состоянии, чем ты.

Шон стоял ко мне спиной, но почему-то я была уверена, что он улыбается. Его светлые волосы чуть развевались от напористых порывов ветра. В блеклом холодном свете луны они казались вовсе седыми, отдавали платиновым блеском.

– Тебе есть ради кого жить, – произнес он. – Твои друзья

беспокоятся и... – он осекся. – Твоя семья хотя бы жива.

– У меня нет семьи, – жестко ответила я, садясь на кровать. – И никогда не было. Моя мать раздражалась от плача и била меня, а потом и вовсе бросила под воротами академии. Тот факт, что в нас течет одна кровь, для меня сейчас не важен. Если они живы и не ищут меня – я сама по себе. У меня нет фамилии. Я просто Эстер.

Раньше меня это задевало, было моей слабостью, незаживающей раной, беспокойно ноющей по ночам, не дающей покоя. Однако что, если это моя сила? Меня нельзя шантажировать, нельзя отыскать, если я захочу сбежать. Я свободна в своем одиночестве.

– Эстер... Знаешь, что означает это имя? – он повернулся ко мне.

– Разве у нас есть время на разговоры? – сморщилась я.

– Нужно скоротать несколько минут, пока ливень успокоится, – пожал плечами Хайдс. – Иначе мы разобьемся насмерть.

– Ты планируешь вылезти через окно, – констатировала я.

– Тебя это не смущает, – с уверенностью ответил Шон. Я хмыкнула и склонила голову набок. – Эстер означает «скрытная».

– Я открытая книга, – запротестовала я.

– Ты полна секретов, о которых не подозреваешь сама. Думала ли ты, что сможешь стать такой, как сейчас? – он мерил комнату шагами, оглядывая вещи, проводя тонкими пальца-

ми по подтаявшему воску свечей.

– А что означает твое имя?

– Мое... Мое имя значит «энергия, душа, жизнь», – произнес он. – Судьба играет злую шутку с нами, правда? Тебя раздражают тайны, а я некромант...

– А Себастьян? – спросила я. Удивительно, но этот разговор и правда увлекал. Шон остановился, замер подобно статуе. Я рассматривала его влажную от капель дождя кожу, белым пятном светившуюся в темноте.

– Священный, – ледяным тоном наконец ответил Хайдс.

– Откуда ты столько знаешь про имена? – нахмурилась я.

– Истинные некроманты, достаточно сильные, чтобы оживлять не только грызунов и мелких животных, должны знать, как работает энергия и как важно имя. Имя – наше бремя и оружие. Мы не выбираем его, оно даруется нам предками. Но кто задумывался, почему некоторые имена кажутся нам благозвучными, а другие – уродливыми. Это энергия. На самом деле имя – это судьба, сконцентрированная в нескольких звуках. Судьба, облаченная в буквы. Имена для новорожденных детей приходят на ум сами, порой случайно, но лишь дураки верят в случайности.

– А боги смеялись день и вечер, их смешила фраза «случайная встреча»... – произнесла я строчки из давно забытого мною стихотворения.

– Верно... Случается то, что суждено. Мы вольны делать некоторые выборы, но чтобы самостоятельно творить свою

судьбу, менять ее... Нужно непомерно много сил.

– Мои пророчества, – прошептала я.

– Пора, – прервал разговор Шон.

***

Я благодарна Хайдсу за то, что он не стал более со мной спорить, лишь настоял на том, чтобы начать спускаться первым. Мне пришлось разорвать мою старую ночную рубашку, чтобы мы могли обмотать ладони льняной тканью – камни снаружи все еще были влажными, а моя комната располагалась слишком высоко, так что падение явно было бы не самым приятным. Глубоко вздохнув, я перекинула ноги через подоконник. Полы лечебной рубашки подхватил ветер, я даже начала скучать по человеческим джинсам. Были в них свою преимущества.

Дрожащими пальцами я цеплялась за камни, старалась ставить ноги в глубокие трещины в камнях, поросшие мхом и травой. Скользко.

Послышался глухой удар – Шон спрыгнул. Я боязно обернулась, чтобы убедиться, что он цел. Хайдс стоял прямо под мной, протягивая руки. Я оценила расстояние и решила, что стоит спуститься еще немного, иначе мы рискуем снова попасть в лечебное крыло, но уже с новыми переломами. Втянув в себя морозный воздух, я потянула ногу вниз. Пальцы дрожали, а выступа так и не было.

– Прыгай! – громким шепотом произнес Шон.

– Нет... – проговорила я. – Я не...

Падение. Стремительное, головокружительное. Я даже не успела понять, как пальцы сорвались с влажного камня – почувствовала лишь как все внутренности внутри сжались в тугий комок. Это длилось секунду, не больше, но сердце от страха забилося, с бешеной скоростью разгоняя кровь по венам.

Шон держал меня крепко. Мои ноги даже не коснулись земли. Я тяжело дышала, вцепившись в него мертвой хваткой. Тело дрожало. Вдох. Выдох. Наши лица совсем близко. Настолько близко, что даже в полутьме я могла разглядеть крошечные желтоватые крапинки в серых глазах. Отражение звезд.

Мгновение растянулось в часы, в бесконечность. Один воздух на двоих, сердцебиение в такт. Я ошарашенно моргнула, а перед глазами внезапно всплыло совсем другое лицо: жуткое, изуродованное шрамом. Я с ужасом отшатнулась, мотнула головой. Корнет не отпускал меня. Я могла сбежать из его тюрьмы, но он засел в моей голове, отравил мои мысли.

Шон сжал челюсти, отворачиваясь.

– Я не... – оправдания сами слетали с губ, спотыкались, спешили.

– Я понял, – прервал меня Хайдс. – Мы убьем его.

Я кивнула, оглядывая лес, плотной стеной возвышавшийся над нами. Вот мы и вернулись.

***

Урок, который мне пришлось выучить: не так страшны моменты травмы, как ее последствия. Со временем сознание размывает жуткие образы, но паразит иррационального страха остается жить в мыслях. Он плодится, питается, отравляет все. Коварно он прячется в самых темных уголках рассудка, порой впрыскивая свой яд.

Я думала об этом, пока шла по темному лесу, схватившись за рукав Шона. Сначала Хайдс придерживал меня за руку, но мне слишком быстро стало некомфортно от прикосновений. Я не знала, как это можно исправить. Не знала, можно ли вообще. Смогу ли я когда-нибудь просто поцеловать мужчину и думать лишь о том, как мне хорошо? Смогу ли избавиться от навязчивого образа Коронета? Смогу ли вообще влюбиться?

Влюбленность была чужда мне. Порой мне казалось, что чувства захватывали меня, но никогда это не было близко к тому, что испытывают, например, Элиз с Колином. Они готовы дни напролет проводить вместе, терпеть небольшие недостатки, преодолевать ссоры и разногласия. Раньше их было много, то и дело соседка по вечерам сетовала, думала о расставании, но на утро все равно смеялась в объятиях своего избранника. Они подходили друг другу идеально. Она – легкая, громкая и веселая. Она та самая невероятная девушка, в которую были влюблены многие маги. Одно ее присутствие в комнате может вызвать улыбку, подарить спокойствие. Колин же ответственный и собранный, он подходит ко

всему с чистым и холодным рассудком. Может показаться, что они слишком разные, но правда в том, что они дополняют друг друга, становятся единым целым. Элиз помогает Колину хотя бы иногда расслабляться, принуждает его общаться со сверстниками и отдыхать. Херт же в нужных моментах охлаждает пыл Элизабет, успокаивает ее и помогает решить проблему рационально.

А какая я? Непонятная, сама для себя сложная. Раньше я бы охарактеризовала себя как серость. Нейтральная, спокойная, подчиняющаяся. Не самая благовидная характеристика. Но что сейчас? Сейчас я ощущала себя по-другому. Во мне проснулась неизвестная мне сила, решительность. Я больше не желала склонять голову, извиняться и отводить взгляд. Мне так понравился вкус свободы, что я не хочу возвращаться в затхлую тюрьму. Может быть, мне суждено прожить всю жизнь в уединении? Может быть, в самом конце меня поглотит безумие?

– Как далеко его могло отбросить? – я заставила себя вернуться к реальности. Мое внимание стало слишком рассеянным.

– Не больше мили, – произнес Шон.

– Надо было сразу пойти его искать... – вырвалось у меня. – Он может быть уже мертв.

Я знала, что была крайне бестактна, но с Хайдсом мне не нужно было следить за словами или следовать этикету. Я могла говорить свободно то, что думала, и не бояться осуж-

дения. Всю прелесть этого я поняла лишь недавно, а теперь не могла представить, какво отказаться от этого, снова молча вариться в собственных мыслях, ожидая, пока они утянут меня на самое дно темного омута.

– Тогда мы найдем его тело, – ровно произнес Шон.

– Ты не сможешь вернуть его к жизни?

– Вернуть к жизни мага крайне сложно. На это надо очень много сил, жертва. Сомневаюсь, что здесь очень много желающих отдать жизнь за Себастьяна Ламарка, – хмыкнул он. – Средний некромант может провести такой ритуал без жертвы лишь единожды.

– Умерев сам, – произнесла я.

– Я за него жизнь тоже не отдам, – проговорил он.

– А за кого отдал бы?

Тихий вопрос звенел в воздухе. Мы старались говорить шепотом, чтобы не привлечь внимание охотника. Сначала мы вовсе шли молча, но спустя час это порядком утомило обоих.

– За Мэй, – наконец ответил Шон.

– Ты любил ее, – проговорила я.

– Она была слишком хорошей, чтобы оставаться тут. В этом Себастьян был прав. Так что с моей стороны это было бы, вероятно, жестоко.

Я молча шла следом. Я собирала информацию о прежней жизни магов по крупицам. Раньше Шон и Себастьян переговаривались намеками, загадками, но после всего пережитого

они будто были готовы впустить меня в свою душу. Я была открыта ко всем с самого начала и наконец получила ответ, однако у меня больше не было особого рвения выведывать что-либо. Тайн и без этого хватало.

– Ты правда на нее похожа, – задумчиво произнес он.

– Внешне? – уточнила я, обдумывая наше с Себастьяном сходство. Пальцы невольно потянулись к лицу, ощупали осунувшиеся щеки, прямой нос, тонкие губы.

– Это было первым, что бросилось в глаза, – уклончиво ответил Шон.

– Я не думаю, что я слишком хорошая, – произнесла я. – Особенно сейчас.

– Хочешь заставить меня говорить тебе комплименты? – усмехнулся Хайдс. – Осторожно, тут яма...

– Спасибо, – пробормотала я. – Мне не нужны комплименты.

– Ты надежная. Много прощаешь. Не делаешь поспешных выводов. Иногда даже не раздражаешь, – он улыбался. Я покачала головой, сдерживая тихий смех. Шон возвращался в свое привычное амплуа. Точнее, становился таким же, каким был в момент нашего знакомства. Он уже был сломан, наше заключение не особо изменило его. В этом наша разница. Я действительно была инфантильна и наивна. – Но ты ничему не учишься. Опять последовала за мной без плана.

– План есть, – проговорила я, переступая лужу. – Найти Себастьяна живым и вернуться в академию.

– Уже думала, что будет дальше? – задумчиво спросил он.

– На этот раз мы не бросимся никуда, пока не проверим вес точно, – пожала плечами я. – Будем искать дальше.

Шон резко остановился, а я врезалась прямо в его спину. Потерев нос, я нахмурилась.

– Мы? – повторил он. – Нет никаких мы. Есть я и Себастьян.

– Я... – отступила на шаг, всматриваясь в темноту. Мне казалось, что пройденные нами испытания несколько сплотили нас. Был общий враг, общий опыт, общая травма.

– У тебя вообще есть инстинкт самосохранения? – раздраженно спросил он. – Я напоминаю, что дал тебе клятву, что с тобой вес будет нормально. Это значит, что как только мы найдем Себастьяна, ты вернешься к своей привычной и безопасной жизни. Тебе не место на войне. На охоте.

– Я не смогу, – проговорила я. – Я не смогу потерять смысл и...

– У тебя ведь был смысл до всего этого?

– Нет, – решительно произнесла я.

– Значит, найдешь, – он снова двинулся вперед.

– Все поменялось.

– Я уже говорил. Ничего не изменилось. Изменилась ты.

– Нет! – я повысила голос и настойчиво схватила Шона за рукав. – Ты не можешь мне указывать, что мне делать. Вы можете не общаться со мной, снова копошиться во всем самостоятельно, выбросить меня, просто использовав. Я знаю,

что вы не считаете меня другом. Знаю, что вы не считаете, что я чего-то стою... – голос дрогнул. – Но это не так. Это я помогла нам выбраться. Я помогла тебе добраться до академии. Я не бесполезная.

– Я не говорил, что ты бесполезная, – устало вздохнул он. – Я сказал, что тебе не место там. В этом есть существенная разница.

– Нет, – решительно заявила я. – Не надо так пекься о моих чувствах и делать вид, что тебе не все равно. Не надо прикрывать свое пренебрежение заботой, – я сжала кулаки, сдерживая слезы. Почему это так вывело меня из равновесия? – Мне не нужно это. Почти двадцать лет обходилась, обойдусь и сейчас.

– Эстер... – тихо проговорил он.

Внезапно произошло то, что я ожидала меньше всего. Шон обнял меня. Сделал шаг и заключил в объятия. Я замерла, боясь пошевелиться, сама не понимая, отчего. То ли от страха, то ли от шока.

– Какая же ты глупая, – проговорил он. – В жизни таких не встречал.

– Я хочу убить его. Сама. Хочу убить охотника, – проговорила я. – Сначала Коронета, потом всех. До единого.

Хайдс тяжело вздохнул и отпустил меня. Его глаза блестели, а я не могла понять от чего.

– Ненависть – хорошая мотивация. Жаль, что недолгая, – произнес он.

– Поверь мне, я готова пронести ее сквозь всю свою жизнь.

– Поэтому тебе там не место. Ненависть уничтожит тебя саму. Через время оглянешься назад и не узнаешь себя.

– Оно к лучшему. В прошлом я была слишком слаба и нерешительна, – проговорила я.

– Хочу, чтобы ты знала. Если бы из всех людей мне пришлось бы выбрать, кому доверить жизнь, я бы выбрал тебя без колебаний, – произнес он. – Ты не подведешь.

Я удивленно моргнула. Слишком странное откровение. Очевидно, что я не шла ни в какое сравнение по магическим силам с Себастьяном или самим Шоном. Мой дар специфичен и практически бесполезен в обычной жизни. Обычно семьи прорицателей десятками лет живут в уединении, пока не приходит критический момент, как этот. Тогда о них вспоминают.

– Благодарю, – наконец произнесла я. – Я это ценю.

– Я не знаю, что такое дружба, но отчего-то мне кажется, что жизнь ценнее, – Шон оглядывался по сторонам. Небо светлело, а плеяда звезд постепенно растворялась в блеклых лучах предрассветного солнца.

– Другу можно рассказать обо всем, что тяготит душу, прийти за помощью, выслушать, поговорить, отвлечься, найти поддержку. Дружба предполагает самоотдачу.

– Тогда друзей у меня вовсе нет... – задумчиво произнес Хайдс, напряженно оглядывая опушку.

– А как же я? – слышался слабый хриплый голос откуда-то снизу.

28. Ключ к тайнам

Снова больница. Снова запах снадобий, что лекари разводили в каменных ступах. Мы с Шоном еле смогла донести Себастьяна до входных ворот, где нас уже ждал Мортиус. Мы не успели вернуться к рассвету, а это значило, что Элиз уже получила записку. Я не сомневалась, что директор прекрасно был осведомлен о ее содержимом. Я видела это по его лицу. Казалось, что оно такое же, как обычно, но за стоическим равнодушием колыхал яростный огонь. Это было заметно в его глазах, в резких движениях, во взгляде.

– Потом расскажем все, – бросила я наотмашь, аккуратно положив наполовину бессознательное тело Ламарка на каменные ступени, поросшие голубым плющом. По правде говоря, я не знала, почему его называют голубым, потому что внешне он был больше похож на лазурный. Еще больше я не понимала, почему задумалась об этом сейчас.

– Будьте так добрый, Эстер, – Мортиус не выдал своих эмоций голосом. Пожалуй, это то, чему мне стоит у него поучиться. Осмотрев Себастьяна, он кивнул собравшимся у входа студентам и беглым магам. – Здесь совершенно не на что смотреть, возвращайтесь в свои комнаты. Сейчас же.

Толпа зароптала и невольно двинулась вглубь здания, все же бросая заинтересованные взгляды на нас. Я раздраженно фыркнула. Для них наше горе – не более, чем повод для

новых сплетен за завтраком в столовой. Я сама была такой месяц назад, поэтому прекрасно понимала, что новости разлетятся по всем ведьмам достаточно скоро. Едва ли это было то, что меня волновало в данный момент, но неприятный осадок остался.

– Его – в лечебное крыло, – бросил он. – Пусть осмотрят, проверят, а потом сразу ко мне в кабинет. Все, – Мортиусу не нужен был наш ответ, он уже развернулся и зашагал в замок, бросая испепеляющие взгляды на студентов, осмелившихся нарушить указание.

Мы с Шоном коротко переглянулись.

– Ты совсем с ума сошла! – воскликнула Элиз, когда директор отошел достаточно далеко. – Я проснулась, кровь пуста, в комнате эта записка! Ты совсем жизнь не бережешь? – ее тонкие брови то возмущенно взметались вверх, то хмурились, нависая над глазами.

– Ты бы хоть разбудила, на диване не так уж и удобно спать, – проворчал Ник. Его рыжие взъерошенные волосы чуть блестели на солнце, а на светлой коже виднелись розоватые отпечатки от подушки. Он только что встал и едва ли сполна разобрался в ситуации. Колин просто молча покачал головой, поглаживая свою девушку по плечу, чтобы хотя бы немного успокоить. Однако по его глазам я видела, что он крайне разочарован.

– Мы не могли бросить его в лесу умирать, – устало ответила я. Мои силы тоже были на исходе. Меньше всего хоте-

лось тратить их на бесполезные разговоры. Однако я почувствовала укол совести. Мои друзья переживали за меня, ночевали в моей опустевшей лечебной комнате, а я злилась на них за то, что они не в силах понять меня сейчас. Я злилась на них за то, что я катилась в пропасть, а они старались меня удержать.

– Конечно! Подождать пару часов до рассвета нельзя было! – всплеснула руками Элиз. Я видела, что ее гнев постепенно меняется на милость. Она уже внимательно осматривала Себастьяна, старательно скрывая страх и беспокойство за громким возмущением. Я прекрасно знала, что она не переносила чужие страдания.

– Если бы Эстер не пришла, он мог быть уже мертв, – ледяным тоном произнес Шон. – Она правильно поступила. Сейчас его надо отнести лекарям и накормить. Нас держали без еды и воды почти три недели, – отчеканил он. Элиз тут же поутихла. Я не стремилась посвящать ее в подробности наших злоключений, а она, похоже, не совсем об этом задумывалась.

– Мы поможем, – устало вздохнул Колин, подхватывая Себастьяна. Тот приоткрыл глаза и попытался сам встать на ноги, но я тут же одернула его.

– Позволь помочь себе. Хотя бы раз.

– Он там... В лесу... Шкатулка... – произнес он и провалился в сон.

Шон задумчиво прикрыл глаза, будто собираясь с силами.

Что же, похоже нам не суждено получить даже короткую передышку.

***

Впервые я стояла перед Мортиусом и не чувствовала трепет внутри. Я смело смотрела ему прямо в глаза и видела перед собой обычного мага, точно такого же, как и я. Он был ложным идолом, к ногам которого я сложила то небольшое, что у меня было. Отдала себя служению, не получая ничего взамен. Я устала от этого. Устала, что об меня могли просто так вытереть ноги, растоптать. Устала быть вечно извиняющейся невидимкой.

Взгляд блуждал по хорошо знакомому кабинету. Десять лет назад директор впервые пригласил меня сыграть в шахматы с ним. Я утопала в большом кожаном кресле, еле дотягивалась до стола и доски, чтобы передвинуть фигуры. Он разочарованно хмыкал при каждом моем поражении. Я не знала, считает ли он, что я глупа или просто наслаждается моими виноватыми глазами после каждого неверного хода, после каждой сбитой фигуры. Позже он вызывал меня в кабинет, чтобы обсудить мою не самую блестящую успеваемость. Шахматная доска все еще лежала на краю его стола, пугая меня одним своим видом. Потом Мортиус вовсе убрал ее, видимо, потеряв всякую надежду на меня. Я оказалась слабым соперником. Дело было не в том, что я не старалась или не пыталась. Нет. Я корпела над доской, придумывая возможные ходы и комбинации, тренировалась сама с собой

ночами. Дело было в другом. Каждый мой проигрыш загонял меня в рамки. В своеобразную клетку. Я переставала рисковать, боялась делать любые ходы, опасалась всего. Играла по старым схемам, делала одни и те же действия. Ему наскучило. Наскучила моя покорность, моя слабость.

В кабинете было светло: блики полуденного солнца гладили сочные зеленые листья волшебных растений, переполнявших его кабинет. Это было его хобби: растить цветок, поливать его, удобрять, следить за развитием. Однако стоило появиться гнилому стеблю или другому небольшому изъяну – растение тотчас исчезало. Так было и со мной. Заметив дефекты, он решил просто убрать меня из своей жизни. Выкинуть, будто пожелтевший ведьмин глаз, не дающий плоды.

– Я думал, еще больше Вы не сможете меня разочаровать... Эстер, – произнес он, постукивая своими длинными ногтями по деревянной поверхности стола. Мое имя из его уст звучало как самое худшее оскорбление.

Я повернула голову, всматриваясь в точеный профиль Себастьяна. Он оклемался быстрее нас всех: сейчас он выглядел почти как в первый день нашего знакомства, разве что скулы стали острее, а мышцы меньше. Шон же отрешенно смотрел вбок, но уголок его губ подрагивал. Хайдс старательно маскировал отвращение. Откуда? Я поняла бы равнодушие, злость, но эта эмоция меня удивила.

– Мне пришлось снять защитный купол. Из-за Вас. Из-за Вашего инфантильного и бездумного поведения. Вы со-

здали проблемы, с которыми Вам не по силам справиться. И сейчас вы вместе пришли мне сообщить, что сумели еще больше ухудшить свое положение... – он сморщился, запрокидывая голову. – Отчего же сразу армию охотников не привели прямо в наш дом? Отчего же только один? – язвительно вопрошал он.

– Я благодарна Вам за спасение, – выдавила из себя я. Я прекрасно понимала, что все, что он сказал, – справедливо. Как бы я не хотела сопротивляться, сейчас это делать я была просто не вправе. Если бы не Мортиус, я была бы уже мертва.

– Вы – сплошное разочарование, – процедил он.

– Прошу прощения, господин Мортиус, – Себастьян сощурился. Я резко обернулась на него, прекрасно понимая, что таким тоном он ничего хорошего точно не скажет.

– А вы... Оба. Я приютил змею на груди, – он покачал головой. – Вместо благодарности за гостеприимство я получил это...

Впервые я видела Мортиуса таким несдержанным. Таким эмоциональным. Мне казалось, что вывести его попросту невозможно, а сейчас желала вернуть его прежнюю маску безразличия.

– Вы вините во всем Эстер, – невозмутимо продолжил Себастьян. – Срываете на нее свой справедливый гнев, но правда в том, что вина в большей степени на нас, – он подбирал слова, говорил аккуратно. Шон предостерегающе мотнул головой.

– Мистер Ламарк, – Мортиус встал со своего кресла в полный рост. – Мое гостеприимство весьма условно. Я не обязан впускать в свою обитель каждого мага.

– Удобно, что во время охоты вы получили чрезвычайные полномочия, правда? – спросил он. – Желаете так быстро выгнать меня?

– Себастьян... – предостерегающе прошептала я.

Он обернулся на меня, непонимающе мотая головой. В его глазах сверкало возмущение. Я не понимала, разозлился ли он на Мортиуса или... попытался вступить за меня? Второй вариант казался безумным бредом моего дефектного рассудка.

– Знаете... Неправильно ругать детей за плохое воспитание, – наконец сказал он, глядя прямо в глаза директору. – Это родители не справились. Это ведь была их обязанность: растить, заботиться... – он медленно перевел взгляд на меня. – А не бросать.

– Что? – я мотнула головой. Этого не может быть. Просто безумная догадка. Повисло молчание. Мортиус не стремился отрицать что-либо. Он не отпирался. Лицо директора разгладилось, вновь став до ужаса спокойным.

– Дети не всегда любимы, – коротко ответил он. – Не всегда достойны заботы.

Я отшатнулась на шаг, прижимая руку к груди. Мне казалось, что там действительно появилась зияющая рана. Я задыхалась. Задыхалась и захлебывалась в вопросах, которым

так и не суждено вырваться наружу.

– Вы добились того, чего так желали? – он приподнял брови. – Была бы она хотя бы на долю умна, прекрасно бы поняла Ваши очевидные подсказки, – он хмыкнул. – Вы посмели выкрасть личный дневник... – Мортиус снова сморщился.

– Люция Антвуд... – произнесла я. Антвуд. Это фамилия моей матери. Фамилия женщины, что так раздраженно била меня наотмашь, чтобы я перестала плакать. Фамилия женщины, что в своих дневниках писала о том, как ее раздражает новорожденная дочь.

– Не смей использовать эту фамилию, – резко оборвал меня Мортиус. – Она не твоя.

– А какая моя? – я покачала головой и сжала губы. – Какая у тебя фамилия, отец?

– У тебя нет рода, – отчеканил он, впервые повысив голос. – Нет отца. Нет матери.

– Есть, – я подняла подбородок. – У меня есть род. Но это не вы отказались от меня. Это я отрекаюсь от вас, – сквозь сжатые зубы произнесла я.

– Ты много о себе возомнила, – надменно произнес Мортиус. – Твоя мать была великой ведьмой, ты не сможешь опозорить ни ее клан, ни мой.

Слезы застилали глаза. Я прикладывала все усилия, чтобы не дать им сорваться с ресниц. Не сейчас. Но это были не слезы горя. Я не оплакивала потерянную семью. Это были слезы злости. Злости на саму себя. За смелые мечты о любя-

щих родителей. За мысль о том, что я могла быть достойна любви.

– Тогда и твой, и ее клан закончатся на вас, – выплюнула я и развернулась. Ноги сами несли меня прочь. Прочь от этого кабинета, надменного лица, чужих взглядов. Несли меня в место, где я всегда могла найти уединение и спокойствие. Крохотная библиотека, заполненная письмами, что так никогда и не нашли адресатов. Моя колыбель спокойствия.

***

Плакать сил больше не было. Мне казалось, что все положенные мне слезы остались там, в Фужере, но сейчас я даже жалела, что не осталась там. Некоторые тайны действительно лучше не узнавать. Иногда секреты действительно защищают нас. Я закусил внутреннюю сторону щеки и зажмурилась, подтянув колени к груди. Тут я могла позволить себе слабость. Могла позволить себе отпустить себя. В горле клокотали невнятные всхлипы. Истерика. Она захлестывает волной, топит, не дает опомниться. Поэтому я просто отпускаю себя и позволяю себе почувствовать всю боль, от которой так усердно отрецивалась. Не только последний месяц, но последние годы.

Шон был не прав. Ненависть живет долго. Она растет, питается и питает. Во мне течет его кровь. И если Мортиусу удалось пронести сквозь десятилетия свою ненависть, удастся и мне. Я не хотела походить на него. Не хотела становиться такой же. Но шаг за шагом я приближалась к этому. И

сейчас я снова была на краю пропасти. Все, что от меня требовалось, – маленький шаг вперед.

29. Новый старый дом

Открыв глаза, я не сразу понимаю, где нахожусь. Беспокойно сажусь, оглядываясь вокруг. Элиз оставила окно открытым на ночь, поэтому утренняя дымка пробралась в комнату и теперь обволакивала мое вспотевшее после сна тело. Я поежилась и опустила ноги на старый ковер, силясь успокоить сбившееся дыхание. В моих снах приходил он. Смеялся над моей попыткой сбежать, резал, потешался, убивал меня медленно. Я видела тела Себастьяна и Шона. Коронет. Но через несколько мгновений все поменялось – я стояла среди тел моих друзей напротив Мортиуса. Его леденящее душу спокойствие вызывало во мне душасущую панику. Отец...

– Ты уже встала? – пробормотала соседка сквозь сон. – Еще рано...

– Спи, – бросила я и направилась прочь из комнаты. Мне нужно было убраться отсюда как можно дальше. Шаг перешел в бег. Это успокаивало, дарило надежду, что так я и вправду смогу убежать. От проблем, от охоты, от самой себя. Главное – не останавливаться.

Ноги сами привели меня к дверям башни, где порой мы с Шоном и Себастьяном виделись до нашего безумного побега. На секунду я остановилась, представляя, что они сейчас сидят там, потому что также как и я не в силах спать. Не в силах выносить эти ночные ужасы.

Я робко толкнула дверь, потревожив столпы пыли, беспокойно закружившиеся в воздухе. Спертый запах старых книг и дерева тут уже окутал меня с головой. Он успокаивал, убаюкивал, словно ребенка. Тишина. В комнате было пусто. Я покачала головой. Нам так и не удалось поговорить с Себастьяном, прояснить все вопросы, что заразной паранойей передались мне от некроманта. Я не могла перестать сомневаться. Знала, что теперь не могу доверять всем. Раньше казалось, что все просто. Есть друзья. Есть враги. Отличить их несложно. Охотники пытаются убить тебя, друзья живут с тобой бок о бок, делят пищу и невзгоды. Однако все поменялось. Для меня. Шон был прав, я просто стала видеть глубже, хотела сорвать со всех маски, пробиться к истине. Мне не хотелось играть роль второго плана в паршивой пьесе. Не хотелось следовать написанному сценарию.

Но я не могла видеть врага в каждом. Я не могла сойти с ума.

Больше я не могла доверять Мортиусу, сомневалась в Ламарке, не могла положиться на друзей – они просто не понимали. Я вернулась в место, что звала домом, но дома здесь не было. Его не было нигде: ни в старом замке, ни в моей привычной комнате, ни в моей голове. Я везде чужая, везде неприкаянная. Хотела бы я отмотать время назад и остаться жить в своей простой до тошноты иллюзии? Нет. Это было бы слабостью. А этого позволить себе нельзя.

Особенно сейчас. Охотник оказался на нашей террито-

рии, выходить более не безопасно. Академия стала тюрьмой для всех нас, а я молилась, чтобы она не превратилась в погребальную.

Меня тяготило осознание, что даже сейчас, находясь в академии, мы не можем быть в безопасности. Мортиус установил повышенную защиту на здание, заблокировал все выходы и окна, запустил поисковые огни в лес, но я все равно чувствовала себя в ловушке. Защитный барьер, каменные стены, заклятия – все это не спасало. Не спасало от гнетущего чувства обреченности, из-за которого невозможно что-либо делать. Я все еще помнила, что кто-то в академии проводил сильные ритуалы, требующие жертв. Перед глазами возникло лицо Синтии, хватаящей воздух посиневшими губами. Она первая. И не последняя. Эта череда смертей не закончится до тех пор, пока мы живы. Возможно, в чем-то охотники и правы. Мы несем смерть. Жертвуем жизни ради силы. Я сжала кулаки и мотнула головой, выбрасывая эти мысли из головы. Люди умирали всегда. Войны, эпидемии, старение... Все это естественно, не вызывает осуждения, тогда почему нас преследуют за нашу сущность? Почему нас стремятся истребить, когда мы лишь хотим жить по своим правилам, отделившись от остального мира? Я оглядела пустую комнату, будто могла найти что-то спасительное. Что-то, что вытянет меня из болота собственных мыслей.

На краю стола лежала та самая книга. Книга, которую листал Шон вечером накануне «путешествия». Накануне на-

чала трагедии. Он пытался найти связь моего видения с реальностью, будто я могла действительно изменить что-то в своем сне. Я с усмешкой погладила книгу, покрытую слоем пыли. Мягко взяла ее в руки, провела подушечкой пальца по сморщенному кожаному корешку. «Арий Морт. Полная биография». Морт – прекрасная фамилия, в ней заключена первобытная сила, потому что «морт» – это смерть. На французском. Я усмехнулась и пролистала старые страницы. Что-то заставило меня остановиться, вернуться назад. Я с удивлением посмотрела на номера. «99», потом «102».

Склонив голову набок, я потерла пальцами старую шершавую бумагу, чтобы убедиться, что страницы не склеились.

Подхватив книгу, я решительно направилась в знакомое крыло, где жили колдуны. Миновав несколько лестничных пролетов и коридоров, я оказалась у двери, за которой мирно спали Себастьян с Шоном. Уже было раннее утро, запирающие заклятия не действовали. На секунду я задумалась: откуда у Мортиуса столько сил? Он тратит бесчисленное количество магии на поддержание жизни в этом месте: защитный купол, множество не самых простых заклинаний внутри академии, поисковые огни, мертвые огни в коридорах... Все это ежедневно ослабляет его, но директору удается поддерживать магию. Как?

Я вздохнула и постучала в деревянную дверь. Мой стук гулким эхом прокатился по пустующему коридору. Из комнаты слышались шорохи, приглушенные голоса. Они уже

не спали.

– Кто? – леденящим душу голосом спросил Себастьян.

– Это я.

Ему не потребовались уточнения – дверь распахнулась.

– Что случилось?

Лицо Себастьяна выглядело по-прежнему изможденным, волосы слегка растрепались после сна, на бледной коже виднелись розоватые полосы. Домашняя одежда чуть смялась, а взгляд казался туманным. Я молча протянула Ламарку книгу и шагнула в комнату. Шон сидел на кровати, а робкие солнечные лучи касались шрама на его обнаженной груди.

– Сотой страницы нет, – проговорила я, прекрасно понимая, что колдуны точно поймут, о чем идет речь.

Себастьян перехватил книгу у меня из рук и пролистал, чтобы убедиться самостоятельно. Он нахмурился и просмотрел еще раз. Я, не спрашивая разрешения, села на его расправленную кровать и прикрыла глаза на несколько мгновений. Хайде поднялся и растянул затекшие после сна мышцы. На его теле было множество шрамов, отливавших серебром в полутьме.

– Вывода два, – проговорил Ламарк. – Первый: ты можешь менять события, которые видишь в видениях. Второй: твое пророчество сбылось.

– Крысиный король – это академия, – прошептала я. – Ведьмины мешочки – защитный барьер, а мы...

– Мы – крысы, что бегут к крысиному королю, – закончил

за меня Шон.

– Как это возможно? Как я могу менять что-то в видении? Я никогда раньше не читала о подобном...

– Магию нельзя понять сквозь книги. Она меняется, адаптируется порой совсем непредсказуемым образом. Мортиус – темный маг, причем достаточно сильный... – размышлял Себастьян. В это время я просто легла на прохладную простынь и потерла лицо руками. Навалилась невообразимо тяжелая усталость от всего. Все, что я хотела, – уснуть. На день, неделю, месяц. Хотела, чтобы это скорее закончилось. – Если ты дочь прорицательницы и темного мага, их способности могли смешаться.

– Так не бывает, – проговорила я.

– Бывает. Ты сама видела Фидеуса.

– Но я не владею темной магией, не могу призывать сильных духов или...

– Ты можешь владеть темной магией в своих видениях, – предположил Шон. – Ты сумела изменить события там. Изменить так, как сделал бы темный маг. Ты не просто наблюдатель, а активный участник.

– И как нам это поможет? – пробормотала я.

– Надо искать способ катализировать твое видение, чтобы проверить теорию, – задумчиво произнес Себастьян. – Займемся этим завтра.

– Почему не сегодня? – я приподнялась, оглядывая колдунов.

– Сегодня у нас есть планы. Я думаю, мы все заслужили один день отдыха.

– Неподходящее время, – фыркнула я. – По лесу бродит охотник, мы все заперты тут, а Мортиус...

– Подходящего времени может и не быть никогда, – прервал меня Себастьян. – Возможно, до конца нашей жизни нам придется бороться или скрываться. Но сейчас мы почти свободны, а потому можем позволить себе один вечер посидеть, выпить вина и насладиться этой передышкой. Непонятно, что ждет нас завтра и доживем ли мы до завтра вообще. Но это неважно. Смерть всегда была нашим верным спутником, однако так отчетливо мы это ощутили лишь сейчас. Пусть даже завтра не наступит, у нас есть сегодня.

Я медленно закивала, обдумывая его слова. Нам необходим отдых. Мы все слишком измотаны, а проблемы продолжают наваливаться, множиться с каждым днем. Стоит нам решить одну – возникают две новые. Если мне суждено умереть в ближайшее время, я хочу, чтобы в последние мгновения жизни я могла вспомнить хотя бы какие-то приятные моменты, а не задыхаться от сожаления и упущенных возможностей. Я и без того провела годы жизни в полудреме, подчиняясь строгим правилам и ограничениям.

– Это все прекрасно, конечно, – угрюмо проговорил Шон. – Однако, я считаю, что нам стоит обсудить кое-что важное.

Я приподняла голову, вглядываясь в лицо Себастьяна.

Некромант скрестил руки и сощурился.

– Почему охотник не трогал тебя? – прямо задал вопрос Хайдс.

– Вы что, считаете, что я мог добровольно привести вас к охотнику? – Ламарк покачал головой. – Я виноват, но только в том, что поверил Фидеусу. Посчитал, что меня обманывать ему нет никакого смысла. Ошибся.

– Я считаю, что ты хотел отомстить. И тебе было совершенно все равно, какую цену за это придется заплатить, – Шон сжал челюсти.

– Ты прав. Мне все равно, что мне придется для этого сделать, сколько страдать. Однако я считаю тебя другом. Единственным настоящим другом, с которым мы прошли через многое, – Себастьян открыто смотрел в глаза Хайдса. – У нас были разногласия, я знаю, что есть вещи, за которые ты меня не простишь никогда. Правда в том, что я бы ни за что не подверг тебя смертельной опасности. Мне было все равно на Эстер... сперва, – он обернулся, заглядывая в мои глаза. Я лишь молча кивнула, прекрасно осознавая этот неприятный факт с самого начала. Глупо было надеяться, что он внезапно захочет заботиться о совершенно незнакомой девушке. – Но лишь сперва. Я виню себя за то, что произошло. Потому что моя вина в этом, безусловно, есть. И я благодарен вам обоим. За все.

– Я не обижаюсь, – произнесла я после секунды раздумий. – Я понимала это... – хотелось сказать что-то еще. Хо-

телось сказать, что сейчас все изменилось. Сейчас я не знаю, как могу доверять кому-то, полагаться на кого-то кроме себя, поэтому я промолчала.

– И сейчас я в долгу перед тобой за все, что ты делала. Ты оказалась смелее и добрее, чем я ожидал, – глаза Себастьяна блеснули. Я перевела взгляд на Шона, который еле заметно кивнул. Тоже самое он говорил мне, когда мы шли по лесу.

Я себя смелой вовсе не считала. Может быть, это оттого, что я прекрасно знала, как я тряслась от страха каждый раз, когда надо было решиться на отчаянный поступок. Знала, как сомневалась, принимая решения. Знала, что даже думала бросить колдунов в замке и забыть обо всех кошмарах, что там происходили. Я не была доброй, самоотверженной или, тем более, отважной. Я была странной. В этом правда. Я не могла объяснить себе и половину совершенных мною поступков иначе как безумием. Я поднялась на ноги, расправила смявшееся ночной платье и взглянула в окно.

– Скоро идти на завтрак, – произнесла я.

Себастьян не отрывал от меня взгляд. Мне сложно было сказать, что он выражал, потому что в его глазах смешалась боль, отчаяние, вина и благодарность.

– Эстер... – позвал меня он.

В несколько шагов он преодолел расстояние между нами и заключил меня в крепкие объятия. На секунду я опешила, каждая мышца моего тела напряглась, но через мгновение я расслабилась, растворяясь во внезапно нахлынувшем

чувстве защищенности. Робко приподняв руки, я обхватил Ламарка в ответ, прижимаясь к его плечу. Пальцы Себастьяна медленно гладили спину, очерчивая выступающий позвоночник. Рука переместилась выше, зарываясь в волосы.

– Поверь мне, – прошептал он мне на ухо. Его дыхание обожгло кожу, покрывшуюся мурашками. – Я сделаю все, чтобы отомстить Коронету. Если понадобится, сожгу весь мир, чтобы мы наконец могли жить в спокойствии.

– Я помогу тебе в этом, – прошептала я в ответ, сильнее сжимая руки.

***

Мы пошли в общий обеденный зал вместе. Мне было все равно на перешептывания, все равно на то, что я даже не передела ночное платье. Себастьян шел с гордо поднятой головой, Шон снова скрыл эмоции за маской безразличия. В коридоре, прямо перед поворотом, Ламарк внезапно замедлился. Я почувствовала легкое прикосновение его пальцев к своей ладони.

– Если что-то пойдет не так, говори мне, – произнес он. Шон фыркнул и зашагал вперед. Себастьян проигнорировал это и крепко сжал мою руку в знак поддержки. Я кивнула и мы направились внутрь, все также не разрывая прикосновение.

Гул голосов усилился, когда мы зашли в столовую. Я оглядела переполненные столы. Смех лился отовсюду, кто-то переговаривался, кто-то лениво перебирал еду в тарелке.

Жизнь у этих магов продолжалась без изменений. Это было так странно осознавать, будто я вернулась в совершенно непонятный мне мир, застывший во времени. Здесь была законсервирована имитация счастья, спокойствия и свободы. Симулякр.

– Так странно, – тихо проговорила я. Себастьян ободряюще сжал погладил большим пальцем мою ладонь.

– Идем, – он потянул меня вперед. Я послушно следовала за Ламарком, оглядываясь в поисках Элиз, Колина и Ника. Они должны были уже проснуться.

Изо всех сил я старалась игнорировать косые взгляды, перешептывания и обсуждения, которые вызвало наше появление. Я не знала, какие слухи ходили, что думали все эти колдуны, но я не привыкла к такому вниманию. Мне вполне комфортно было в моем амплуа невидимки, тихо скользящей сквозь толпу, предпочитающую игнорировать мое существование.

Себастьян сложил нашу еду на свой поднос. Шон, сраженный внезапным приступом угрюмости, шагал впереди. Сложно было сказать, что в обычное время он отличался особой жизнерадостностью, но настроение его определенно переменялось по неизвестной мне причине.

– Что это с ним? – спросила я.

– Я думаю, будет лучше, если ты спросишь его об этом сама. Но лучше сделать это не сейчас, – нехотя ответил мне Себастьян, а я лишь нахмурилась. Что так сильно его раз-

дражало?

– Ты не знаешь или не хочешь говорить? – уточнила я.

– Считаю, что тебе стоит спросить его лично, – уклончиво ответил он.

Я тяжело вздохнула и покачала головой. Мы сели за стол, поэтому разговор продолжиться не мог. Я молча ела, наслаждаясь даже самой простой едой: рисовой кашей, вареными яйцами и водой.

Неожиданно за стол села малознакомая девушка. Я покосилась на нее, но предпочла промолчать. Свободные столы еще были, но она решила прийти именно за наш. Девушка неестественно широко улыбалась и поправляла рыжие кудри, падавшие на едва прикрытые плечи.

– Астрид! Как у тебя дела? – позвала она. Я прекрасно знала, что многие неправильно запоминают мое имя, используя именно эту форму. Раньше я бы доброжелательно откликнулась и поправила, но сейчас мне лишь хотелось поесть в тишине.

– Ты перепутала имя, – холодно заметил Себастьян. Я удивленно перевела на него взгляд.

– Да? – девушка смутилась. Я вгляделась в ее едва знакомые черты лица. Мне казалось, что я видела ее среди студентов, возможно, хранителей, но уверенности не было.

– Что тебе надо? – устало спросила я, отложив ложку. Лучше сразу перейти к делу, чем играть в социальную прелюдию, что так любили тут.

– Хотела пригласить тебя посидеть с нами сегодня, – тут же лучезарно улыбнулась она. – Можешь взять своих... Друзей, – она бросила заинтересованные взгляды на Шона и Себастьяна. Парни переглянулись, с непониманием смотря на неожиданную гостью.

– Спасибо, мы подумаем, – кивнула я и вернулась к своему завтраку.

– Эстер забыла добавить... Мы хотим сидеть втроем, – Шон скрестил руки на груди, безучастно смотря на ступавшую девушку. – Попрошу тебя уйти, – добавил он и отвернулся, не видя смысла в дальнейшем диалоге.

– Как грубо, – заметила я, когда девушка молча удалилась.

– Шон когда-то был вежливым? – приподнял бровь Себастьян.

– Да, – уверенно произнесла я. Хайдс медленно поднял на меня взгляд.

Конечно, сложно было назвать его общение со мной вежливым, оно скорее стало теплым, но в привычной для него колкой манере. Я никак не могла угадать, когда он неожиданно откроется, а когда, вновь оскалится. Шон был похож на ежа. Снаружи окружил себя сплоченными колючками, кажется, что подступиться невозможно, но внутри крылась до удивления умильная простота. Это было позволено увидеть далеко не всем. В отличие от Себастьяна, Хайдс даже не пытался делать вид увлеченности в неинтересную беседу, он был прямолинеен. Ламарк же действовал намного хитрее,

он забирался под кожу, заставлял привыкнуть к себе, ждать еще порцию внимания.

– Вежливость бессмысленна, если это лишь формальность. У меня либо есть уважение к человеку, либо нет, – произнес Шон. – Эта девушка не смогла запомнить твое имя, а приглашение – лишь предлог.

– Это я и так поняла, – проворчала я, отворачиваясь.

– Она хотела выпытать у тебя подробности о заключении или заставить прийти нас с Себастьяном, потому что об этом ее попросила сестра ее подружек, которая смотрела на нас с момента, как мы зашли в столовую. Я уважаю честность. И не уважаю попытки использовать близких для меня людей, – он приступил к еде, четко давая понять, что не намерен продолжать дискуссию.

В голове гулким эхом пронесся отрывок его фразы. «Ближних мне людей». Я сомневалась, что Шон врал или пытался манипулировать мной. Отчего-то мое сердце гре- ла мысль о том, что он включает меня в достаточно короткий список дорогих ему магов. В дверях показалась Элиз. Ее светлые волосы были собраны в небрежный пучок, а вместо привычной улыбки на лице отразилась странная грусть. Колин, шедший рядом, приобнимал свою девушку и кивал в ответ на очевидно долгий и эмоциональный монолог Ника, вившегося рядом. Я помахала друзьям, те кивнули мне в ответ и направились за едой.

– Чем займемся сегодня? – спросила я.

– На вечер планы уже есть, а днем я бы все же хотел посидеть в библиотеке, – произнес Ламарк. – Поищу случаи, похожие на твои, подумая, что мы можем с этим сделать. Завтра попробуем катализировать видение.

– Мне нужно еще зайти в лечебное крыло, – задумчиво проговорил Шон. – И придумать, что делать с охотником. Я бы не оставлял всю работу на Мортиуса. Я ему не доверяю.

– Я никому не доверяю, – проговорила я. – А ему меньше всего.

– Помню время, когда ты защищала его, – проговорил Себастьян. – Мы тогда только встретились в подземелье, пытались оживить крысу... – на его губах на мгновение показалась грустная улыбка.

Я встрепелась, также вспомнив наше первое настоящее знакомство, а еще свое видение, с которого начался этот стремительный водоворот событий.

– Подземелье... – проговорила я. – Надо попытаться спуститься на нижние уровни, поискать что-то. У меня было видение с тремя мертвыми телами там. Синтия уже погибла. Осталось еще двое.

– Три жизни магов для ритуала – достаточно много, – проговорил Шон.

– Я сегодня думала о том, что Мортиус тратит слишком много магии. Несмотря на мое отношение к нему, он один из сильнейших магов, но даже у него есть предел.

– Он решил отделаться малой кровью, – произнес Ла-

марк. – Всего три жертвы ради безопасности сотни магов, – он задумчиво кивнул. – Разумно. К тому же... В таких условиях заметить исчезновение магов крайне непросто.

– Если это действительно он, то понятно, почему он не остановил Синтию во время занятия. Ее смерть была бы не на его совести... По крайней мере, формально, – произнесла я. – И та шкатулка в лесу... На ней ведь стоит мощное защитное заклятие.

– Шкатулок несколько, – сказал Себастьян. – Я нашел еще две, пока пытался дойти до академии после перемещения. Защитный купол не целостный... стоило догадаться. Каждая шкатулка должна обеспечивать защиту в определенном диаметре.

– В таком случае, что будет, если уничтожить шкатулку? – спросила я, уже понимая, каким будет ответ.

– Защита разрушится, – угрюмо сказал Шон.

– Если охотник найдет хотя бы одну шкатулку, он может догадаться, – кивнул Ламарк.

– Прекрасно, – пробормотала я.

Мы все стихли, когда к столу подошли мои друзья. Я лениво перебирала скорлупу, что осталась от очищенного яйца. В голове отчаянно бились разрозненные мысли, что никак не хотели сложиться в одну четкую картину. Я боялась признаться себе, что в действительности академия далеко не так безопасна, как я привыкла считать. В действительности, мы сами построили себе склеп.

– Мы собираемся сегодня поиграть в кости, – будничным тоном заявила Элиз, садясь рядом со мной.

– Раз уж нам запрещено теперь выходить из замка, надо как-то развлекаться, – со знающим видом произнес Ник. – А то от такой тоски и помереть можно... Никакие охотники не нужны будут.

Я вполне привыкла к необдуманному и не всегда уместным фразам Ника. Он никогда не хотел обидеть или задеть кого-то своими высказываниями, но останавливаться никогда не умел. Казалось, что у него в голове вообще отсутствует фильтр речи, а произносит он все, что придет на ум. Тем не менее, я вздрогнула, услышав его фразу. Бросив быстрый взгляд на замершего Себастьяна, я покачала головой. Не стоило сейчас разжигать бессмысленные конфликты, к тому же, Ник – один из самых добродушных магов. Я знала, какую боль увижу в его глазах, когда он поймет, что только что сказал. Мы все оберегали его, как ребенка, иногда закрывали глаза на мелкие шалости, непосредственность и излишнюю открытость. В этом был весь Ренар, а мы его любили именно за это. Тарелка анимага была полна яиц и жареной курицы, так что Ренар тут же приступил к трапезе, не обратив внимание на изменившееся настроение магов. Элиз тихо сжала мою руку под столом и бросила на меня сочувственный взгляд. Я слабо улыбнулась и кивнула.

– Я, возможно, присоединюсь к вам, но у меня есть несколько дел на сегодня, – протянула я.

– Эстер! – возмущенно воскликнула моя соседка. – Только не говори мне, что ты собираешься снова сделать что-то странное и опасное! Ты только вернулась в академию, а уже хочешь заняться чем-то странным, я же по глазам твоим вижу это...

– Это не так, – спокойно ответила я. – Мне просто нужно будет сходить проверить кое-что... Это не займет много времени.

Я лгала. Абсолютно бесчестно и без зазрения совести. Я понятия не имела, что могло меня ждать на нижних этажах подземелья, но отчего-то внутри меня крепла уверенность, что там может таиться нечто важное. В видениях было гораздо больше тайных смыслов, чем мне казалось раньше. Все детали были важны.

– Элиз права, – спокойно сказал Колин. – Довольно метаться и искать непонятно что. Тайны будут лишь множиться, ответов на все не сыскать.

– Правда? – я обернулась к друзьям. – Ты ведь знал. Мне кажется, ты прекрасно понимал, что скрывает от меня Мортиус, – я сощурилась, наблюдая за его реакцией.

Колин мотнул головой и поджал губы.

– Я догадывался, – уклончиво ответил он.

– Что мы пропустили? – спросил Ник, оглядывая то меня, то Херта.

– Я не был уверен в своей догадке. Если бы Мортиус хотел, сообщил бы тебе сам. Я не имел никакого права вмешиваться.

ваться, – Колин говорил тихо, опустив взгляд куда-то в тарелку с нетронутым завтраком.

– Элиз? – молящий тон моего голоса заставил меня само поразиться.

– Я не... – девушка запнулась, – не хотела давать тебе ложную надежду.

Себастьян покачал головой, бросив на меня сочувственный взгляд. Я поднялась с места, оглядывая друзей, стеснявшихся поднять на меня взгляд.

– Спасибо, – процедила я. – Спасибо, что не вмешивались.

Злость наполняла мое тело. Раньше я и не подозревала, как много можно чувствовать в один момент. Сейчас я лишь хотела подумать, решить, как мне нужно реагировать на все происходящее, успокоить бушующие эмоции. Если бы я осталась там, за столом, непременно сказала бы что-то неуместно обидное, расстроила бы добродушную соседку. Сейчас же я направлялась прямо в свою комнату, чтобы сменить одежду и спуститься туда, откуда все началось.

30. Кости

Правила всегда предполагают исключения, иначе зачем они созданы? Законы нужны большинству, что следовать воле сильных, однако это путь к вечной слепоте, слабости и подчинению.

Передо мной было обыкновенное запирающее заклятие. Очевидно, что директору приходилось перераспределять силы, бросить все на защиту академии от внешних врагов. Он и не думает, что в такие темные времена кто-либо может послушаться его указов и идти собственным путем. Я с усмешкой вспомнила свое видение про обезумевших крыс, мечущихся вокруг трупов своих сородичей, решивших застыть, сплести свои хвосты в крепкий узел. Что не движется – мертво. Даже если есть дыхание, пульс и мысли, оно живет в ожидании неизбежной бесславной кончины. Живые – по-настоящему живые – движутся и ищут выход.

Я крепко сжала магическое кольцо, в котором слабо пульсировала неизвестная мне сила. Эта же сила текла по моим венам, питала меня, заставляла раз за разом вставать и искать новые пути, новые решения. Магия. Вот, что отличает нас от обычных людей. Они лишены этого ценного природного ресурса: живут меньше, живут слепо, чтобы не тратить энергию зря.

Я провела пальцем по замку и закрыла глаза. Если во мне

течет кровь сильных магов, если за моей спиной могущественные предки, я должна бороться со всеми своими слабостями.

Слова, давно выученные наизусть, срывались с губ, пока пальцы нервно сжимали холодное лезвие небольшого ножа. Холодный металл рассек огрубевшую кожу ладони, а я приложила рану к дереву, чувствуя, как вместе с кровью утекает моя магия. Я отдавала ее щедро, платила за возможность разрушить созданное моим отцом заклинание. Уничтожить всегда легче, чем созидать.

Дверь тихо подалась, открывая передо мной длинную темную лестницу. Здесь не горели мертвые огни, не было и обыкновенных свечей. Я вытерла лезвие клинка о ткань платья и убрала оружие в ножны. Вздохнув, я подняла с полу свечу и коробок спичек. Пламя вспыхнуло ярко, на миг ослепляя привыкшие к темноте глаза.

На ступеньках скопились влажные капли, мертвый холод тянулся по ступенькам к моим ногам. Я зашагала вперед, внимательно смотря на камни. Здесь не так сложно поскользнуться.

Мортиус должен был отправиться на поиски охотника вместе с некоторыми преподавателями, так что студенты были предоставлены сами себе. Весьма опрометчивое решение, но иного выхода не было. Гораздо важнее вычислить хищника, обманом забравшегося в загон.

Пальцами я гладила холодные камни, обкатанные водой.

За моей спиной сомкнула объятия тьма, боязливо избегавшая зажженную свечу.

Страх скребся внутри, отчаянно просился наружу, но я подавляла его, заставляла подчиниться. Я не особо боялась темноты, не боялась того, что может в ней скрываться и, уж точно, я не боялась смерти. Отчего же тогда первобытный ужас сковывает мои движение? Отчего же тогда так дрожат мои руки? Видимо, я лгунья. Обманываю сама себя, притворяюсь смелой даже в одиночестве.

Рукой я нащупала проход. Лестница вела еще дальше, но спускаться так далеко мне сейчас не особо хотелось.

Я блуждала по коридорам, всматриваясь в темноту за решетками. Это была тюрьма. Сейчас она пустовала, в углах маленьких душных камер толстые пауки сплели свои прочные сети. Ничего. Не знаю, сколько времени мне пришлось блуждать по второму уровню, время текло странно, вязко.

С легким разочарованием я вернулась к лестнице и продолжила свое путешествие вниз. Еще уровнем ниже меня ждал точно такой же коридор, с точно такими же пустыми камерами. Если здесь действительно ничего нет, зачем ставить запирающее заклятие? Зачем запрещать ученикам академии спускаться?

Последний уровень, лестница дальше не вела. Я вздохнула и направилась в коридор, уже потеряв слабую надежду найти хотя бы что-либо. Я скользнула равнодушным взглядом по уже привычным решеткам, замкам, но резко остано-

вилась, увидев деревянную дверь. Нахмурившись, я шагнула вперед. Тихий скрип, треск свечи, мое неровное дыхание. Это все, что нарушало мертвую тишину этого забытого места. В комнате не было ни паутин, ни плесени. На влажных стенах отражали огненные блики дрожащего пламени.

Посреди комнаты располагался круглый мраморный помост, в углу стояли восковые свечи, коробки. Я открыла одну из них. Маленькие холщовые мешки, засушенные травы, камни, старый пергамент. Я аккуратно подцепила бумагу, боясь, что она раскрошится у меня прямо в пальцах. Держа находку подальше от пламени, я попыталась разглядеть текст. Латынь. Слова неизвестного мне заклятия плясали, размывались перед глазами. Кто-то здесь готовится к ритуалу. Воск на свечах не потек, травы не рассыпались в пыль. Это все – заготовка.

Я ошарашенно отшатнулась. Секунду я колебалась в сомнении, стоит ли забрать с собой пергамент, чтобы дать почитать его Себастьяну или Шону: они явно больше понимали в такой магии. Однако я решила, что кто бы ни собирался здесь работать, ему это определенно не понравится. Я аккуратно сложила вещи из коробки на место.

Капля воска с моей свечи обожгла руку и упала на плитку с глухим стуком. Я опустила взгляд вниз. Каменная плитка здесь отличалась от той древней, что была в коридоре, камерах и на лестнице.

Сомнений не оставалось.

Это была та самая комната из моих видений.

***

Я угрюмо сидела в гостиной рядом с круглым столом. Элиз накинула на хрупкие плечи шаль, Колин сидел в широком кожаном кресле, без особо интереса листая книгу. Ник устроился прямо на полу, подтянув колени к груди. Он барабанил пальцами по столу, то и дело оглядываясь по сторонам. Его лисьи привычки настолько сильно смешались с его собственными, что по рыжему анимагу без труда можно было сказать, в кого он перевоплощается. По правде говоря, так было со многими представителями его магии. Ведьмы и колдуны так много времени проводили в животном облики, что границы для них размывались.

Я перевела взгляд на Херта. Его сосредоточенное лицо, всегда напряженное тело и вечно пронизательный взгляд вкупе с назидательным тоном выдавали в нем хранителя, привыкшего постоянно общаться с людьми. Легкость и живость в Элиз была присуща многим творцам.

Невольно я вспоминала Шона, вечно походившего на точеную мраморную статую, и Себастьяна, хитрого, умного, словно змея. Магия определяла нас. Давала нам бескрайние возможности, но заточала в клетке неизменных паттернов поведения.

– Кости! – воскликнула Элиз, наконец отыскав мешочек.

Она потрясла находкой в воздухе и легкими шагами направилась к нам. Порой мне казалось, что ее ноги и вовсе

не касаются земли: она плавно плывет, нежными движениями рассекая пространство. Я мечтала быть такой. Непосредственной, умной, улыбчивой и всюду желанной. Однако мне была уготована иная участь.

– Наконец-то! – заулыбался Ник, откидывая с лица пряди растрепанных волос.

– Начнем с обычных правил? – спросила девушка, опустившись на подлокотник кресла. Колин тут же обвил пассиву руками, нежно поглаживая ее поясицу.

– Нет, скучно, – покачал головой Ник.

– Размяться все же надо, – пожалала плечами Элиз. Девушка рассмеялась, увидев сконфуженное лицо друга и щелкнула его по носу. Ник тут же залился краской.

– Напомните правила... – произнесла я, непонимающе оглядывая различные кости мертвых животных.

– Бросаешь кости, находишь в них образ, а потом отдаешь свою магию, чтобы погрузить всех в историю, – проговорила Элиз.

На это уйдут силы. Я невольно провела рукой по недавно зажившему порезу. Что же, оставалось надеяться, что в ближайшее время мне не придется тратить слишком много.

Элиз и Ник коротко поспорили, кто будет начинать, но Ренар неизбежно проиграл. Довольная девушка собрала кости, потрясла их в руке и сбросила на стол. Я заинтересованно подалась вперед, как и все вокруг.

– Дракон! – радостно произнесла Шир и коснулась тонким

пальцем ближайшей кости.

Кости задрожали, сдвигаясь в более-менее отчетливый силуэт дракона. Дракон помахал своими костлявыми крыльями, поднялся на дрожащих лапах и мотнул головой, совсем как живой. Я невольно улыбнулась. Зачарованные кости не требовали много сил, но требовали от игрока личных воспоминаний и... немного крови. Поэтому Элиз быстро уколола палец, вязкая светлая капля упала на стол, а дракон тут же накинулся на нее, будто собираясь слизать.

Мир вокруг нас менялся. Вместо книжных стеллажей и диванов вырастали деревья, ковер сменила молодая зеленая трава. Я огляделась по сторонам. Ник поднялся на ноги, раскинул руки в сторону и закружился под лучами ненастоящего солнца.

Мимо нас пронеслась совсем юная светловолосая девушка, державшая в руке крохотного голубого дракона. Она отпускала его вверх, он делал пару взмахов слабыми тонкими крыльями, просвечивавшимися в лучах солнца, и опускался обратно на ее ладони.

– Давай! – кричала она. – Ты сможешь!

Я не могла сдержать улыбку, наблюдая за этой умиротворенной картиной, окутанной спокойствием и детским наивным счастьем.

Девочка кружилась и смеялась, бегая за детенышем дракона. Внезапно она споткнулась, но, несмотря на боль, отразившуюся на ее лице, поймала ослабшего питомца в ладони.

Яркая картинка постепенно меркла, возвращая нас обратно в гостиную при библиотеке.

– Теперь я! – воодушевленно сказал Ник, собирая в кучу кости распавшегося дракона. – М-м... – он склонил голову набок, со всех углов рассматривая рисунок.

– Кости нельзя обманывать, – напомнил Колин.

– Да знаю... – нахмурился Ник. Он закусил губу и отполз на другой край стола. – Лань!

Кости задрожали, складываясь в тонкую стройную фигуру лани. Ренар перехватил иглу, лежавшую около Элиз, и уколол палец. Гремя костями, маленькое животное подбежало к упавшей капле крови.

Темнота. Она обволакивала нас, погружая в мир воспоминаний Ника. Я вглядывалась в пустоту, пока из-за туч не вышла спасительная луна, залившая своим серебристым светом пролесок. Ник, уже достаточно взрослый, сидел у кустов, играя с белкой. Листья зашуршали, но Ренар не обращал на это внимания, слишком уж увлечен был своей игрой.

Лань выскочила из леса, недовольно топая копытом.

– Мама! – испуганно воскликнул мальчик, тут же поднимаясь на ноги. Белки испуганно разбежались в стороны. – Я уже почти ложился спать! Честно!

Вслед за ланью из леса вышел олень с могучими рогами, в которых запутались мелкие веточки. На лице Ника тут же возник испуг.

– Я бегу домой! – кричал он, разворачиваясь.

Однако было поздно. Олень настиг его, боднул в спину. Ренар упал на землю и испуганно оглянулся.

– Честно-честно! Сейчас точно спать... – хныкал он, отползая от животного.

Мы все залились смехом, а взрослый Ник скрестил руки на груди.

– Так и знал, что будет именно это, – пробурчал он.

Темнота отступала, возвращая нас в библиотеку.

– Теперь ты, Эстер, – кивнула Элиз.

– У меня нет интересных воспоминаний, – пожала плечами я. – Я всю жизнь была в академии.

– Смысл не в том, чтобы показать нам что-то. Смысл в том, чтобы погрузиться в счастливые воспоминания и отогнать тоску, – поддержал свою девушку Колин. – Так что давай.

Я вздохнула, собрала кости рассыпавшейся лани и прикрыла глаза на мгновение. Кости с грохотом падали на стол.

На меня смотрела гончая, которой не хватало лишь горящих глаз. Очертание ее морды казалось до невозможности точными. Я втянула в себя воздух.

– Рыба, – соврала я.

Кости задрожали, угрожающе стуча по столу. Они собирались в уже знакомую мне фигуру. Мощный лапы, широкая спина, хищная морда.

– Эстер... – взволнованно произнес Колин. – Костям врать нельзя.

Однако было уже поздно. Гончая pokrутила головой, пока не нашла меня. В один прыжок она преодолела расстояние между столом и диваном и впилась мне в бедро. Я ахнула, хватаясь за укус, но картина вокруг нас уже стремительно менялась.

Машина стояла в поле, извергая клубы дыма. Гончие хищно кружили вокруг, боясь подступить. Услышав команду хозяина, они бросились вперед стремительно, неумолимо. Я прикрыла рот рукой. Задняя дверь распахнулась, на землю упала та прошлая версия меня, совершенно оглушенная и еще не подозревающая, что за ад ее ждет впереди.

– Нет! – крикнула я.

Мой крик эхом прокатился по полю. Внезапно небо становилось ниже, а вместо бескрайнего простора поля вокруг выросли каменные стены, отражавшие блики пламени, трещащего в камине.

– Почему оно не заканчивается? – в панике спросила я, оглянувшись на друзей.

– Ты соврала, – произнес Колин.

Мое тело лежало на полу. На бледной коже виднелись отвратительные синяки и кровоподтеки, а на груди кровоточила новоиспеченная метка. Две параллельные полоски. Элиз ахнула и схватила меня за руку. Я невольно коснулась уже зажившего шрама. Корнет смотрел будто бы прямо на меня, будто бы знал, что я находилась там.

Я скривилась и, не помня себя от ярости, бросилась впе-

ред, чтобы атаковать противника, так пристально всматривавшегося в пустоту. Моя рука схватила воздух, а обстановка вокруг вновь изменилась. Маленькая комната, кровать посередине. Я непонимающе огляделась по сторонам, пока не увидела, как через распахнувшуюся дверь внутрь затолкнули меня, растерянную, но полную злости.

– Нет... – прошептала я.

Заново. Все начиналось сначала. Первый раз, когда он использовал мое тело, разорвал в клочья душу. Ритмичный скрип старой кровати все еще отзывался у меня в ушах. Я сползла на пол, упираясь коленями в холодные камни, и закрыла уши руками, лишь бы не слышать всего этого. Не помогало. Звук был у меня в голове. Элиз подскочила ко мне, обнимая, но от прикосновений тошнило.

Все закончилось.

Я тяжело дышала, обхватив голову руками. Перед глазами все еще было мое собственное лицо, мое собственное тело. Я сжала ткань, скрывавшую от посторонних взоров уродливую метку на груди.

Элиз гладила меня по волосам, Ник крепко обхватил мое дрожащее тело руками, а Колин сочувственно сжал губы.

– Я не знала... – прошептала Шир. По ее щекам текли слезы.

– Это прошлое, – соврала я. Я лгу постоянно: себе, другим, всем на свете.

– Это ужасно, Эстер... – тихо прошептал Ник. От его

прежнего задора не осталось и следа.

Казалось, что все это время мои друзья и не задумывались, что именно мне приходилось переживать в плену у охотника. Они видели мое изможденное после перемещения тело, но на следующий день я была здорова, полна сил, как и раньше. Пусть внутри меня и сломалось что-то, это был неизбежный дефект. Поправимый. Однако я вовсе не считала, что меня можно починить. Потому что я не была сломана. Плен сделал меня иной версией себя самой, показал, что я способна вынести, что я могу сделать.

– Мне нужно отойти, – произнесла я. – Играйте пока без меня...

Я поднялась и направилась туда, куда вело меня обезумевшее сердце. К Себастьяну.

31. В объятиях тьмы

Я совершенно точно знала, где мне стоит искать Себастьяна. Он был в самой большой библиотеке, где была размещена запрещенная секция. Сомнений в этом не было. Я хотела сейчас быть рядом с ним, потому что после всего произошедшего лишь его прикосновения не вызывали у меня волну отвращения и неприятных воспоминаний.

Среди стеллажей и студентов я видела лишь его. Его темную фигуру, облаченный в безупречную одежду, его точеный профиль и задумчивый взгляд. Ураганом я неслась сквозь стайки магов, собравшихся от скуки вместе. Легкие горели огнем, сердце стучало так сильно, что грозилось сломать ребра и выскочить наружу. Ламарк, краем глаза заметив мое приближение, отложил книгу. Я сразу упала в его объятия и уткнулась лицом в грудь, прячась от остального мира. В эту секунду не существовало ничего, кроме моего сбивчивого дыхания и его осторожных прикосновений к моей спине.

Себастьян молча гладил меня, пока я пыталась успокоиться. Он не задавал вопросов, не пытался выяснить, что произошло. Он понимал, что сейчас мне нужно просто успокоиться, прийти в себя.

Руки Ламарка нашли мой дрожащий подбородок и приподняли его. Я тут же наткнулась на взгляд внимательных

голубых глаз.

– Тебя кто-то обидел? – тихо спросил он, однако в голосе явно таилась угроза.

– Нет... Вовсе нет... – я хотела отойти на шаг, на Себастьян крепче сжал руки, привлекая меня обратно.

– Лучше говори тише, – его еле слышный голос ласкал уши. – Я все равно тебя услышу.

– Мы играли в кости и... Я увидела образы. Из замка. Я не знаю, что со мной стало, но мне казалось, что я вот-во погибну, – прошептала я.

– Паника, – кивнул он, глядя меня по волосам. Себастьян опустил подбородок на мою макушку, тихонько качаясь из стороны в сторону, будто это могло успокоить меня, как ребенка. На удивление, это работало. Постепенно сердце замедлялось, дыхание выравнивалось. – Ты можешь плакать и не думать ни о чем. Больше нет оков, сдерживающих тебя, это бывает непросто порой, ведь всегда легче двигаться по уже предначертанному пути. С этого момента, что бы ни случилось, я приду на помощь, – тихо говорил он, гипнотизируя меня своими бездонными глазами.

– Спасибо, – проговорила я, расслабляясь.

– Ты многое пережила, твоя реакция совершенно нормальна, – заверил меня он, продолжая гладить спину. – Ты меня напугала.

– Извини, – прошептала я.

Ламарк ничего не ответил, лишь крепче прижал меня к

себе. Я подняла голову, задев лбом его острый подбородок.

– Что? – в голосе проскальзывала легкая хрипотца. Себастьян неотрывно рассматривал мое лицо. – Позволь мне... – он запнулся. Я непонимающе нахмурилась, но он поднял руку и пальцем смахнул пряди волос, налипшие на мокрые щеки.

– Благодарю, – я слабо улыбнулась, все еще приходя в себя после странной бури эмоций.

– Я не на это просил разрешение, – проговорил он.

Я не успела что-либо ответить. Его губы мягко накрыли мои. Первую секунду я широко распахнула глаза от неожиданности, попыталась оттолкнуть мага, но его прикосновения приносили мне странное расслабление. Поборов плеяду омерзительных образов, я закрыла глаза и осторожно положила руку на затылок Ламарка. Он улыбнулся мне в губы и углубил поцелуй, сжимая мою талию.

Мне сложно было описать ту смесь чувств, что разрывала сердце. Я хотела этого, искренне хотела еще с момента нашей встречи у озера, втайне мечтала, таяла от случайных касаний и заботы. Позже все стало слишком сложно, слишком невыносимо. Мне уже не было никакого дела до собственных чувств, ведь цель была одна: выжить. Даже сейчас я с трудом могла избавиться от этих навязчивых мыслей в его объятиях. Себастьян легко коснулся губами кончика моего носа и чуть отстранился, рассматривая мое покрасневшее лицо.

– Давно хотел сделать это, – прошептал он.

– Я... – слова застряли в горле, в голове было совершенно пусто.

– Это твой первый настоящий поцелуй? – уточнил Себастьян, с легкостью смахивая растрепанные пряди волос.

– Да... – я отвела взгляд, усиленно борясь с нахлынувшими воспоминаниями из замка. Вмиг стало так тошно, что тело затряслось. Ламарк крепче держал меня, видимо, боясь, что я не удержусь на ногах.

– Я не хотел так торопить события, но кто знает, сколько времени нам отведено, – проговорил он. – Я подумал, что перед смертью жалел бы, что так и не сделал этого, – он задумчиво отвернулся.

– Никто больше не умрет, – настойчиво ответила я.

– Тогда... Мы выберемся отсюда и уедем жить в Марсель, – прошептал он. – Там Средиземное море, лазурная вода, чайки, большой город и много уютных мест. Тебе там понравится.

Я слабо улыбнулась.

– И что мы будем делать в Марселе?

– Жить. У меня осталась там фамильная резиденция. Заведем себе маленьких речных драконов, ежей, собаку... И будем каждый день встречать закат на берегу моря с бутылочкой вина, – на губах Себастьяна заиграла мечтательная улыбка. – Ты согласна?

– Это... Предложение? – я фыркнула от совершенно неуместного приступа смеха.

– Почему бы и нет? Я зову тебя не замуж, – уточнил он, а я вмиг стушевалась. – Хочу провести с тобой жизнь. Спокойную и умиротворенную.

– Тогда я согласна, – я закусила губу. – Однако ты сейчас вовсе не выглядишь счастливым, – прошептала я. Мне было боязно касаться его, казалось, что все происходящее – мой сон, что вот-вот растворится, заставив меня вернуться в жестокую действительность.

– Мне кажется, я плохой друг, – пробормотал он.

– Это почему? – я склонила голову набок.

– Лучше поговорить об этом вечером, – он поцеловал меня в лоб и отстранился.

– Опять секреты, – я вздохнула и села на диван.

Изо всех сил я старалась не замечать, как на нас косятся студенты, присутствующие в библиотеке. После возвращения я стала объектом беглых взглядов, причиной тихих перешептываний. Девушки явно интересовались новоприбывшими магами, желали получить их внимание и использовать меня как предлог для встречи. Это все казалось омерзительным сейчас, когда я точно знала, что происходит за стенами академии. Ад. Настоящая преисподняя разверзлась во всем мире, а мы обустроили себе островок спокойствия, оплот безопасности, и просто игнорируем все происходящее.

– Не мои, – пожал плечами Ламарк. – Оттого я не вправе их выдавать.

Он погладил меня по спине, садясь рядом. Я осторожно,

будто боясь спугнуть его, опустила голову на плечо магу.

– Мы собираемся пить вино вечером? – решила перевести тему я.

– Да... Я достал пару бутылок. Не спрашивай, как, – он усмехнулся.

– Никогда не пробовала вино, – тихо проговорила я.

– Исправим, – Себастьян взял в руки книгу. – Все твои «никогда» скоро исчезнут.

Я лишь хмыкнула, устраиваясь поудобнее на его груди. Ламарк уже раскрыл книгу и принялся читать. Мне вовсе не хотелось заниматься чем-либо. По правде говоря, я хотела законсервировать этот момент и остаться в нем навсегда. Двигаться вперед было страшно, оглядываться назад – больно. Это мгновение казалось идеальным во всех смыслах. Беспокойство отступило, прилив эйфории после поцелуя немного стих, но все еще будоражил взволнованное сердце.

Я проваливалась в сон.

***

Мой спокойный сон прервало легкое касание. Еле открыв глаза, я огляделась по сторонам, пытаюсь осознать, где я нахожусь. Себастьян смотрел на меня с легкой улыбкой на губах. Я тут же нахмурилась и поправила спутавшиеся волосы.

– Что такое? – спросила я.

– Если хочешь выспаться, лучше это делать на кровати, – произнес он.

– Я не сплю, – пробормотала я в ответ.

– Конечно. Уже вечерет, пора идти в башню.

Я закивала и поднялась, расправляя смятую одежду. По пути я совершенно не следила за маршрутом, лишь следовала за Ламарком, рассказывая ему о странной находке в подвале. Тот задумчиво слушал, не прерывая мой рассказ. Внезапно мы оказались у двери в спальном крыле. Себастьян слегка сжал мою руку и зашел в свою комнату.

– Зачем мы здесь? – тут же задала вопрос я.

– Надо забрать вино, – буднично ответил он.

Я шагнула в спальню. Как обычно, на стороне Шона царил практически стерильный порядок, а у Себастьяна на всех возможных поверхностях были разложены книги, травы, магические камни, загадочно переливающиеся на свету.

– Что ты покупал у Фидеуса?

– Мне... Мне нужно было получить одну книгу и остролист для ритуала, – по тону можно было сказать, что он не врет.

– Остролист, – повторила я, вспоминая, как выглядит это магическое растение. Длинные темно-зеленые стебли, покрытые крошечными колючками. – Его часто используют для жертвоприношений.

– Я никогда не скрывал этого. Это моя природа, моя магия, разве я могу дальше ограничивать свою силу, когда точно знаю, какая мощь течет в моих венах? – он прямо смотрел на меня. – Я всегда говорил, что не остановлюсь ни перед

чем, сделаю все возможное, чтобы выиграть в этой войне. Это мой долг.

– Любой ценой, – прошептала я.

– Платить надо за все. Наша сила не безгранична. Не все достойны жизни, – твердо отрезал Ламарк. – Многие маги здесь даже не задумывались о том, что происходит вокруг. Они прячутся от этого факта, живут так, будто ничего не происходит. За все свое существование они не сделали ничего стоящего.

– Также ты думал и про меня, – я подняла взгляд.

– Да. Думал, – подтвердил Ламарк, подходя ко мне. Его прикосновение к моим ладоням казалось неприятным. На секунду мне даже захотелось вырваться. – Но ты доказала, что я ошибся. Твоя жизнь стоит сотни других.

– Вовсе нет, – прошептала я. – Моя жизнь не стоит ничего. Я как раз та ведьма, что никогда не делала ничего существенного. Я желаю этого так отчаянно, но я просто... Не способна на это.

– Нет, – отрезал он. – Ты спасла нас с Шоном, ты мужественно перенесла все, что было в Фужере. Ты умна, терпелива, смела, – он дотронулся до моих волос. – И не смей думать иначе.

– Но мы вступили в эту войну, чтобы защитить нашу обычную жизнь, – твердо сказала я. – Почему тебя так раздражает, что ей живут другие?

– Потому что я сам желаю этого, – просто признался Се-

бастьян. – Потому что я никогда не смогу ее получить.

– Даже в случае нашей... победы?

– Да. Потому что война меняет тебя. пытки, бегство, смерти... Это все оставляет отпечаток на твоём сердце, – Ламарк еле заметно коснулся моего клейма. – Шрамы. Они никогда не уйдут, будут вечно напоминать о том, чего стоила эта обычная жизнь, оттого обычной она никогда не будет. Ежедневное напоминание о боли и потерях заставит тебя ценить каждый миг свободы и мира. В этом наше отличие. Я не буду воспринимать спокойствие как данность, потому что знаю ему цену. Они – нет. Они, как паразиты, феири, питающиеся чужой кровью.

– Ты готов пожертвовать всем? – слабо спросила я.

– Безусловно и без колебаний.

– А своей жизнью? – я вскинула подбородок.

– Если моя смерть необходима для победы – да.

– А жизнью Шона... Моей... – я сжала губы. Себастьян смолк, внимательно вглядываясь в моё лицо.

– Я не допущу этого, – ровно ответил он.

– У всего есть цена, – напомнила я.

– Я не позволю умереть ни тебе, ни Шону, – твердо произнес он. – Шон – мой единственный друг. Пусть он полон злобы на меня, это ничего. Я сам порой ненавижу себя так, как никто более возненавидеть не сможет. Ты слишком чиста, чтобы погибнуть. И...

Я отвела взгляд, высвобождая руки.

– Я хочу, чтобы в новый мир мы шагнули вместе. И только вместе, – произнес он, качая головой. – Я достоин смерти. За последние месяцы я сделал достаточно, чтобы Всевышние покарали меня лично, спустившись со своего пантеона, однако одно я знаю точно: есть люди, ради которых не жалко уничтожить весь мир. Я понял это слишком поздно. Прошлое исправить нельзя, однако будущее в наших руках.

– Будущее предрешено, – покачала головой я, отходя на шаг. – Я видела это. Видела, как погибли все. До единого.

В мыслях возникает ужасающая картина кострища, пожирающего тела некогда близких мне людей. Их глаза пусты, они обездвижены смертью. В остекленевших глазах отражаются всполохи пламени, однако это вовсе не огонь жизни.

Себастьян мягко взял мое лицо в свои ладони и заставил взглянуть на себя. Я сморгнула пелену внезапных слез и вздохнула.

– Эстер, послушай меня внимательно. Я готовлюсь к любому исходу, даже самому худшему. У меня есть план даже на случай разрушения защитного купола, смерти Мортиуса, прорыва охотников... В этот раз я не позволю захватить нас. Ты веришь мне?

– Нет, – честно ответила я. – Я не верю никому. Даже себе и собственным глазам, – прошептала я.

– Я докажу тебе обратное, – Ламарк взял меня за руку, в другой держа коробку. – Идем. Сегодня мы все заслужили вечер отдыха от всех тревог.

Я не смогу. Не смогу так просто откинут терзающие меня мысли, что подобно диким зверям накинулись на кровоточащую плоть. Я – одна сплошная рана. Осколки предыдущей меня гнили где-то внутри, отравляли все своей наивностью. Сложно было принять, что в жизни все не так однозначно, как в книгах или учебниках. Все тяжелее провести грань между «хорошим» и «плохим». Могу ли я считать себя хорошей, если я полна ненависти к собственному отцу и одержима мыслями о смертельной мести? Можно ли считать Себастьяна плохим, если он готов пожертвовать чужими жизнями ради достижения всеобщего блага? Похоже, я была гораздо худшим человеком, чем он. Я не ставила перед собой великих целей, не стремилась к чему-то грандиозному. Все мои эмоции, чувства и переживания направлены на достижение моих личных, несомненно низменных идеалов. Я желала наказать всех, кто обошелся со мной недолжным образом. Желала, чтобы они пожалели. Для Ламарка страдания врагов не были самоцелью, лишь этапом к чему-то большому, либо же вынужденной помехой.

В башне нас уже ждал Шон. Он лениво закинул одну ногу на другую и читал ту самую книгу, что я принесла магам сегодняшним утром. Увидев нас, он мазнул взглядом по соединенным рукам, приподнял брови и еле заметно кивнул.

– Вино, – сказал Ламарк прежде, чем Хайдс успел озвучить какую-то колкость. Я осторожно вытянула руку из ладони Себастьяна.

– Бокалов не нашел, были только кружки, – Шон кивнул на посуду.

– Неважно, – покачал головой Ламарк.

Напряжение между ними я ощущала физически. Уже утром некромант вел себя немного странно, но мне так и не удалось выяснить причину его поведения. Спрашивать мне не хотелось: я была не готова услышать о еще каких-то проблемах, мне вполне хватало уже существующих.

Я села на диван посередине, пока Ламарк разливал вино по кружкам.

– Пробуй осторожно, – предупредил он.

Я заглянула в кружку и с сомнением посмотрела на желтоватую жидкость, плескавшуюся там. Сделав первый глоток, я сморщилась. Кислый вкус вызывал у меня рвотные позы, но я сдержалась. Внезапно по телу разлилось тепло, расслабляющее мышцы. Ламарк тихо засмеялся, глядя на меня.

– Понравилось?

– Нормально, – прочистив горло, произнесла я.

– Дальше легче, – бросил он и сел совсем рядом со мной. Наши колени соприкасались, однако я решила не убирать ногу, вспомнив о том, что произошло в библиотеке. Наверное, глупо после такого пытаться избегать парня.

– Никаких разговоров о делах, – твердо произнес Себастьян и отпил из кружки. – Да, французское вино всегда немного кислее, чем вина нового света.

– Зато они не приторно сладкие, – угрюмо добавил Шон.

Он был явно не в лучшем своем настроении. В целом, он не отличался разговорчивостью, но я точно знала: что-то не так. – Что? – он хмыкнул, видя мой неприлично долгий взгляд. – Жалеешь меня? – он покачал головой.

– Нет, – тут же сказала я. – С чего бы?

– Сама наивность, – Шон отпил еще из кружки. – Потом с тобой поговорим, – он бросил быстрый взгляд на Себастьяна. Я почувствовала, как напряглись его мышцы.

– Шон... – предостерегающе произнес Ламарк.

– Оба! – резко сказала я, но тут же остановилась, поразившись громкости своего собственного голоса. – Хватит. Вы сами сказали, что мы отдыхаем, а не играем в игру «Запутай Эстер».

Хайдс рассмеялся. Его серые глаза блестели, вбирая в себя теплый свет камина. От широкой улыбки на щеках появились еле заметные ямочки. Вот только радость не коснулась его взгляда: в глазах разлился целый океан сожаления и боли.

– Хорошо, чем же ты хочешь заняться?

– Можем сыграть, – задумчиво произнес Себастьян, сверкнув глазами с вызовом. Только этот вызов предназначался вовсе не мне. Шон выпрямился и чуть склонил голову набок.

– Только не кости, – тут же произнесла я.

– Нет. Мы сыграем в тьму.

***

Я сидела на диване, пока Себастьян, изредка отпивая вино, готовился к игре, которая мне вовсе не нравилась.

– Мы призовем низшее демоническое существо, – объяснял Ламарк. – Оно будет задавать нам вопросы, на которые нужно ответить правдиво, иначе ты будешь вынуждена выполнить желание демона.

– Замечательно, – произнесла я. – Звучит как отличное развлечение.

– А у предсказательницы зубки режутся, – усмехнулся Шон. – Давай. Мне как раз очень многое интересно узнать.

Я промолчала, не став комментировать его язвительное высказывание. Чем больше Шон пил, тем больше едкой горести было в его тоне, движениях, словах. Я лишь чувствовала расслабление. Себастьян тоже слегка изменился: он стал менее сдержанным, позволял себе отвечать на колкости Хайдса.

– Готово, – произнес он, капнув крови на самый центр своего чертежа. – Главное – не называй наши имена.

– И что надо делать?

Себастьян молча подлил мне вина и указал на очерченный на деревянном столе круг, освещенный небольшими свечками. Я вздохнула и прищурилась. В центре круга за клубилась темнота. Всепоглощающая, не пропускавшая никакого света. Темный шар метался по периметру круга, будто ища выход, изъян, который поможет освободиться.

– Сахор, – обратился он к низшему демону по имени. –

Мы хотим сыграть в игру.

– Игру... – голос раздавался прямо у меня в голове. Я испуганно оглянулась, но Себастьян успокаивающе сжал мое бедро, притягивая ближе к себе. – Вижу...

Голос был абсолютно нейтральным. Спустя мгновение я уже не могла вспомнить, как кон звучит.

– Темный маг... – протянул он. – Прорицательница... Некромант. Интересно...

Мы молча наблюдали за темным шаром, постепенно начавшим менять свою форму. Я отчетливо видела шипы, блестящую чешую. Перед нами в кругу извивался маленький змей, тело которого покрывали маленькие рога.

– Темный маг... – змей высунул язык. – Расс-скажи мне, чего ты жаждешь больше вс-сего?

– Желаю смерти всем охотникам, – легко ответил Ламарк. – Желаю, чтобы они все погибли в муках.

Змей некоторое время молча шипел, наклоня крохотную голову.

– Ис-стина, – наконец раздался голос в голове. – Как тривиально... Предс-сказательница!

Я молча смотрела на змея, замороженная его плавными движениями. Глаза ярко вспыхнули желтым.

– Чего ты так с-страшишься?

Тысячи вариантов, тысячи страхов. Все они вмиг нахлынули на меня, вызывая дрожь в пальцах. Он не просто ждал ответа – он вынуждал говорить правду, забираясь в голову,

копался в мыслях, пока не дотягивался до чего-то болезненного.

– Я... Боюсь оказаться слабой. Бесполезной, – тело свело. Я с силой сжала ладонь Ламарка, чувствуя, что меня вытесняют из собственной головы. – Боюсь, что мой отец оказался прав... – боль отступила. Я с облегчением выдохнула, чувствуя, как мышцы наконец расслабляются.

– Не с-сопротивляйс-ся мне... Некромант...

– Да? – лениво спросил Шон, отпивая вино.

– Каково твое с-сокровенное желание?

Хайдс на миг задумался, замер. Я видела, с какой силой он сжал кружку. Костяшки его пальцев побледнели, на кисти выступили голубоватые вены.

– Желаю быть счастливым, – ответил он.

– Хитро... Но демона не обманешь... – странный звук, отдаленно похожий на смех раздался в голове. – Что тебе нужно для с-счастья с-сейчас?

– Мне нужно... – все его тело напряглось. Я видела, как играли желваки на его скулах, как напряглась челюсть. – Нужно, чтобы рядом была она.

Я пораженно обернулась на Шона. Я не представляла, как это больно: больше всего на свете желать быть с человеком, которого больше нет в живых. Каждый день просыпаться, нести бремя всех воспоминаний и точно знать, что прошлое не изменить. Искренне желать хотя бы раз прикоснуться в любой, но знать, что ее давно уже нет в живых.

– Кто она? – извивался змей, мучил Хайдса. Шон склонил голову, пытаясь отдышаться.

Я хотела закончить эту пытку, сказать, что этой девушки уже давно нет в живых, чтобы Шон прекратил страдать. Себастьян выглядел до ужаса спокойным, будто он ожидал этого. Хайдс поднял еле заметно дрожащий палец и указал. На меня.

32. Искры правды

Я жажду быть забытой даже богами.

Кожей я чувствовала колючие взгляды, пронзавшие насквозь. Найдя в себе силы, я взглянула на некроманта, пытаюсь поймать его взгляд, найти в нем насмешку или ответ. Что угодно, что позволит мне обрести хотя бы каплю определенности. Шон отвернулся сразу же. Казалось, что некромант возвел нерушимую стену, сквозь которую никому не удастся пробиться.

Мортиус всегда твердил, что бояться стоит лишь своих желаний. Стоит им воплотиться в жизнь – наступает гнетущее разочарование. Сколько себя помнила, я мечтала о любви. Такое простое желание, загаданное совсем юной девочкой, не получавшей и капли заботы ни от кого. Маленькая Эстер росла в непонимании, одиночестве. Она стучала в закрытые двери и тихо плакала, осознавая, что их никогда не откроют. Такой я была раньше: слабой, чувствительной, потерянной. Сейчас же я обрела некую силу. Она пустила корни из моей слабости, укрепила тело и дух. Я больше не нуждалась в любви. Я нуждалась в мести.

– Темный маг... – раздался насмешливый голос демона в моей голове. – Я вижу, что тут вс-сем интерес-сно... С-сотрудничал ли ты с-с охотниками?

Воздух в гостиной внезапно стал обжигающе горячим. Я

медленно повернулась к Себастьяну. Он стоически терпел пытку демона, не стремясь отвечать.

– Да, – бросил он наконец.

Внутри меня все похолодело. Себастьян не стремился поворачиваться, он лишь прикрыл глаза. Я бросила обеспокоенный взгляд на стремительно оживившегося Шона. Время вдруг замедлилось. Секунды вязкой патокой растянулись в минуты. Хайдс поднялся на ноги, сделал шаг. Я вполне могла предотвратить это, подняться, попытаться успокоить его, но я лишь смотрела. Снова стала безмолвным и невидимым наблюдателем. Я знала, что в нем пылает та же злость, что и во мне. Внезапная, яркая, ослепляющая.

– Я так и знал! – прорычал Хайдс. – Ты... – он резко схватил Себастьяна за ворот рубашки, но маг тут же оттолкнул его. Некромант не стремился ослаблять хватку. – Ты сотрудничал с ними, чтобы убить Мэй? Или когда заманил нас в этот чертов Фужер? – кричал он, пока Ламарк просто смотрел в пустоту.

– Не надо... – прошептала я, безучастно смотря в огонь.

– Ты будешь его защищать? – он резко обернулся ко мне. –

Пусть на вопросы ответит.

– Мне пришлось, – процедил Себастьян, глядя на меня. – Иначе мы бы все погибли, – тихо произнес он. Я хотела верить. Искренне хотела. Однако та доверчивая и наивная часть меня атрофировалась, отмерла.

– Отвечай, – настойчиво повторил Шон.

– Мне пришлось помочь им, чтобы выйти из магического круга, – ровно сказал Ламарк. – И провести ритуал.

– Они же могли и так отпустить тебя... И ее... Взамен на сотрудничество и кровные клятвы... – выдохнул Хайдс. – Коронетт предлагал мне это... Я уверен, что предложили и тебе, но ты решил отомстить...

– Я решил остановить их! – Себастьян наконец поднялся с места. – Если бы я заключил кровный договор с кем-то из этих отродий, вы все были бы уже мертвы. Ты, – он ударил Шона в грудь. – Ты, Эстер... – он мазнул по мне взглядом, но тут же отвел глаза. – Все в этой академии.

Шон отпустил ворот рубашки Ламарка и тихо засмеялся. Он залпом допил остатки вина из кружки и покачал головой.

– Ты жалок, – бросил он. Его взгляд медленно переместился на меня. Я широко распахнула глаза в испуге, не зная, что он может сотворить сейчас, в таком состоянии. Руки Хайдса тряслись от злости. – Он использует тебя. Как использовал всех.

Я поджала губы и повернулась к Себастьяну. Горло сжималось от накатывающих рвотных позывов. Я не хотела верить во все это. Ламарк покачал головой.

– Нет? – Шон повернулся к змею, извивающемуся в кругу. – Тогда ответь на еще один вопрос.

– Круг должен завершиться, – лукаво произнес демон, смаковавший развернувшуюся перед ним ссору.

Я положила руку на плечо Шона и чуть надавила, прося

сесть обратно. Он раздраженно дернул рукой, но все же подчинился. Мне самой нужны были ответы.

– С-сейчас-с ты, яс-сновидящая... Такой с-скучный разум... С-совсем без с-секретов... – недовольно прошипел он. – Почему ты блокируешь с-свою магию?

– Я не... – я непонимающе мотнула головой, чувствуя, как начинается жечь виски. – Я не блокирую ее.

– С-странно... Правда... – недовольно произнес змей.

– Некромант... Интерес-нее... С-столько с-скрытых чувств... – змей высунул язык и зашипел. – Хотел бы ты, чтоб он погиб вместо с-своей с-сестры?

– Да, – безапелляционно ответил Хайдс.

– Ис-стина... Темный...

Я замерла, оглядывая напряженного Ламарка. Сердце скулило в груди, ожидая ответа. Неосознанно я крепко сжала в кулак подол платья.

– Готов ли ты предать с-своих друзей ради победы?

– Нет, – сразу же ответил Себастьян, но его тело свело от боли. Мое тело обмякло. Он лгал. – Нет! – настойчиво повторил он, за что получил очередной приступ боли.

– Правду, – злорадно произнес Шон. – Говори правду.

– Я не буду никого предавать, – сквозь зубы произнес Ламарк. – Это правда.

Змей задумчиво склонил голову набок, высунув тонкий синий язык. В голове раздался тот самый смех, похожий на звук сломанного механизма.

– Ис-стина.

Тело Себастьяна резко расслабилось. Я поджала губы, однако тело заметно расслабилось. Меньше всего мне хотелось сейчас еще узнать, что меня предали.

– Я хочу закончить, – сдавленно произнесла я.

– Круг должен дойти до конца, – угрюмо произнес Шон. – Таково правило.

– Предс-казательница... – прошипел змей. Я зажмурилась. – Чьей жизнью ты бы пожертвовала ради победы над охотниками?

Все вокруг твердят, что жизнь – великий дар, высшая ценность, а оттого и самая великая цена, которую вообще можно заплатить. Однако я никогда не разделяла этого трепета. В моей жизни были друзья, были цели, но я не считала себя ценной. Все вокруг казались другими: интересными, амбициозными, сильными. Я же всегда оставалась в тени. Меня так воспитали.

– Своей, – уверенно произнесла я. – Я бы пожертвовала своей жизнью.

Я искренне старалась игнорировать косые взгляды магов, рассматривала только свои пальцы, дрожащие от напряжения.

– Чис-стая ис-стина, – прошипел змей, поворачивая голову к Шону. – Некромант... Почему ты с-считаешь с-себя с-слабым?

Шон удивленно поднял голову, будто не расслышал во-

прос.

– Я не... – он скривился и медленно выдохнул. – Я не считаю... – его голос дрогнул от еще одной болезненной судороги. – Я размяк.

– Заканчивай, – прошептала я Себастьяну. Тот медленно кивнул, не сводя глаз с друга... Однако я не была уверена, что их все еще можно называть друзьями после сегодняшнего.

Внутренние конфликты между ними нарастали, однако я старательно игнорировала это. Больше всего в тяжкие времена подкашивает нож в спину.

Ламарк прошептал заклятия, приложив пальцы к контуру круга. Я повернулась к Хайдсу, наблюдая за его отрешенным взглядом. Мне захотелось успокоить его, помочь, снова услышать язвительные комментарии и увидеть ухмылку на лице. Я осторожно накрыла его ладонь своей. Шон дернулся, но, встретившись со мной глазами, кивнул. Он перевернул руку и крепко сжал мои пальцы. От его кожи веяло холодом, однако я знала, что внутри горит самый яркий огонь.

– Справимся, – прошептала я. Хайдс натянуто улыбнулся и кивнул.

Себастьян наконец поднялся. Его взгляд зацепился за наши сплетенные руки, но он лишь раздраженно отвернулся, наливая в кружки вино.

– Мне не везет с играми сегодня, – произнесла я. – Больше такое не предлагайте.

Себастьян тихо засмеялся, однако смех его скоро передался и мне, а потом и Шону. Заразительно. Когда внезапный приступ стих, я медленно откинулась на спинку дивана, глядя в потолок. Казалось, что все силы покинули мое тело после этого дня, что было довольно странно, ведь я провела его с друзьями. Воспоминания и откровения вымотали меня, выбили из колеи.

– Будем делать вид, что этого не было или соизволишь обсудить? – наконец спросил Ламарк, сверля взглядом некроманта.

– И что ты хочешь обсудить? – хмыкнул Шон. – Демон задавал вопросы, которые интересовали кого-то из нас. Ты хотел, чтобы я признался. Дважды.

– Хотел подтвердить свои догадки, чтобы в дальнейшем не было проблем. А ты подтвердил свои. Все честно, – пожал плечами Себастьян. Он передал мне кружку, а мне пришлось высвободить руку, чтобы принять ее. – Я стерпел твой выпад на этот раз, помня о всем, что ты делал для меня. Однако если повторишь...

– Что? – с вызовом уточнил Шон. – Что ты сделаешь?

– Хватит! – прервала я их. – Вы сцепились с момента нашего побега, сейчас все становится лишь хуже. С каждым днем вы все больше досаждаете друг другу, однако лучше отложите это до лучших времен. У нас сейчас есть проблемы серьезнее, чем ваши выяснения отношений. Это все отвратительно и глупо. В иное время я могла бы оправдать ваши

мелочные ссоры, но сейчас нам стоит помнить, кто наш друг, а кто враг. Потому что они помнят.

– Ты права, – спустя несколько мгновений произнес Ламарк. Он поднялся на ноги, стряхнул с рубашки невидимую пыль и протянул руку. – Перемирие.

Шон тяжело вздохнул, но также встал и пожал руку, кивнув. Я приподняла брови. Образумить их оказалось проще, чем я думала, однако во мне все больше разгоралась уверенность, что их примирительные жесты были вовсе не искренними.

– Мне стоит пойти спать, – устало произнес Себастьян. – Эстер? – он протянул мне руку, ожидая, что я приму молчаливое приглашение последовать за ним.

– Я останусь тут ненадолго, – произнесла я, хоть и веки мои тяжелели.

Себастьян плотно сжал губы, едва уловимо бросил взгляд на усмехнувшегося Шона, но кивнул. Он наклонился, касаясь моего лба губами, и улыбнулся. Я понимала, что улыбка эта была натянутая. Мы оба понимали, что осталось не так много времени, что мы можем провести спокойно вместе. Уже завтра мы будем вынуждены вновь вернуться к изматывающим поискам ответов и решений.

– Спокойной ночи, – прошептал он, нежно глядя по щеке.

– Спокойной ночи, – также тихо ответила я, не сумев сдержать улыбку. Несмотря на все, что происходило, я не испытывала отвращения и никак не могла отделаться от странно-

го теплого чувства, что наполняло мое тело энергией каждый раз, когда рядом был Себастьян. Тело покрылось мурашками. Я не могла объяснить себе эти чувства, не могла найти в них смысл или рациональное зерно. Они просто были, они просто сжигали меня дотла, без остатка. И я была не против.

– Ужасно, – произнес Хайдс как только Ламарк покинул комнату. Некромант склонил голову набок и всматривался в мое лицо, будто ожидал найти там согласие с его словами или отражение его собственных чувств и переживаний после сегодняшнего вечера.

– Что? – нахмурилась я.

– Как он себя ведет. Он прекрасно знал, что... – слова споткнулись о его приоткрытые губы. Шон зажмурился и мотнул головой, будто боролся с собой, боясь произносить какие-то фразы. – Он знал, что ты мне нравишься. Однако, ему было все равно.

– Шон... – тихо произнесла я. Множество вопросов беспокойным роем гудели у меня в голове.

– Не надо, – отрезал он, с грохотом поставив кружку на стол. – Я знаю, чем это все заканчивается. Все, что я любил, умирало. Родители, Аквилла, Мэй... – он взглянул на меня. – Все мертво из-за Себастьяна.

– Почему ты так...

– Он постоянно ходил на черный рынок, однако все свои покупки хранил в моем родовом поместье. Охотники отследили его, сначала напали на мою семью, потом на его, – рез-

ко произнес Хайдс. – Он знал, что за ним могут следить, но решил, что жизнь его близких ценнее. Решил рисковать моей семьей.

Я молча слушала, наблюдая за лицом некроманта. Сейчас сильнее всего был замечен отпечаток усталости и пережитой боли. Если всего пару минут назад Шон больше походил на эмоционального подростка, то сейчас я видела причину его злости. Боль. Обида. Непонимание. Банально и просто.

– Он погубит и тебя, – прошептал он. – Я не могу на это смотреть, Эстер. Я клялся себе, что никогда больше я не позволю себе дать слабину, полюбить кого-либо... Клялся, что с тобой все будет нормально. Я не умею держать клятвы... – он покачал головой.

– Ты считаешь, что это делает тебя слабее... Мягче?

– Да, – коротко ответил Шон.

– Но любовь дает силы бороться. Когда мы только познакомились, ты был похож на... мертвеца. Никаких эмоций, ничего...

– Тогда я предпочел бы остаться мертвецом, чем чувствовать все это, – бросил Хайдс. Секунду поразмыслив, он забрал кружку с вином из моих рук и допил остаток напитка. Он потянулся через стол и вылил оставшийся в бутылке алкоголь в кружки.

– То, что ты считаешь слабостью, может оказаться великой силой, – произнесла я, вспомнив слова Мортиуса.

– Ты была слаба, когда мы встретились. Ты была сплош-

ным клубком сомнений. Тебе пришлось пройти через свой персональный ад, чтобы увидеть то, что ты так прятала в себе. Я... восхищаюсь этим. Боль не сломала тебя, как это случилось со мной. Она позволила тебе найти себя.

– Иного выхода не было, – медленно произнесла я.

Я считала себя сломанной. Неправильной. Я родилась дефектной, дефектной и осталось. Однако поломок во мне сейчас куда больше, чем было раньше.

– Почему он? – слабо спросил Хайдс. В его голосе не было боли, лишь всепоглощающая грусть.

– Самой бы знать ответ на этот вопрос, – прошептала я.

Некоторое время мы молча пили вино, наблюдая за угавающим огнем в камине. Слов было не нужно: тишина успокаивала, принимала в свои объятия подобно ласковой матери. За окном уже забрезжил рассвет. Я крепче обхватила кружку и поднялась, чтобы получше рассмотреть небо, расцветающее нежными красками.

Внезапно появились яркие искры, будто воздух загорелся. Я испуганно отпрянула от окна. Шон тут же подскочил со своего места и выглянул в окно. Дежавю. Тело затряслось от внезапно накатившей паники и тревоги.

Огонь двигался странно, будто в поле одуванчиков кто-то уронил свечу.

– Что происходит? – сдавленно спросила я.

– Один из куполов разрушен, – мрачно ответил Хайдс. – Начинается.

И был этот ранний холодный рассвет началом страдания будущих лет.

33. Божественное пламя

Бесконечный побег по длинным коридорам наперегонки со смертью, обдающей своим ледяным дыханием мой затылок. Она ведь всегда была рядом – моя погибель. С самого детства я слышала за спиной ее тихую поступь, ее шепот, зовущий к себе. И я бежала, гонимая страхом. Бежала всю жизнь, бежала и сейчас, потому что это было единственным, что я умела.

С Шоном нам пришлось разделиться: он направился к Себастьяну, а мои ноги несли меня в знакомый кабинет, пропитанный горькими воспоминаниями.

В голове мелькали образы: они смешивались, сверкали.

Вот я совсем юная, семилетняя девочка, бегу вверх по ступенькам, потому что за окном падает первый снег. Седым ковром он покрывает робкую траву, уставшую кору деревьев и отважные стены замка. Я бегу, потому что первый снег означает праздник. Праздник Перерождения мира, традиционный для всех ведьм. Бегу, потому что надеюсь получить от директора долгожданный подарок. Желаю поскорее ощупать хрустящую упаковку, обрадоваться новой книге или платью, потому что так бывало всякий год до этого. Не помня себя, распахиваю дверь в комнату Мортиуса и тяжело дышу, не скрывая яркую улыбку, от которой так сводит пухлые детские щеки. Он неизменно сидит за своим письменным сто-

лом, жесткое лицо озаряет свет стройного пламени свечи. Подарка в тот год не было. Как и в каждый следующий год. Я перестала прибегать, но неизменно плакала, сидя на холодном подоконнике перед толстым стеклом, за которым равнодушно кружились снежинки, радуясь коротким мгновениям своей жизни.

Я бежала в этот кабинет после первый жутких кошмаров в надежде найти утешение. Бежала, потому что больше было некуда.

Сейчас в моей груди не было места надежде, не было места радости. Страх овладел моим телом, заставлял его работать, не давал думать. Я была крысой. Крысой, так неумело оживленной неудачным заклятием.

Ладони врезались в дубовую дверь, в которую я даже не удосужилась постучать, потому что знала: там всегда открыто. Открыто для меня. На меня не действовало запирающее заклятие Мортиуса.

– Купол разрушен, – сразу произнесла я на выдохе, встретившись глазами с директором.

Спустя тринадцать лет ничего не изменилось: он все также сидел за своим письменным столом, горела свеча, за окном зияла непроглядная мгла. Мортиус недовольно захлопнул книгу и поднялся. Однако что-то было не так. В его лице, в его ссутулившихся плечах, в его дрожавших пальцах, унизанных кольцами. Пропала прежняя сила, статность. Передо мной был обыкновенный старик, с которым мы по злой

шутке судьбы оказались связаны кровью.

– Я прекрасно знаю, – ответил он.

Сотни вопросов вертелись на языке, но ни один так и не осмелился выйти наружу. Я молчала, силясь унять разбушевавшееся сердце. Мортиус подхватил со спинки стула пиджак, накинул его на тощие плечи и выпрямился. Взгляд его поблекших глаз был устремлен в пустоту. Директор не прогонял меня, не язвил, лишь смотрел прямо перед собой.

Стиснув ладони в кулаки, я шагнула в комнату.

– Вы должны сделать что-то, – резко произнесла я. – Вы должны защитить их, – голос срывался на шепот.

Мортиус молчал. Мне показалось, что сейчас он впервые ощутил то же, что я ощущала все эти долгие годы – бессилие.

– Пророчеству суждено исполниться, – еле слышно произнес он.

– Какое пророчество? – требовательно спросила я.

– Твоей матери, – нехотя ответил он, отводя взгляд.

Я вспомнила дневники, что читала, казалось, так давно, еще в прошлой жизни, когда все казалось таким простым и легким. Тогда единственной проблемой в моей скудной жизни была я сама.

– Она видела тебя, – туманно произнес Мортиус, впервые взглянув мне в глаза. – Видела тебя среди разрухи и хаоса. Среди смерти.

– Вы хотите так просто сдаться? – непонимающе спросила я.

– Я сделаю то, что должен. Время пришло. Однако ты должна исполнить то, ради чего была рождена.

Мортиус стянул с пальца перстень со сверкающим синим камнем. Тонкие костлявые пальцы директора бесцеремонно схватили мое запястье, разжали ладонь и вложили сверкающее украшение мне в руку.

– Найди письмо надежды, – произнес он. – А мне пора, – он направился в коридор.

– Стойте!

Я кинулась за ним, едва поспевая.

– Объясните, – умоляюще произнесла я. – Что я могу сделать?

– Умереть, – холодно произнес Мортиус. – Таково твое предназначение.

***

Я безвольно прислонилась к ледяной стене, обхватив дрожащее тело руками. Неужели все наши поиски, попытки были бесполезны? Сил бежать не было. Я остановилась перед дверью в комнату Себастьяна и Шона, не находя в себе сил даже постучать.

Вместо этого я просто вошла. Ламарк обернулся. Он уже собирался, натягивал на себя теплую водолазку. Я покачала головой.

– Что он сказал? – резко спросил Шон, в несколько шагов подходя ко мне.

Я чувствовала его руки у себя на плечах, но вымолвить

ничего не могла. Что я могла ответить? Что надежды нет? Что нам всем суждено погибнуть в стенах этой академии?

– Он сказал найти письмо надежды, – произнесла я, цепляясь за единственную подсказку. Ладони мне холодил перстень. Фамильный перстень.

– Письмо надежды? – переспросил Себастьян. – Так называют письмо, которое оставляют военным силам на случай падения государства... – произнес он. – Инструкции для нанесения последнего удара, – на выдохе произнес он.

Я покачала головой. За последний час на меня свалилось бремя, которое, как казалось, я совершенно не в силах вынести.

– Ты ведь говорила про библиотеку с личными письмами, – умоляюще произнес Хайдс. – Идем, – он потянул меня за собой, но я чувствовала себя беспомощной тряпичной куклой, не способной ни на что.

Теперь я понимала, почему родители отказались от меня так рано. Тяжко растить дитя, зная, что в скоро времени придется его хоронить. Они отвергли меня, чтобы избежать боли. Эгоистично, слабовольно. Растили на убой, внушали мне слабость, подчиняли.

Я споткнулась о камень, но сильные руки Ламарка спасли меня от падения.

– Эстер! – взволнованно произнес он. – Что с тобой такое? Единственное, что я смогла ответить, – еле заметное движение головой. Я не была готова говорить то, что поразило

меня больше всего. Казалось, что как только я это произнесу, я сдамся, подчинюсь судьбе.

В небольшой комнате, переполненной стеллажами, лопившимися от конвертов, я оглянулась, вдохнула знакомый запах, что обычно так хорошо успокаивал меня. Сейчас же я чувствовала лишь тревогу, такую вязкую и тягучую, что дышать становилось тяжело. Страх наполнял меня изнутри, тянул вниз.

– Надежда... – проговорил Шон. – Если Мортиус хотел, чтобы ты нашла письмо, это должна быть подсказка... Имя адресата, например... – он судорожно перебирал бесчисленные конверты.

Я медленно шла по деревянному полу, устланному старой бумагой. Сердце разрывалось от того, во что в считанные секунды превратилось мое секретное место. Минувя стеллажи, я подошла к подоконнику, на котором обыкновенно сидела, читая в слабых лучах северного солнца. Пальцы огладили стены, мою неказистую свечку... Шон с Себастьяном тем временем ураганом просматривали полки, коробки, холщовые мешки. Шелест бумаги заглушал слабое биение моего сердца. Я провела пальцем по тонкой щели прямо под моим любимым подоконником, кожей почувствовала плотный картон.

Все это время ответ на мои вопросы был совсем рядом. Меня неосознанно тянуло к нему, я никак не могла объяснить свое странное желание проводить в этой маленькой

душной библиотеке дни напролет. Однако в глубине души я знала. Все это время я чувствовала, что оно тут.

Ловким движением я выудила конверт. Провела подушечками пальцев по каллиграфичной надписи. «Письмо надежды». Почерк Мортиуса сложно не узнать, я видела его тысячи раз, в детстве пыталась скопировать изящные завитки, перепортила чернилами столько листов бумаги, что и не счесть.

– Нашла, – слабо проговорила я, смотря в окно.

Я не знала, что ожидала там увидеть. Многовековой лес безмолвно созерцал мою находку. Был так безразличен ко всем страстям людского и магического мира. Эти деревья стояли до нас, будут стоять и после нас. И, возможно, из одной из этих могучих елей совсем скоро для меня будет сколочен гроб. Лес станет моим последним пристанищем, будем петь свои незатейливые колыбели моего бездыханному телу. Я задумчиво надела перстень, что так хорошо сидел на моем пальце, будто был создан для этого.

Себастьян с Шоном мигом прекратили свои поиски и бросились ко мне, заглядывая через плечо. Мои пальцы не дрожали, когда я надломил старую бордовую печать с гербом академии, на котором дракон кусал свой собственный хвост. Уроборос. Дыхание друзей жгло кожу, но я не замечала ничего, кроме длинного письма. Первого и единственного письма от отца к своей дочери. Единственное, на что Эстер могла рассчитывать – это честность.

«Эстер Морт,

Ты прожила недолгую и странную жизнь, была заперта внутри своей собственной истории, не могла заглянуть дальше, чем видели твои глаза. Не могу сказать, что сам не приложил к этому руку. Однако, твоя история никогда не была полной, ты и сама знаешь, что в ней всегда не хватало одной существенной части: предыстории.

Я, Уильям Сэмюэль Морт, твой отец. Наверняка ты привыкла звать меня Мортиус. Твоя мама – Люция Антвуд, одна из самых выдающихся ясновидящих своего времени. Твои ранние воспоминания о нас стерты, заменены совершенно иными, поэтому я вовсе не ждал от тебя ни привязанности, ни, тем более, любви. Мы сами не могли дать тебе этого. Я посчитал, что эта часть письма важна, потому что перед тем, как исполнить свое истинное предназначение, ты имеешь право наконец узнать правду.

Твоя мама умерла скоропостижно, ее тело я сам обнаружил в постели на утро после ее последнего видения, которое она так и не смогла передать мне. Не успела.

Если ты читаешь это письмо, охота уже коснулась и тебя, и меня, и всей академии; еще это означает, что я уже мертв или слишком близок к этому, чтобы успеть поведать тебе все лично. Это значит, что я не успею проводить тебя в последний путь.

Сейчас тебе необходимо подчиниться моим инструкциям, как ты делала годы до этого. Довериться мне, потому что я уже раскрыл перед тобой достаточно своих тайн.

В подземелье, на самом нижнем уровне, есть комната. Она полностью приготовлена для ритуала освобождения твоей силы. Тебе необходимо найти достаточно сильного темного мага, который помог бы тебе довести его до конца. Там я оставил все необходимые вещи и пергамент с заклятием. Ритуал достаточно сильный, необходима жертва. Однако тебе не стоит беспокоиться: не придется убивать никакое живое существо. Ты должна пожертвовать своим зрением. Бояться не стоит. Помни, что страх губителен. Освободив свою силу, ты погрузишься в свой последний сон и увидишь последнее видение. Самое важное.

Люция всегда говорила, что предсказатели, в жилах которых течет кровь темных магов, могут не просто заглянуть в будущее, но и изменить его. Чтобы избежать лишних жертв, тебе придется отправиться на эту войну в одиночестве. И тебе придется победить, потому что цена слишком высока. Последнее видение Люции так и осталось для меня загадкой, о твоём последнем сне я также не узнаю, но таков мой долг. Искренне надеюсь, что ты также серьезно воспримешь и свой.

В конверте ты найдешь еще один лист, в котором подробно описана инструкция, следуй ей неукоснительно.

Если наш род должен закончиться на тебе, убедись, что это произойдет достойно. Помни, что в тебе течет кровь самых могущественных магов, а судьбой дарован ценнейший из даров возможность отдать жизнь за великое дело.

Eripitur persona, manet res (пер.: (лат) Человек умирает, но его дело живет.)

*С уважением,
Морт У. С."*

Я осторожно присела на такой привычный подоконник. Казалось, что время замерло лично для меня. В голове отчаянно били крыльями мысли-вороны. Таков будет мой конец? В холодном подземелье академии ради благой цели? Что же, это не самая плохая гибель: достойно отдать жизнь во спасение.

– Нет, – неожиданно сказал Себастьян. – Должен быть другой путь.

– Он есть, – слабо ответила я, поднимая покрасневшие глаза на Ламарка. – Но он кровопролитный, сложный.

– Мы никогда не искали легкие пути, – прошептал он, взяв мое лицо в ладони.

Взгляд Себастьяна казался безумным. В этих голубых глазах смешалось все: отчаяние, просьба, отрицание. Его распирало от чувств, что так никогда и не будут выражены словами.

– Видимо, Марсель я не увижу, – я слабо улыбнулась. – Но это ничего. Пустое. Я ведь видела Париж, – выдохнула я, погладив его похолодевшую ладонь. – Не так жалко прощаться с миром, если мне так и не удалось с ним познакомиться.

– Так нельзя, – резко заявил Шон. – Ты никогда не пробовала темную магию, он всю твою жизнь сдерживал твои

силы, подавлял, чтобы ты могла безропотно принять смерть в конце? Это варварство.

– Нет, – тихо произнесла я. – Это мое предназначение. Мы все смертны, наши дни сочтены. Я предпочту умереть за мир и спокойствие, а не в боине среди трупов моих друзей.

Шон потер лицо дрожащими руками. Себастьян сел рядом, крепко прижимая меня к себе. Они смолкли, обдумывая все прочитанное. Я прекрасно понимала, что сразу принять это тяжело, однако иной путь виделся мне нерациональным. Я не труслива и не слаба. Я не буду снова убегать.

– У нас есть время подумать... – прошептал Ламарк. – Разрушен лишь один купол, мы можем...

– У нас нет времени, – жестко оборвала его я, сдерживая подступающие слезы. – Мортиус... – я запнулась, не могла называть его иначе, хоть он и доверил мне тайну своего истинного имени. – Он ушел. Ушел, когда я рассказала ему про купол. Сейчас он где-то там, в лесу, ищет охотника, пытается оттянуть время, которое нам нужно для ритуала. Мы не можем тратить его на бессмысленные споры, потому что вы сами понимаете, что это лучший исход, о котором мы даже не... даже не мечтали.

Слезы катились по щекам, но я не могла принять их. Не могла понять, что так расстраивает меня, потому что внутри крепла уверенность – это необходимость. Я была уверена, что готова. Готова сделать этот шаг вперед.

– Сейчас мы спустимся в подземелье и сделаем это, – про-

говорила я. – Успеет до наступления заката, а новый день принесет новую жизнь без страха, гонений и смертей.

– Эстер... – прошептал Ламарк.

В его лице я видела отражения собственного внутреннего отчаяния. Для меня это будет концом. Завершающим этапом. Для него же моя смерть станет лишь продолжением бесконечной вереницы потерь, что принесла ему война.

– Я хочу попрощаться с друзьями, – сглотнув слезы, произнесла я. – Хочу увидеть их улыбки в последний раз.

34. Слезы разлуки

Я присела на мягкий матрас, где мирно спала Элиз. Мне не хотелось тревожить ее сон, однако выбора не было. Осторожно коснувшись ее руки, я мягко прошептала ее имя. Девушка недовольно потянулась и приоткрыла глаза. Ее умиротворенное выражение лица тут же сменилось обеспокоенным.

– Что-то случилось? – хриплым от сна голосом прошептала она.

Несколько мгновений я раздумывала, как преподнести сложившуюся ситуацию. Мне вовсе не хотелось видеть слезы друзей, слушать их возражения, которые могли с легкостью пошатнуть мою хрупкую уверенность в своем выборе.

– Хотела тебе сказать, что ты самая лучшая подруга, что у меня когда-либо была, – я улыбнулась, изо всех сил сдерживая рвущиеся наружу всхлипы.

– Эстер, – мягко рассмеялась она, потирая глаза. – Я тебя тоже обожаю.

– И...

Слова не шли. Я втянула в себя воздух. Шир обеспокоенно села, всматриваясь в мое лицо.

– Что произошло? – настойчиво спросила она, сжимая мою ладонь.

– Я не хочу прощаться с тобой, – вырвалось у меня.

Истерика. Она захлестнула меня с головой, стоило осознать, что это мое последнее утро. Последний раз, когда я вижу лица людей, ставших для меня настоящей семьей. Я не хотела уходить. Не хотела покидать этот мир так рано, когда моя жизнь только началась. Мне удалось окружить себя прекрасными людьми, на миг заглянуть в человеческий мир, а мое время тут уже окончено.

Я уже умираю. Раз за разом погибала, неизменно просыпаясь в своей постели. Однако сон, что мне предстоит, будет последним. Я так старательно гнала от себя все эти жалкие мысли, но они неизменно возвращались.

– Ты что... – Элиз заключила меня в крепкие объятия. – Тебе опять кошмарный сон приснился?

– Нет, – проговорила я. Голос предательски дрогнул. – Я просто... Хочу, чтобы ты знала, что я благодарна тебе просто за то, что ты была рядом. Я рада, что в мое жизни появилась ты.

– Ты меня пугаешь, – произнесла девушка. На ее глазах заблестела пелена слез. – Что-то не так.

– Я не смогу тебе объяснить это сейчас, – медленно сказала я. – Но к вечеру ты поймешь.

Дрожащие губы растянулись в улыбке. Я поднялась с кровати, бросая последний взгляд на растерянную соседку. Во все не так я представляла наше с ней прощание. Я бы ни за что не вынесла, если бы увидела на ее щеках слезы. Я бы сломалась, отступила. Терпеть боль я была готова, однако при-

чинять ее самым близким мне людям – нет.

В коридоре меня уже ждали Себастьян с Шоном. Они тихо переговаривались, но с моим появлением внезапно смолкли. Я прекрасно понимала, что они обсуждают. Хотят придумать что-то другое. Не желают исполнять пророчество. Молча пройдя мимо них, я направилась в мужское крыло.

Взгляд цеплялся за знакомые своды, ступени, стены... Все это сейчас казалось таким странно чужим.

В комнату Колина и Ника я ворвалась без стука, совершенно невежливо. Однако это меня волновало меньше всего. Ренар уже проснулся и стоял перед зеркалом в тщетной попытке пригладить непослушные рыжие волосы, Колин же читал книгу в постели.

– Эстер! – возмущенно проговорил Ник. – Надо стучаться...

Увидев мое выражение лица, он осекся и тут же направился ко мне. Изо всех сил я постаралась натянуть маску. Улыбку. Таковую кривую и неказистую, фальшивую, но сдерживающую поток слез, рвавшихся наружу.

– Ник... – ласково произнесла я, потрепав его волосы.

Я прикрыла глаза, стараясь запомнить это ощущение. Дружеское тепло, заботу. Старалась наполнить себя этим изнутри, чтобы вытеснить страх, боль и обиду. Обиду на всю эту жизнь, что была дана мне так мало, так скупо.

– Ты в порядке? – с сомнением уточнил Колин, поднимаясь с постели.

Я усиленно закивала и стиснула Ника в объятиях. Ренар проворчал что-то невнятное, но не сопротивлялся. Херт задумчиво всматривался в мое лицо, наверняка заметил, как тряслось все тело.

– Хотела напомнить вам, что вы скрасили мою жизнь, – сипло проговорила я.

– Это хорошо... Но не в семь утра, – нахмурился Колин.

– Извини, – я мотнула головой, стараясь избегать его изучающий взгляд. – Давай обниму тебя на прощание и больше не буду отвлекать.

Ком в горле мешал говорить. Я задыхалась, умирала прямо там, посреди комнаты. Но так отчаянно пыталась сделать вид, что я еще жива. Колин неуверенно обнял меня. Я уткнулась в его плечо и попыталась расслабить тело. Вдыхала знакомый запах, постаралась обмануть себя и представить, что это очередное утро перед семинарами, совсем скоро мы с друзьями пойдем в столовую, а вечером прогуляемся до озера, чтобы посмотреть за стайкой речных драконов. И жизнь будет прекрасная, сияющая, идеальная. Ведь все это я не ценила, не умела наслаждаться этими маленькими моментами счастья. Сожаление отравляло.

– Мне пора, – сдавленно произнесла я, отступая на шаг.

Я еще раз оглядела растерянных друзей, стараясь запомнить их лица в мельчайших подробностях. Больше увидеть их мне не суждено.

***

В подземелье было холодно. Не так холодно как в прошлый раз, когда я спускалась. Зуб на зуб не попадал, а руки тряслись, однако мои спутники не чувствовали этого. Неужели это дыхание смерти?

– Я не буду этого делать, – спокойно произнес Себастьян, прочитав заклинание. – Я не собираюсь тебя убивать.

Я молча смотрела на него, не веря, что он способен на такое предательство. Шон покачал головой, когда я бросила на него умоляющий взгляд.

– Ты принимаешь решение в спешке, – поддержал друга Хайдс. – Я с ним полностью согласен.

– Этот ритуал не убьет меня, – возразила я. – Он вернет мне мои силы.

Хайдс молча покинул комнату и направился наверх, я лишь разочарованно вздохнула, смотря на Ламарка.

– Да, вернет тебе силы, с помощью которых ты убьешь себя сама, – с горечью бросил Себастьян.

Он настойчиво поднял под мой подбородок, заглядывая прямо в глаза. Я слабо улыбнулась и провела рукой по его коже, очертила скулы, нос, губы.

– Я тебя люблю, – еле слышно произнес он. – И я не хочу тебя терять. Чего бы мне это ни стоило. Если ты продолжишь противиться, я похищу тебя. И мы уедем далеко. Туда, где нас никто не найдет.

– Они находят, – слабо ответила я. – Всегда находят. Это мое решение. И я бы хотела, чтобы этот ритуал провел ты.

Потому что я доверяю тебе. Доверяю тебе свою жизнь.

Я аккуратно взяла его руку и положила на свою грудь, где отчаянно билось сердце, грозившееся вот-вот разорваться от тягучей печали.

– Свое сердце я вверила тебе, – прошептала я. – И приняла решение. Я не жду, что ты будешь согласен, хочу лишь твоей помощи и поддержке. Мне нелегко. Я хочу жить. Очень хочу. Но еще больше я хочу, чтобы кончилась охота. Чтобы ведьмы не прятались, не теряли своих родных и не носили в себе скорбь. Когда на кону стоит тысяча жизней, разве имеет значение желание одного человека?

– Не такой ценой... – процедил Себастьян, сжимая мою руку.

– Любой ценой, – уверенно произнесла я. – Как ты и говорил...

– Нет, Эстер, – запротестовал Ламарк.

Я осторожно встала на носочки и прижалась к его губам. По щекам текли слезы, которые Себастьян нежно стирал пальцами. Это мгновение я тоже хотела оставить в памяти. Мгновение, когда жить хотелось отчаяннее всего.

– Пойми, если мы не сделаем это, я не смогу жить нормально. Не смогу видеть чужие смерти и точно знать, что я могла это предотвратить. Я очень хотела... Счастливый конец... – я усмехнулась. – Хотела поехать с тобой в Марсель, хотела проводить еще много вечеров с Элиз и Колином, видеть улыбку Ника каждый день, слушать шутки Шона. Я хо-

тела. Нагнать эту жизнь, что у меня отняли, но, знаешь... Я рада, что существовала так серо. Иначе мне было бы невыносимо оставить все позади. Мортиус был прав. От начала и до конца. Гораздо легче уйти так, зная, что моя смерть не опечалит никого надолго...

– Что ты такое говоришь? – Себастьян отшатнулся. – Ты думаешь, я смогу забыть? Ты думаешь, я не буду видеть тебя в своих снах? Думаешь, что Шон не будет пытаться сделать хотя бы что-то, чтобы вернуть тебя? Думаешь, твои друзья смогут так просто смеяться в компании? Нет. Ничего из этого не будет.

Я стиснула зубы. Его слова острыми лезвиями полоснули мой обезумевший разум. Так сложно решиться упасть в пропасть, когда тебя держат изо всех сил.

– Мне вчера снился сон, – продолжил Себастьян дрожащим голосом. – Там были я и ты. Вместе. В моем родовом поместье. У нас была собака, водяной дракон... Мы были так счастливы. Хоть я и темный маг, я так надеялся, что сон этот пророческий...

По щекам Себастьяна бежали слезы. И я сломалась. Рыдания разрывали горло. Лбом я прижалась к его груди, вцепилась в рубашку, пропитанную моими слезами, будто он мог спасти меня. Не дать мне утонуть в этом всепоглощающем горе. Ламарк гладил меня по волосам, прижав к себе так крепко.

Мои ноги подкосились, я соскользнула на пол, но он был

рядом. Сидел со мной на холодной плитке, утешал, шептал что-то. Но я не могла. Не могла это выносить. Слишком много выпало на мою долю. На его долю.

– Почему они нас не оставят в покое, – по-детски вопрошала я, подняв глаза на Себастьяна.

Он сжал челюсти и покачал головой.

– Смерти были всегда, будут и в будущем. Но твою я допустить не смогу. Не прощу себя, – слова рывками слетали с его губ.

Мы так много не успели сделать. Наши чувства прожили недолго, но они были яркой вспышкой в моей жизни. Яркими лучами они окрасили весь мир вокруг в новые краски. Я выдохнула. Если у меня хватило сил пережить заключение в Фужере, значит хватит сил на один единственный ритуал. Потом же я погружусь в сон, где больше не будет боли и слез. Я должна это сделать.

Послышались шаги. Себастьян крепче прижал мою голову к своей груди.

– Купола рушатся, – задыхаясь, проговорил вошедший Шон. – Мортиус мертв, – сорвалось с его губ.

– Пора начинать, – на выдохе произнесла я. – Времени... больше нет.

***

Меньше всего я ожидала увидеть слезы на щеках Шона. Точнее, одну единственную слезу, одиноко скатывающуюся по его бледной коже. Себастьян понуро просматривал пер-

гамент с записанным заклятием, а я расположилась в самом центре мраморного помоста. Осознание того, что, возможно, это последние минуты моей нормальной жизни, так и не пришло.

– Готова? – боль в голосе Себастьяна резануло сердце, однако я кивнула, прикрыв глаза.

Он согласился провести ритуал лишь тогда, когда я решительно направилась искать другого темного мага. Я распахнула глаза и взглянула на лица магов. Я хотела запомнить каждую маленькую деталь, надежно запечатлеть их в своей памяти. Шон помотал головой, резко запрыгнул на помост и порывисто обнял меня, крепко, отчаянно.

– Прости меня, – прошептала я в его плечо. – Я не хотела причинять тебе боль... Никогда не хотела.

– Ты меня прости... Я не сдержал свою клятву, – ответил Шон. – Опять.

Он отстранился и покачал головой, глядя мое лицо. Я смотрела в его покрасневшие глаза, отражавшие всполохи пламени. Хайдс прикрыл глаза и коснулся губами моего лба. Я чувствовала его слезы на своей коже, чувствовала дрожь его рук.

– За это тоже прости, – тихо произнес он и отошел.

На коже я чувствовала цепкие взгляды, которые я была не в силах вынести. Моя собственная боль захлестывала с головой, во мне более не было места для чужий переживаний.

Себастьян читал заклятие. Он очень старался четко выго-

варивать каждое слово, но длинные паузы, тяжелое дыхание выдавали его злость, перешедшую в отчаяние.

Я подняла с пола чашу, наполненную теплой водой с травами, и до дна выпила горький отвар.

Тело наполнялось странной энергией, вытеснившей всю боль, что плескалась внутри. Вмиг я ощутила небывалую легкость, будто могла совершить что угодно, будто весь мир оказался в моих руках. Глаза неистово жгло.

С криком я упала на колени и схватилась за лицо. Казалось, что меня пытаются сжечь заживо. Я тяжело дышала, голова шла кругом. Слова Себастьяна доносились будто из-под воды. Я осталась наедине с этой всепоглощающей болью.

Перед глазами все расплывалось. Я больше не могла различить камни, черты лиц друзей. Вжалась щекой в холодный камень, будто это могло помочь, как-то унять эту бескрайнюю агонию. Но ничего не помогало.

Я зажмурилась, считая секунды, отвлекая безумные мысли на простые цифры. Раз, два, три... Мышцы сводит. Восемь, девять, десять... Энергии в моем теле становится так много, что кажется, я не смогу вместить ее полностью. Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... Ногтями я скребла камни. Сорок три, сорок четыре, сорок пять... Неистовый, животный крик разрывал горло. Шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три... Себастьян смолк, мир погрузился в молчание. Сто шесть, сто семь, сто восемь... Боль начала отступать. Двести тринадцать, двести

четырнадцать, двести шестнадцать... Я лежала на холодном полу без чувств, ощущая лишь пульсацию магии в венах.

Аккуратно, будто боясь спугнуть внезапно накотившее облегчение, я поднялась на руках, открыла глаза. Пустота. Моргнула. Ничего.

Я потерянно отползла назад, проводя руками в воздухе где-то перед лицом. Темнота. Абсолютная темнота заволокла все вокруг, клубилась в моем разуме.

– Я ничего не вижу, – силясь скрыть панику в голосе, произнесла я.

– Как и говорил Мортиус, – раздался голос Себастьяна совсем рядом.

Он звучал так опустошенно, так странно, будто все чувства из него вынули. Крепкие руки Ламарка подхватили меня, помогая подняться на ноги. Я испуганно схватилась за его шею.

– Ничего не вижу... – повторила я.

– Тише, – прошептал он. – Не пугайся, я подниму тебя на руки и отнесу наверх, хорошо? – ласково спросил он.

Я закивала. Животный страх. Я приоткрыла рот, глотая спертый воздух. Холод лизал кожу, покрытую слоем пота. Я уже сделала шаг в пропасть, назад дороги нет. Дальше лишь стремительное падение и конец.

– Ничего страшного, – произнесла я, успокаивая себя. – Все будет нормально...

Себастьян подхватил меня на руки, а я лишь испуганно

вцепилась в хлопковую ткань его рубашки.

– Что происходит снаружи? – спросила я.

Вопросы помогают отвлечься, помогают не думать о том, что мне предстоит сделать.

– Это неважно, – горько проговорил он. – Я уложу тебя в кровать, чтобы было удобнее... засыпать.

Я наощупь нашла его лицо.

– Твои щеки мокрые, – произнесла я. – Не плачь по мне, пожалуйста.

– Я не даю клятвы, которые не могу сдержать, – лишь ответил он.